

*Незримые каменные
мости*

Дарья Сорокина - Друк

Оставь надежду всяк сюда входящий! И лишь отчаянье ждет за сенью врат! И монстры рыщут в подворотнях града, скрываясь под личиной света! Здесь трусость прикрывается сутаной! Возмездие — иллюзия обмана! А истина запрятана в подвалах, где цербер день и ночь несет дозор. Кто встанет против злого рока, прогонит прочь испуг и душу обнажит? Коварный гений держит в страхе город и в то же время честью дорожит! Тихий священник, дерзкая девчонка, разумный доктор, высокомерный адвокат, что связывает их воедино? Какой секрет так страстно стерегут?

Часть первая. Кристи Предисловие

Ненависть... В сердце столько ненависти! Мерзкой смолой, липкой и тягучей, она просачивается в каждую клетку организма, пожирая изнутри, превращая в озлобленного отшельника.

Окружающие принимают иллюзорный облик за исчадие ада, не удосужившись разузнать что-нибудь о человеке, о его прошлом, настоящем. Они созерцают тленную оболочку, вынося конечный вердикт, не подлежащий осуждению. Им плевать, что творится в израненной душе, в спуганных мыслях. Люди не желают примерять на себя образ Фрейда и проводить глубокий психоанализ. Они судят о содержании книги, не открывая ее, мельком взглянув на обложку.

Вы рассказывали кому-нибудь о своих проблемах, пристально наблюдая за поведением собеседника? Блуждающий взгляд, скучающее выражение лица, автоматические кивки в знак согласия. А если пересечете черту и ненароком пустите слезу, то перед вами окажется загнанный в ловушку зверь, мечущийся в поисках спасительного выхода. Ваш слушатель предпочтет погибнуть от инфаркта, нежели согласится дальше терпеть размазывание соплей и мелодраматические нюансы исповеди.

Я ненавижу! Да, я ненавижу людей с их фальшивой учтивостью, показными манерами, театральной заботой! Я не приемлю религию, служащую щитом для грешников и трансформирующуюся в святых мучеников. Я презираю Господа! Если предположить, что он все же существует, то так называемый Творец, ничем не лучше Дьявола, созданного им по образу и подобию. Он закрывает глаза на несправедливость, прощает насилие, позволяет совершаться бесчинствам. Он благоволит тем, кто наделен властью, нечистой совестью, подвержен порокам и уверен в своей безнаказанности. В моем сердце нет места для такого Бога, лишь слепая ненависть!

Я пренебрегаю всем миром за не оказанную помощь, в которой так нуждалась, за безразличие в те минуты, когда я стонала словно раненая лань, но все были глухи к моему крику отчаяния, и за ту нестерпимую боль, что мне причинили, невзирая на мои слезы и мольбы.

На этой бездушной планете нет места добру и милосердию! Все вокруг фарс — черная комедия, разыгранная на подмостках мировой цивилизации, где постановщиком спектакля является Господь! Сценарист и зритель в одном лице! Лауреат премий за самую лучшую драматургию! Он дико хохочет, удобно расположившись на небесном троне, созерцая созданную им трагедию, где страдания марионеток доставляют ему невероятное удовольствие.

Моя вселенная никогда не станет прежней! В моем темном царстве нет места солнечному свету! Здесь я, в сырых подземельях, создаю свой полный мрака мир. На этих просторах есть лишь один хозяин — моя темная сущность. Если Господь разгневан и жаждет поквитаться со мной, что же... Я встречу Его во всеоружии. Никто больше не посмеет причинить мне боль! Никому не позволю унижить себя и втоптать в грязь. Пока мое сердце бьется, и я могу дышать, то буду нести Разрушения и Хаос. Пока жива, я буду жаждать возмездия за ту мерзкую ночь, сломавшую мою жизнь, превратившую мое сердце в обломок гранита. Я отомщу за тот кошмар и безудержный смех Создателя, созерцающего смерть моей души!

Глава 1

Кристи было почти восемнадцать. В ее внешности отсутствовала юношеская наивность, мечтательный взгляд, безграничный оптимизм. Волосы, черные как смоль, спадали длинными неопрятными прядями ниже лопаток, напоминая прическу Оззи Осборна на пике карьеры. Мрачный макияж резко оттенял неестественную бледность кожи. Впалые щеки и темные потухшие глаза, придавали сходства с мертвецами из дешевых фильмов ужасов. Черная одежда с длинными рукавами в любое время года. Каждая мелочь в девушке, словно кричала о том, что она из иного измерения, где живут лишь призраки. Возможно, поэтому она предпочитала кладбище.

Здесь было тихо, казалось, тонкая грань между загробным миром и миром живых исчезала, соединяя их воедино. Под слоями земли тлели кости многолетней давности, или гнили свежие трупы. Но они молчали. Они не испытывали ни любви, ни ненависти, ни жажды, ни голода. Они были холодны к глобальным катаклизмам и ядерным войнам. Покой и безмолвие. Царство скорби и забвения.

Кристи, сидя на гранитной плите, сделала глубокую затяжку. Сигарета, злобно шипя, истлела до половины. Девушка открыла рот и медленно выпустила клубы дыма. Никотиновое облако, похожее на сказочного джина, приняло причудливую форму и поднимаясь к небесам, начало неспешно растворяться в воздухе.

Тишина. Полуразрушенные могильные памятники и склепы, заросшие плющом, почерневшими остовами возвышались на фоне оранжевого заката. Августовский ветерок притих среди кленовой листвы, слегка опыленной багрянцем. Солнце лениво плыло к линии горизонта, не желая отдавать этот мир наступающим сумеркам, притаившимся в тени высокой травы и кустарников.

Кристи потушила сигарету о гранитную плиту, выбросив рядом окурки. Она сделала глубокий вдох, наслаждаясь безмолвным покоем погоста. Ей совершенно не хотелось домой. Здесь она чувствовала себя в безопасности. В этом месте она не ловила на себе осуждающие взгляды. Рядом с ней не было вечно орущей матери, изображающей из себя набожную даму на публике, а в семейном гнезде превращающуюся в безумного монстра. Здесь не было отца — безмолвного раба строгой супруги, боявшегося молвить слово наперекор. И не было младшей сестры, всюду таскающей Библию в руках и восхваляющую Господа. Кладбище являлось убежищем. Мертвым все равно как ты одета, ходишь ли ты по воскресеньям на мессу. Им плевать на твои невзгоды и радости. Они безразличны ко всему.

Кристи, прищурившись, взглянула на заходящее солнце. На ее лице появилась ироничная улыбка. Черная помада на тонких губах и длинные вечерние тени на лице, создавали пугающий эффект. Словно на мгновение в девочке пробудился демон, жаждущий поработить бранный мир. Кристи поднялась и медленно побрела по заросшей тропинке, пританцовывая. Издалека могло показаться, что чей-то призрак получил второй шанс на земную жизнь и, радуясь внезапной удаче, пустился в безумный пляс.

Это было ничем не примечательное воскресное утро. Солнце, не спеша, поднялось над мегаполисом, обещая жаркий летний день. Горожане лениво покидали душные дома — коробки, совершая утреннюю прогулку, или же с семьей отправляясь на мессу. Даже

владелец булочной, с супругой и детьми, в этот день присутствовал на заутрене. Местные жители могли купить румяную выпечку только после службы, когда хозяин заведения возвращался из церкви и открывал двери магазина для всех желающих полакомиться ароматной сдобой и горячим хлебом.

Мария, смотря в зеркало, тщательно пыталась уложить выбившуюся из прически прядь. Она нервно поглаживала пальцами волосы, но они словно взбунтовались, продолжая торчать посреди ровного пробора. Прическа в виде кокона старила женщину. Да, в свои сорок лет Мария выглядела на много лет старше, чем ее ровесники. Возможно, суровый нрав иссушил ее кожу и добавил седины волосам, а может неприязнь к косметике превратила ее в сухощавую старуху, покрытую паутиной морщин. Марию возраст не волновал, как и мнения окружающих по поводу ее внешности. Она была уверена, Бог ее любит такой, какая она есть. Господь отворит врата Рая перед ней, ведь она чтит его законы, трудится во славу Божью и возносит молитвы каждый день.

У Марии не было подруг, если не брать во внимание нескольких дам из приходской общины, которые максимально соответствовали ее стандартам дружбы. С ними она старалась встречаться лишь по церковным делам. Богобоязненные особы вызывали восхищение, но все равно были не ровня ей. Она чувствовала, что Всевышний направляет ее, благословляет и поддерживает, в то время как остальным дарит лишь жалкие крохи своей любви. Марии нравилось ощущать себя Избранной, и она свято верила, что так оно и есть. Она — излюбленное Дитя Господа!

Женщина старалась тщательно стереть из памяти те времена, когда ее душа блуждала в потемках, а заветы Господа были лишь навязанными предками традициями. Обретя веру, Мария превратилась в добровольного изгоя и заодно обрекла свою семью на вечное одиночество. В доме все должны были безоговорочно следовать ее правилам и законам Божиим. Любое неповиновение жестоко каралось. Наказание подкреплялось стихами из Библии, которые лишь подтверждали правоту женщины.

Мария взглянула в настенное зеркало. Завиток наконец-то перестал сопротивляться и ровно лег к другим волосам. Женщина холодно улыбнулась. Вокруг рта и глаз глубокими канавками пролегли морщины. Знаменитая улыбка надменной королевы. Безжизненная, фальшивая, идеально подходит для прихожан в церкви.

— Все готовы? Мы должны были пятнадцать минут назад выйти из дому. Скоро начнется месса.

Мария достаточно часто кричала, но даже тогда, когда ее голос звучал сдержанно и спокойно, он разносился по дому, словно раскат грома, от которого дрожали стены. Щуплый, невысокого роста мужчина, второпях поправляя галстук, подбежал к ней. Его лицо выражало хроническую усталость, будто он испытывал недостаток сна или дни напролет занимался тяжелым физическим трудом. Побочным явлением недосыпа стало полное выпадение волос на голове. Лысина мужчины, пожалуй, была единственной видимой частью тела, которая выглядела великолепно, сияя при тусклом комнатном свете.

— Дорогая, не волнуйся, мы не опоздаем.

Мужчина виновато взглянул на грозную супругу, боясь ее гнева.

Мария посмотрела на мужа с презрением. Казалось, что перед ней стоит не отец ее детей, а отвратительное насекомое, которое жаждет быть раздавленным носком ботинка. Резким движением она затянула узел галстука на шее супруга, да так туго, что он чуть не задохнулся. Став пунцовым от нехватки воздуха, он боязливо опустил глаза, чтобы избежать

пронизывающего, колючего взгляда.

— За столько лет, вы не можете выучить одно простое правило?! Мы никогда не опаздываем в церковь, — сухо процедила Мария и переключила свое внимание с мужа на пустой коридор. — Девочки, быстро спускайтесь вниз! Я не стану ждать ни секунды!

— Дорогая, они уже в церкви, ждут нас, — голос мужчины превратился в шепот, в нем появилась легкая дрожь. — Лаура их отвезла.

Мария нервно поджала губы, в ее глазах появились металлические искры. Мужчина вжал лысую голову в плечи, в надежде, что этот трюк спасет его от гнева благоверной, но его попытки были тщетны, супруга пришла в бешенство.

— Кто дал разрешение Лауре везти моих детей на воскресную службу? Она няня, и не более того! Моя законная привилегия распоряжаться детьми, указывать, куда им идти и что делать. Они — моя собственность, а не ее, — тон Марии был ледяным. Покажись Лаура сейчас на пороге, женщина растерзала бы ее на месте.

— Ты права, бесспорно, права, дорогая. Лаура подумала, что так будет лучше. Ты же знаешь, что Кристи не упустит возможность затеять ссору с тобой. И тогда мы точно бы опоздали, — не поднимая глаз, мужчина чуть ослабил галстук, позволяя воздуху свободно проникнуть в легкие.

— Я никогда не опаздываю!!! — взвизгнула Мария.

Супруг испугано вздрогнул, еще больше втянув голову в плечи, словно ожидая удара.

— Эта самовольная няня сегодня же будет уволена! Она дурно влияет на детей! А с твоей порочной дочерью я бы справилась, не впервой.

Мария сделала глубокий вздох, чтобы успокоиться и, взглянув в зеркало, поправила прическу. Настроение было испорчено.

— Она и твоя дочь, — тихо прошептал мужчина.

Мария резко обернулась и отвесила мужу звонкую пощечину. Бедолага молча стерпел оплеуху, зажмурил глаза, в ожидании новых побоев.

— У этой дряни твои гены! Но я не стану сейчас обсуждать ее и еще больше расстраиваться перед мессой. Няня больше не войдет в эту дверь. А с тобой и бесноватой девчонкой я разберусь после обеда. И прекрати сейчас же строить из себя жертву! Это меня раздражает! Иди, подгони автомобиль!

Мужчина быстрым шагом покинул дом, тихо закрыв за собой дверь. Мария пренебрежительно взглянула ему вслед, затем подняла глаза к потолку и прошептала:

— Господь Всемогуший, дай мне сил справиться с этими дьявольскими отродьями. Дай терпения, направить их на путь истинный...

Огромная католическая церковь в романском стиле, величественно возвышалась на холме, днем и ночью непрерывно следя за городом и его обитателями, словно часовой на посту. Башенные часы отсчитывали время смертных на этой грешной земле, напоминая, что все в этом мире не вечно. Храм был пристанищем праведных католиков, не пропускающих мессы, и лицемеров, отдающих дань многовековым традициям. Здесь всегда былолюдно. Особенно по воскресным службам и христианским праздникам, сюда стекались прихожане со всего города. Внутри всегда пахло горящими восковыми свечами и цветущим олеандром, кустарники которого буйно разрослись в церковном саду. Хор ангельских голосов и звуки органа создавали располагающую обстановку, чтобы каждый горожанин или гость

чувствовал себя ближе к Всевышнему. Все прихожане, посещающие Божий дом, были не без греха, если не брать во внимания новорожденных и маленьких детей. Каждый мирянин, войдя в храм Господень, считал своим святым долгом надеть маску набожности и смирения.

Пожилой священник, с лицом заправского алкаша, мастерски создавал образ праведника и в свободное время напутствовал советами, приводя примеры из Евангелия. Паства покорно соглашалась с рекомендациями святого отца, хотя присутствующие знали — это всего лишь пустые слова. Ни для кого не было секретом, что святой отец не прочь вечерком выпить рюмку — другую чего-нибудь горячительного, а порой и вообще напиться в хлам. Горожане закрывали глаза на столь незначительные грешки главы церкви, ведь он был единственным шансом попасть в райские кущи, а за комфорт в загробном мире прихожане могли простить любые оплошности священнослужителю. Ну, а если бы кто-то решился упрекнуть, упаси Господи, святого отца в излишнем потреблении алкоголя, то кара божья незамедлительно бы настигла нечестивца. Священник хранил компромат на всех и каждого.

Тайна исповеди — идеальное средство для манипуляций. Ты владеешь колоссальным запасом секретов. И если действовать с умом, то можно использовать информацию в своих целях, не нарушая церковных канонов. Святой отец, хоть и был отъявленным пьяницей, обладал весьма трезвым взглядом на данную ситуацию. Если вдруг кто-нибудь из жителей города рискнул насолить ему, то ответная реакция не заставила бы себя долго ждать. Преподобный знал об абортах, изменах, рукоприкладстве, мошенничестве и прочих повинностях. Он слушал душеизлияния прихожан, а после заносил добытые сведения, если они представляли собой ценность, в маленькую тетрадь, которую бережно хранил от людских глаз.

Каждый раз, читая проповедь, он смотрел на свою паству и обещал им Эдем после смерти, а сам надеялся, что вся эта ничтожная толпа, утопающая в грехах, сгорит в Геенне огненной. Ежедневно священнику приходилось примерять на себя образ миролюбия и благочестивости. Он был прекрасным актером, которому невероятно легко удавалось воплотиться в роль богобоязненного человека — представителя Господа.

Преподобный терпеть не мог своих прихожан. Они для него были просто серой массой, не желающей чтить законы божьи, но жаждущие вечной жизни после смерти. И все же, среди одинаковых лиц были те, к которым он испытывал особую неприязнь

Таковыми значимыми личностями являлись Мария и ее семейство.

Мария вызывала у священника легкий страх и тошноту. Ее набожность граничила с безумием. Временами он ловил себя на мысли, что если бы у этой дамы была возможность стать Папой Римским, то она с усладой ввергла этот мир в темное Средневековье. Преподобный благодарил неоднократно Господа за то, что Он не сотворил Марию мужчиной.

Эта женщина, как и священнослужитель, легко могла бы получить Оскар за лучшую роль. Она достойно могла сыграть великомученицу или пресвятую деву, замаскировав под толстым слоем грима лик гремучей змеи, ждущей удобного момента, чтобы впиться ядовитыми клыками в жертву. Мария была единственной в приходе, на кого не удалось собрать компромат. Ее исповеди были тщательно отрепетированы и весьма поверхностны. Ни единой улики указывающей на преступление. Но старого священника сложно провести. Он догадывался, что в тихом омуте полно затаившихся чертей. На эту мысль его наводило чудное семейство святоши. Не кривя душой, он мог сказать, что старшая дочь дамочки,

своими выходками радовала его, а вернее радовало выражение лица Марии, потерявшей контроль над чадом.

Кристи была хороша. Она, словно тайный союзник священника, терпеть не могла свою идеальную родительницу и не упускала шанса покрыть позором безукоризненное имя матери. Правда от проделок страдали так же прихожане, интерьер храма, и даже сам преподобный, временами становился объектом нападок подростка. В душе он ликовал, глядя, как Мария безуспешно стремится затащить дочь в обитель божью, а та в отместку выкрикивает бранные слова во время службы, наносит урон церковному имуществу, а однажды даже устроила стриптиз.

Святой отец помнил в деталях тот день, когда Мария слезно просила его получить одобрение на ритуал экзорцизма. Она была уверена, что телом дочери овладел сам Сатана. Преподобный ответил ей отказом, посоветовав показать ребенка медицинскому специалисту. Он помнит взгляд Марии: колючий, полный презрения и ненависти. Священнику казалось, что она его придушит, но женщина лишь холодно кивнула в знак согласия. И преподобный понял, что приобрел злейшего врага, который при удобном случае не побрезгует вонзить нож в спину.

Безумная баба попыталась отомстить, написав жалобу епископу. К счастью, тот оказался здравомыслящим человеком и не предал значения инциденту. Да еще к тому же, повторно отказал даме в ритуале экзорцизма, пояснив, что единственный демон способный овладеть ребенком, всего лишь переходный возраст. Изгнать его церковнослужителям не под силу.

Сегодня был обычный воскресный день, и святой отец предвкушал насладиться очередным шоу, которое может произойти, благодаря черноволосой бестии. Храм был полон. Кристи с младшей сестрой и няней сидели на скамье в ожидании начала литургии, но Марии с супругом не было видно. А без них спектакль мог не состояться и не возыметь такого сногшибательного эффекта.

Преподобный заподозрил что-то неладное. Своевольная и деспотичная дамочка, за три года посещения данного прихода, никогда не опаздывала к литургии. Дальше откладывать мессу священник больше не мог.

Лаура, невысокая женщина лет пятидесяти с мягкими чертами лица, тревожно поглядывала на дверь храма. Она нервничала, хотя и старалась не подавать виду. Ее переживания в первую очередь были связаны с Марией, которая наверняка разгневется, узнав, что няня без разрешения повела детей в церковь. Вторая причина — Кристи, которая в любой момент могла сорваться и спровоцировать очередной скандал. Лаура взглянула на девочек.

Десятилетняя Анна прекратила чтение Библии и внимательно слушала священника, начавшего мессу. Кристи, с каменным лицом, смотрела в пространство, словно ее разум летал в иной вселенной. Лаура знала, что девушка терпеливо ждет прихода родителей, чтобы хорошенько их позлить. Несомненно, у нее в запасе был новый цирковой номер, который она намеревалась показать сегодня в храме. Внезапно Кристи пришла в себя, огляделась и сосредоточенно уставившись на преподобного, с презрением прошептала:

— Ненавижу воскресенье! Ненавижу проповеди, причастие и этот идиотский хор!

Лаура беспокойно сжала руки, так сильно, что костяшки пальцев побелели. Она умоляюще взглянула на девочку.

— Прощу тебя, Кристи. Только не сейчас.

— За такие слова можно попасть в ад, — произнесла Анна механически, продолжая внимательно слушать священника.

Кристи громко расхохоталась, привлекая своим смехом недовольные взгляды прихожан. Преподобный еле заметно улыбнулся, но не прервал службу. До кульминационного момента еще надо было немного подождать.

— Мне плевать на ваш Ад, Рай, Страшный суд!!! Меня сейчас вырвет от этой угнетающей музыки, этих восхваляющих Господа речей, от ваших смиренных физиономий!!!

— Извините, извините нас! — Лаура виновато оправдывалась перед присутствующими и священником, который делал вид, что ничего не замечает.

— Кристи, замолчи. Ты в храме Господнем. Тебе не стыдно? — Вновь вмешалась Анна, на этот раз серьезно посмотрев на сестру. Малышка пыталась помочь няне, которая взглядом растерянно искала поддержки у окружающих, но лишь встречала неодобрение и осуждение в выражениях одинаковых, серых лиц.

— Да горите вы все адским пламенем, лицемеры!!! — Кристи вскочила со скамьи, плюнула с отвращением на пол и побежала к выходу. Ее тяжелые каблуки, на черных кожаных сапогах, отбили четкую дробь, звук которой отразился от стен храма, перебив ангельские голоса хора.

— Кристи, вернись, — отчаянно прошептала Лаура, но не двинулась с места, — Мария меня уничтожит, если не найдет тебя здесь.

Просьба няни осталась не услышанной. Девочка стремглаввыбежала из здания, громко хлопнув тяжелой, дубовой дверью. Кристи было все равно. Она больше не могла находиться в этом помещении, где густой воздух сдавливал горло, а давящие звуки органа вызывали головную боль. Она должна была уйти. Кристи понимала, что Лауре предстоит тяжелый разговор с Марией. Такова была ее работа.

Преподобный довольно ухмыльнулся, глядя на встревоженные и недовольные лица прихожан. Лицемеры! Как точно подросток дал определение этим людям. Эх, жаль, что в этот раз спектакль был таким коротким. Вот если бы Мария была здесь... Странно, святоша до сих пор отсутствовала. Священник начал серьезно беспокоиться. Что могло воспрепятствовать богобоязненной даме, посетить мессу?

— Мама будет недовольна. Я уверена, ты ей все объяснишь, — тихо прошептала Анна, успокаивающе глядя няню по руке.

Лаура нервно сглотнула. По ее телу прошла мелкая дрожь. Она надеялась, что Мария ее не уничтожит после сегодняшних событий, ведь Лаура оплошала два раза. Вначале забрав детей без спросу, затем упустив Кристи. Мария не прощала ошибок никому и никогда.

Внезапно дверь церкви тихо отворилась. Лаура, услышав скрип петель, вздрогнула. Она напряглась, не посмев повернуть голову. Прихожане и святой отец, наоборот, с любопытством взглянули в сторону входа. Анна также обратила внимание на вошедших.

— Лаура, мне кажется у нас проблемы... — Испуганно произнесла Анна, дергая няню за рукав кофты, чтобы та, наконец, взглянула на гостей.

Собравшись духом, Лаура перекрестилась и обернулась. По проходу шли двое мужчин-полицейских с серьезными лицами, они направлялись в ее сторону. У женщины бешено заколотилось сердце. Внутренний голос подсказывал ей, что случилось что-то ужасное.

— Господь Всемогущий, дай мне сил, — Лаура вся побледнела, глядя на приближающихся стражей порядка, — Анна, я надеюсь, твоя сестра не совершила очередную глупость...

Смерть не всегда приносит душевные муки. Временами она долгожданный вестник облегчения. Внезапный уход человека образует пустоту, но не угнетающую, не бросающую тебя в бездну ада. Вместо скорби возникает чувство невесомости. Тяжкий груз спадает с плеч, и ты чувствуешь свободу. Там, где были чугунные цепи, сковывающие тебя, распускаются крылья. Нет, не воспарить в бескрайнее небеса, крылья давно подрезаны. Только осознание того, что они есть, дает надежду, что не все потеряно. Больше нет якоря, тянущего тебя на дно темной морской пучины. Ничто ни нависает над тобой дамокловым мечом. Свобода, осуждаемая окружающими людьми, награждает безразличием! Ни одной слезы не упало на сырую землю могилы. Отрешенность на лице застыло каменной маской.

Кристи помнила. Она помнила, как вернулась домой, ожидая услышать бесконечные вопли матери, упреки в свой адрес и возможно заслужить пару пощечин. Но к ее удивлению в этот раз все было иначе. Тишина. Гробовая тишина, заглушающая биение сердца, скрипы половиц, гул машин за окном. Полицейские с хмурыми лицами, словно они не только принесли печальную весть, а и сами понесли утрату. Заплаканные Лаура и Анна, которые непрерывно всхлипывали, так тихо, что можно было догадаться лишь по легкому вздрагиванию плеч. Кристи поняла — случилось ужасное. Как только эта мысль посетила ее голову, тут же тиски, сжимающие ее душу, ослабли. И через мгновение их не стало, они растворились во времени и пространстве.

Кристи не забыть, как няня рыдая, сообщила ей о жуткой аварии, в которой погибли ее родители, по дороге в церковь. Сердце девушки не сжалось от боли. С ее уст не сорвались душераздирающие крики отчаяния. Она ничего не почувствовала, словно страшное известие не касалось ее. Несчастье произошло с кем-то другим, с теми чужими людьми, про которых пишут в сводках новостей местной газеты, а судьба незнакомцев ее не интересовала. Кристи невозмутимо взглянула на няню и молча прошла в свою комнату, закрыв дверь на ключ. Единственный человек, к которому в данный момент она испытывала сострадание — это сестра, утопающая в слезах.

Кристи не могла себя заставить скорбеть по матери, превратившей ее жизнь в кромешный ад. Она не жалела отца, отказавшего ей в помощи, под влиянием деспотичной супруги. Он просто скрылся в раковине, как трусливая улитка, не желая вступать в конфликт. Кристи было наплевать на биологических родителей, погибших несколько часов назад! Без них ее жизнь, возможно, не станет лучше, зато теперь ей не придется терпеть издевательства Марии.

Огромные лесистые холмы, словно волны безбрежного океана, простирались зеленым покрывалом до самого горизонта, превращаясь в исполинские горы с лысыми вершинами. С приходом зимы острые пики покроются снегами, скрыв прогалины, где трава высохла от невыносимого летнего зноя. А весной лучи растопят лед. Ручьи бурными потоками потекут в долины, и ненадолго вершины покроются сочной растительностью, пока безжалостное летнее солнце не сожжет все заново, превращая все вокруг в бесплодную пустошь.

Исполинские ели, буйно растущие вдоль длинного шоссе, вьющегося среди холмов юркой змейкой, отбрасывали длинные тени на дорогу. По автомагистрали спешили редкие автомобили, жаждущие поскорее покинуть живописную провинцию и утонуть в пробках

задымленных мегаполисов. Лишь старый синий форд стремился прочь от большого города, словно пытался сбежать в глушь диких мест от проблем, стараясь скрыться под тенью густых крон хвойных деревьев.

Лаура вела осторожно автомобиль, сосредоточенно смотря на дорогу, не превышая скорость. Временами она поглядывала в зеркало. Ее взору открывался вид пассажирского сиденья, где устроились девочки.

Кристи отсутствующим взглядом смотрела в окно, прислонившись лбом к стеклу. Зеленая стена леса, отражалась в ее карих глазах, словно в зеркале, делая ее взгляд еще более холодным.

Анна не смотрела на дорогу. На ее коленях лежала Библия, которую она с упоением читала. Ее губы беззвучно шевелились, пальцы водили по строкам. Лаура тихо вздохнула.

Кристи внезапно словно очнулась от сна. Она открыла окно. Ветер ворвался в салон и заиграл прядями волос девочек. Кристи глубоко вдохнула прохладный горный воздух. Анна оторвалась от книги и внимательно посмотрела на няню, которая молча вела авто.

— Как ты думаешь, Лаура, мама с папой сейчас в раю?

Женщина грустно улыбнулась, взглянув в зеркало заднего вида, встретившись взглядом с девочкой. Она утвердительно кивнула.

Кристи усмехнулась, высунула руку в окно, подставляя ее ветру.

— Какая же ты наивная, сестренка. Они не заслужили ни рая, ни ада!

— Кристи, прошу тебя... — Лаура, сбавила скорость, ожидая очередного скандала.

— Злая ты. Мама, не одобрила бы твои слова... — Анна с обидой взглянула на сестру.

Кристи вновь усмехнулась.

— Думаешь, они там наверху? На небесах? — Девушка указала на ясное небо, — По-твоему, они наблюдают за нами? Что же, если ты права, то они должны это увидеть! — Кристи вытянула средний палец и подняла его вверх.

Глаза Анны наполнились слезами. Она сжала Библию руками.

— Хм... Меня не сразил гром небесный! Значит, никого там наверху нет. Ни бога, ни родителей, ни черта!!!

— Кристи, прекрати... — произнесла сдавленно Лаура.

— Мама была права, ты — сущий дьявол!!! — захлебываясь в слезах, вскрикнула Анна. — Ты черствая, эгоистичная!!! Господь тебя накажет, за твои деяния!!!

— Девочки, умоляю вас, не начинайте ссору. И так тяжело.

Лаура напряглась, надеясь, что ситуация разрешится и не перерастет в драку. Кристи было уже не остановить, она вошла в раж. Девушка с презрением взглянула на ревущую сестру и язвительно произнесла:

— Знаешь, что я думаю о твоём Господе? Его не существует! А если предположить, что горе-творец и есть на этом свете, то он является истинным злом! Он так возлюбил тебя, что оставил сиротой! Он так оберегал меня, что моя жизнь превратилась в бесконечный кошмар! Он так обожал наших безумных родителей, что превратил их в кровавое месиво! Да ему плевать на нас всех!!! — Голос Кристи сорвался на крик, глаза загорелись огнем ненависти, дыхание участилось.

— Замолчи!!! — взвизгнула Анна, попытавшись ударить сестру библией. К счастью, Кристи успела схватить книгу и избежать удара.

— Девочки!!! — Лаура резко остановила машину, но ее действие не прекратило ссору.

— Твой бог — самый безжалостное чудовище в истории человечества! — Кристи

вырвала Библию из рук сестры. — Я презираю его и все, что связано с ним! — девушка с ненавистью вышвырнула книгу в распахнутое окно.

— Кристи, да что с тобой не так!!! — Воскликнула Лаура, выскакивая из автомобиля.

Анна заревела во весь голос и набросилась на сестру с кулаками. Кристи холодно схватила ее за запястья, с усмешкой глядя, как сестра безуспешно пытается ударить ее.

Лаура подняла книгу и, подойдя к задней двери автомобиля, распахнула ее.

— Анна, прекрати драку и сядь вперед. Быстро!!! — Голос няни звучал угрожающе. — А ты, Кристи, закрой свой рот до конца поездки и перестань провоцировать сестру. Еще один такой инцидент, и я вас поколочу, несмотря на то, что вы в трауре.

Лаура твердым шагом направилась к месту водителя. Сев в автомобиль, она положила Библию в бардачок и терпеливо стала ждать, когда Анна сядет рядом с ней.

Кристи отпустила сестру. Анна молча пересела вперед.

— Вот и отлично, теперь мы можем продолжить путь.

Лаура завела автомобиль. Форд медленно тронулся. Кристи сжав губы, посмотрела в распахнутое окно.

Кристи помнила. Она помнила каждый момент ее жизни до того злосчастного дня: молитвы перед сном, деревянный крест с Иисусом, висящий на стене в изголовье ее кровати, первое причастие. Она помнила Марию, возложившую на алтарь поклонения свою любовь к богу, отодвинув семью на задний план.

В памяти Кристи всплыл один из моментов, который ей не суждено было забыть.

Вечерело. За окном густые сумерки с жадностью пожирали последние лучи солнечного света, окутывая здания и деревья тягучим серым туманом.

На больших настенных часах пробило семь вечера. Стол был накрыт к ужину, но к трапезе ни один из членов семьи не приступал, терпеливо ожидая чего-то.

Анна тихо что-то рассказывала отцу, который натянуто, улыбался, рассеянно кивая, пытаясь создать видимость хорошего слушателя. Его потухший взгляд выдавал безразличие. Болтовня младшей дочери совершенно не интересовала его.

Мария ходила рядом, то и дело поглядывала на часы, словно ждала кого-то. Она временами поправляла скатерть, приборы, тарелки. Женщина тянула время, зная, что никто не притронется к еде без разрешения.

Кристи устала ждать. Она улучила момент, когда мать отвела свой взгляд от стола и быстро протянула руку к корзине с румяными булочками. Она напрасно надеялась, что ее поступок останется незамеченным. Мария тут же среагировала.

Боль была адской. Женщина с такой силой ударила дочь по руке, словно намеревалась сломать ее.

— Я миллион раз говорила тебе, чтобы ты не помышляла прикоснуться к еде, пока не произнесена молитва, — в голосе Марии звучали металлические нотки.

Кристи отдернула руку и склонила голову, мечтая провалиться сквозь землю, лишь бы не слышать выговор матери. От боли ей хотелось разреветься, но она знала, что слезы лишь усугубят ситуацию, и гнев Марии будет в разы страшнее.

— Прости. Я не собиралась есть, хотела лишь положить на свою тарелку, — виновато произнесла девочка, не поднимая глаз.

Анна замолчала и сделала вид, что с интересом рассматривает рисунок на скатерти. Отец, ощутив напряжение в воздухе, поспешил покинуть центр событий.

— Воды нет на столе, сейчас принесу, — поднявшись со стула, он ретировался с места боевых действий.

Мария оставила без внимания факт бегства супруга, с презрением смотря на старшую дочь.

— Я знаю, как мне следует поступить с тобой, — ледяной тон женщины заставил девочку вжаться в стул, — наказание укрепит твою волю, а раскаяние поможет осознать оплошность, которую ты намеревалась совершить.

Кристи молча кивнула, стараясь не расплакаться. Она знала, Мария не отступит от своих намерений. Эта женщина получала невероятное удовольствие, унижая и наказывая членов семьи.

— Сегодня, ты останешься без ужина. Отправишься в свою комнату и будешь молить Господа о прощении за свой проступок. Ты можешь солгать мне, но не Ему. Он все видит. И твои действия, и твои мысли. — Мария довольно улыбнулась, восхищаясь своей короткой речью.

— Хорошо, мама. Я поступлю, как ты пожелаешь.

Кристи торопливо встала со стула в надежде, что на этом конфликт исчерпан. Мария же считала, что слова не имеют силы без физического сопровождения. Она со всего размаху наградила дочь подзатыльником. Кристи не вскрикнула, лишь дернулась от боли и поспешила покинуть столовую. В дверном проеме она столкнулась с отцом, несущим графин с водой, но не один из них не взглянул друг другу в глаза.

Мария натянуто улыбнулась и села за стол. Она протянула руки супругу, который тихо сел на стул, и Анне.

— Ну, что же, возблагодарим Господа нашего за хлеб насущный, который мы можем позволить себе отведать сегодня за ужином. Пусть он услышит наши молитвы и не оставит нас в горький час, и снизойдет на нас Его благодать.

Глава 3

Небольшой городок, словно каменный островок, утопал в зелени буйно растущих деревьев. Аккуратные домики конца восемнадцатого — девятнадцатого века, обладали особым шармом, придавая этому месту историческую ценность. Современные постройки прятались под сенью широких крон, как бы стыдясь своего однообразия и простоты. Гармония прошлого и будущего создавала дивный уют и ощущение сказочности.

В городке проживало не более десяти тысячи жителей. Не все они были лично знакомы, но каждый заочно был знаком друг с другом. Маленькое поселение объединяло людей. Горести и радости не проходили бесследно. Город был тихим. Громкие события здесь случались крайне редко. А если и появлялись какие-то проблемы, выходящие за рамки мирной жизни, то казусы становились достоянием общественности, обрастая слухами, долгое время, не давая покоя горожанам.

Странным происшествием, много лет назад, стало самоубийство четырнадцатилетней девочки, сбросившейся со старого каменного моста. Никто так и не узнал о причинах, подтолкнувших ее к этому ужасному поступку, даже родные, считавшиеся образцовой семьей. Констанца и Михай не уехали из города, но страшное событие оставило отпечаток на их жизни. Старший сын не смог смириться с гибелью сестры и покинул отчий дом. Он был тем, кто нашел ее бездыханное тело на камнях у горной реки. И он был не в силах находиться там, где его присутствие напоминало о том злосчастном дне.

Время, хоть и плохой, но все же лекарь. Оно способно ослабить память, затянуть раны рубцами, притупить боль. Вскоре горожане забыли о случившемся. Или делали вид, что не помнят былого. И лишь иногда, в вечерних разговорах стариков, всплывали воспоминания о трагедии.

Городок вновь переполошился. Две осиротевшие девочки, когда-то жившие здесь с родителями, вновь вернулись. Опекунство над ними взяли Констанца и Михай. Судьба затеяла очередную интригу, давая пищу слухам и предположениям.

Дом семьи Ливиану находился на окраине. Небольшой двухэтажный особняк с мансардой, увитый плющом, прятался в тени густого сада. Подъездная дорожка, выложенная кусками серого гранита, между которыми росла короткая жесткая трава, вела от ворот прямо к крыльцу. Под окнами росли розовые кусты. Аккуратно подстриженные, с огромными распустившимися бутонами, они распространяли густой аромат на всю округу.

Старый форд, поскрипывая, въехал во двор, остановившись в двух метрах от входа. Шум мотора привлек хозяев дома. Они вышли на крыльцо, ожидая, пока гости покинут автомобиль. Мужчина и женщина, лет пятидесяти, были празднично одеты, словно собрались на важное торжество. Констанца, полная розовощекая дама в голубом платье в белый горох, нервно потирала руки. Приезд гостей вызвал у нее волнение. Михай, высокий, сухощавый, облаченный в белую рубашку и темные брюки, успокаивающе погладил супруг по плечу.

Из автомобиля вышла Лаура. Она широко улыбнулась. Подойдя к паре, она по очереди обняла каждого. Следом за женщиной из машины вышла Анна. Девочка, пугливо оглядываясь по сторонам, стояла рядом с фордом, не зная идти ей вслед за няней или безопаснее оставаться здесь, рядом с автомобилем. Она все также сжимала в руках потрепанную библию — ее спасательный круг в этом огромном мире.

Лаура жестом позвала Анну к себе. Она неуверенно направилась к няне, не поднимая глаз. Подойдя к ней, Анна взяла ее за руку и прижалась. Констанца и Михай, улыбнувшись, кивнули, понимая состояние ребенка.

— Мы ждали вас намного раньше. Уже начали переживать, что вы не придете, — произнес Михай, мельком взглянув на Анну, которая пыталась спрятаться за няню.

— Во время поездки произошел неприятный инцидент. Он нас задержал в пути.

Лаура кивнула в сторону автомобиля, где сидела Кристи.

— Главное, что вы добрались до нас живые и здоровые. — Констанца улынулась, заметив, как Анна украдкой рассматривает ее и супруга. — Пройдем в дом. Я испекла вкусный пирог. Надеюсь, ты любишь сладкое? — последняя фраза предназначалась Анне. Девочка кивнула.

— Идите, идите. Я багаж возьму. — Михай направился к автомобилю.

Женщины зашли внутрь особняка, оставив распахнутую дверь за собой. Михай, подойдя к машине и открыв багажник, стал вынимать из него чемоданы и сумки. Он услышал, как громко хлопнула дверца автомобиля.

— Не трогайте мои вещи! — Голос Кристи прозвучал угрожающе.

Михай удивленно взглянул на стоящую рядом девушку. Ветерок растрепал ее черные волосы. Темные, как смоль глаза, горели злыми огоньками. Кристи, оттолкнув Михая от багажника, вытащила свой небольшой чемодан и, взвалив его на хрупкое плечо, молча пошла прочь от машины. Она не зашла в дом, а направилась вглубь сада. Михай растерянно посмотрел ей вслед.

На пороге дома появилась Лаура. Она провела взглядом Кристи, скрывающуюся за углом дома, затем покачав головой, взглянула на Михая, который не знал, что ему делать: бежать вслед за бунтаркой или же нести багаж в особняк.

— Оставь ее. Она успокоится и сама зайдет в дом.

— А девочка с характером.

— Я предупреждала, что вам нелегко придется. У нее не только переходный возраст, но еще множество черт в голове.

— Ничего страшного, Лаура, — Михай махнул рукой, — она изменится, вот увидишь. Мы одного сорванца вырастили, а с девчонкой тем более справимся.

— Твои слова — да Богу в уши, Михай.

Лаура печально взглянула на темную стену деревьев, где в глубине сада скрылся хрупкий силуэт Кристи. Она знала, что Михай даже представить себе не может, какого дьяволенка он пригрел. Эту девчонку изменить может лишь чудо. Возможно, если бы ее отправили в закрытый интернат, проблем у пары не было, но никто не хотел разлучать черноволосую бестию с сестрой. А жизнь бок о бок с Кристи сулила лишь крошечный ад.

В гостиной царил полумрак. Настенные светильники, отбрасывая серые тени, излучали тусклый свет. Время от времени лампочки мигали от перепадов напряжения, создавая мистическое ощущение, что в доме обитает призрак. Частично это было правдой. Кристи была похожа на привидение. Она была живым человеком, но ее необычная внешность могла спугнуть любого незнакомца, оказавшегося ночью на улице недалеко от погоста.

Кристи, как ей казалось, незаметно пробралась в комнату, выделенную для нее семейством Ливиану, и закрылась там на ключ. Констанца и Михай сделали вид, что они в неведении, где бродит своенравная девчонка. Они не стали ее беспокоить и приставать с

расспросами, только облегченно вздохнули, узнав, что она дома.

Время ужина уже прошло. Кристи так и не вышла из нового убежища. Даже ароматные запахи кулинарных изысков, так заботливо состряпанных Констанцей, не смогли выманить девочку из комнаты.

Плотно поев, Анна, вместе с опекунами удобно расположилась на диване перед телевизором и с упоением смотрела какой-то фильм. Она, как и прежде, сжимала в руках потрепанную Библию. Беспокойство и скованность, которые еще пару часов назад мрачной тенью лежали на ее лице, испарились.

— Почему Лаура не осталась с нами? — Анна, оторвавшись от экрана, обратилась к Констанце.

Женщина повернулась к девочке, одарив ее искренней улыбкой.

— Милая, у Лауры есть семья. Она должна быть с ними. Когда-нибудь она обязательно придет в гости к вам.

Констанца знала, что в ближайшее время няня вряд ли захочет проводить девочек. И дело не в том, что она их не любила, наоборот она души в них не чаяла. Она устала. Устала от террора Марии, от выходов Кристи. Ей нужен был отдых. Она придет, но когда Констанца не знала. Лауре нужно было время.

— Котенок, теперь мы ваша семья, — вмешался в разговор Михай. — Ваши родители нам вас доверили, и мы позаботимся о тебе и сестре. Обещаю, скучно не будет.

Михай добродушно улыбнулся и приобнял жену. Они были милыми людьми и, несомненно, их обещания не были пустыми. Но они что-то скрывали. Анна чувствовала это. Какая-то тайна была в этом доме, в сердцах этих людей. Что за секрет хранило семейство Ливиану, девочка не догадывалась, но надеялась узнать о нем в ближайшее время.

— Я могу вас кое о чем спросить? — Анна потупила взор.

— Конечно милая, — Констанца погладила девочку по руке.

— Три года назад мы уехали из этого города. Мои родители еще задолго до отъезда перестали с вами общаться, а поведение сестры изменилось до неузнаваемости. Что произошло тогда?

Констанца в замешательстве убрала свою ладонь с руки девочки и взглянула на мужа. Но и он не мог дать ответ на заданный вопрос.

Она помнила причину, которая отдалила ее от Марии. Нет, не было ссор, предательства, скандалов. Огромная стена выросла между подругами благодаря одной вещи — религиозному фанатизму, которой захлестнул Марию, превратив нормальную женщину в сумасшедшую. Вера в бога переросла в безумие, которое разрушило многолетнюю дружбу, унижало детей и супруга, обезличивало человеческую сущность.

Констанца помнила тот день, когда погибла ее дочь. Она помнила, как Мария вместо того, чтобы поддержать подругу, излила на нее тонны негатива. Она без перерыва твердила, что ее дочери место в преисподней, где самоубийцы расплачиваются за грехи. В ее речах было злорадство, надменность и не капли сочувствия. Она говорила и говорила, что нет прощения поступку ее дочери, что лишь муки ждут ее в загробной жизни. И у Констанцы внутри что-то сломалось. Она с сожалением смотрела на Марию и чувствовала, как ворота ее души закрываются перед этим человеком. Она не видела в Марии друга, а только несчастную женщину, для которой религиозные каноны важнее, чем людские чувства. Констанца понимала, что никогда не сможет доверять этой женщине, никогда не попросит помощи, никогда не простит ее.

Констанца более не поддерживала связь с Марией. Городок был маленький, и новости о подруге она узнавала от третьих лиц. Внезапный отъезд удивил Констанцу. Мария с семьей уезжали в спешке, словно за ними гнались адовы гончие.

Звонок Лауры прозвучал, как гром среди ясного неба. Несчастный случай. Осиротевшие девочки. Завещание. Опекунство. Все это стало неожиданностью для Констанцы, словно прошлое отчаянно пыталось прорваться через завесу времени и получить шанс на новую жизнь.

Чувства смешались в огромный ком. Здесь была и скорбь по погибшей, пусть безумной, но все — таки подруге. И радость, что в доме вновь зазвучит детский смех.

Констанца любила детей. Смерть дочери нанесла ей двойной удар. Вместе с ней она потеряла и сына. Нет, он не умер. Он был жив. Просто его не было рядом. Временами от него приходили короткие письма с сухим текстом, где говорилось о том, что у него все хорошо. Уже давно он не навещал родителей. Порой Констанце казалось, что если бы в доме не было его фотографий, она и не вспомнила черты лица своего старшего ребенка.

Вопрос Анны застал Констанцу врасплох. Она не знала ответа. Рассказывать девочке о безумстве ее матери, разрушившей их многолетнюю дружбу, она не желала, а причину их торопливого отъезда ей была неведома.

— Я не знаю, — тихо произнесла Констанца, глядя на Анну.

Михай чувствовал, что супругу нужно срочно выручать иначе она либо расплатится, либо скажет что-то лишнее.

— Все! Хватит разговоров на философские темы. Девочки, лучше мы попьем чаю с печеньями. Констанца, любимая, ты же испекла не только пирог, но и другие вкусняшки?

— Да, кое-что у меня есть, — улыбнулась женщина, почувствовав облегчение, что тяжелый разговор на сегодня окончен.

— Так что ты до сих пор сидишь? Пойди, поставь чайник, мы сейчас с Анной отправимся на кухню и оценим твое кулинарное мастерство. Верно, милая?

Анна, улыбнувшись, кивнула.

— Может и сестру твою позвать? Она весь день не ела, — поинтересовался Михай.

— Это плохая идея, вы только разозлите ее. Она выйдет из комнаты, лишь, когда сама пожелает.

— Ну, и ладно. Значит, сами все съедим, — подмигнул Анне Михай.

На первый взгляд комната казалась абсолютно темной. Когда глаза привыкали к мраку, можно было заметить свет уличного фонаря, который, как вражеский лазутчик, проникал через распахнутое окно, и тускло рассеиваясь, вырисовывал черты скромного интерьера спальни. В комнату через окно также струился пряный аромат роз, растущих прямо у стены дома. Легкий ветерок ласкал лепестки, с каждым разом усиливая тягучий цветочный запах. Обезумевшие от августовской жары сверчки устроили в саду шумный концерт. Их оркестр даже перекрывал звук телевизора, доносящийся из гостиной.

Кристи сидела на широком подоконнике, упершись ступнями в деревянную раму. Ее лицо выглядело мертвецки бледным. Оно не выражало ничего. Темные глаза были пусты, словно их хозяйка действительно была мертва давным-давно. Кристи курила. Она медленно выпускала дым, наблюдая, как он превращается в фантастические фигуры, стремящиеся к темному небу, усыпанному мириадами звезд. Девочка любила наблюдать за дымом, он ее

успокаивал.

Кристи сделала последнюю затяжку, потушила сигарету о подоконник и выбросила окурки в розовые кусты. Спустившись с подоконника, она торопливо подошла к двери, прислушалась. В гостиной звучали монотонные голоса. Проверив, заперта ли дверь, Кристи, для надежности, взяла стул и спинкой подперла ручку. Убедившись, что в комнату к ней не попасть, девочка схватила с постели небольшой рюкзак, накинула на плечо и, подойдя к окну, взглянула вниз. Невысоко. Толстые ветки плюща помогут ей забраться обратно, а спуститься вниз, она может одним прыжком. Правда существует вероятность поцарапаться о шипы роз. Но раны ее не пугали. Ей нужно было отправиться в город.

Кристи помнила это место. Она не забудет никогда, что случилось здесь. Она должна отыскать обидчиков и совершить возмездие даже ценой своей жизни.

Кристи села на подоконник и свесила ноги вниз. Девушка прыгнула. Ни одна ветка не хрустнула. Ни один лист не сорвался с куста. Она растворилась в ночи и исчезла во тьме, словно кошка, отправившаяся на охоту.

Утро было ясным. Яркого-голубое, августовское небо слепило глаза, обещая жаркую сухую погоду. Легкий ветерок, колышущей ночью лепестки роз, стих, уснув в густых ветвях деревьев. Цветы на клумбах полностью раскрыли свои бутоны. Тягучий, как карамель, аромат окутал сад и прилегающие к нему территории, опьяняя случайных прохожих. Утреннюю тишину нарушал оркестр цикад, прячущихся в высокой траве. Музыканты разошлись не на шутку. Их стрекот разносил по всей округе победный марш.

Констанца в цветастом фартуке, напевая незатейливую мелодию себе под нос, сервировала стол к завтраку. За много лет ее настроение впервые было восхитительным. Она чувствовала, что вскоре все изменится.

На кухню вошла Анна, сладко зевая. Девочка с наслаждением вдохнула аромат свежее испеченной сдобы и распустившихся за окном роз.

— Как вкусно пахнет, — одарила она похвалой хозяйку дома и плюхнулась на стул.

— Булочки по рецепту моей покойной тетушки. Сейчас дам тебе отведать, — улыбнулась Констанца и протянула рогалик с аппетитной золотой корочкой.

Анна взяла еще теплое лакомство в руки, но есть не стала.

— Доброе утро, — Михай вошел на кухню, чмокнул жену в щеку и потрепал Анну по волосам, — так, что тут у нас раздают? Ага! Знаменитая выпечка тетушки Милены.

Михай взял рогалик с корзинки тут же откусил его. Зажмурившись от удовольствия, как кот, он с наслаждением стал пережевывать сдобу. Анна удивленно посмотрела на него, затем на свою булочку, потом перевела взгляд на Констанцу.

— А перед едой молитву произносить не станем? — голос Анны звучал растерянно.

Супруги переглянулись. Констанца улыбнулась и подошла к девочке, присев рядом с ней на корточки. Она взяла ее свободную руку в свои ладони и с теплотой произнесла:

— Милая, молиться каждый раз перед едой не обязательно. Господь читает твои мысли. А я уверена, что ты частенько благодаришь его. Нет нужды произносить вслух каждый раз. Он знает все!

— Если ты захочешь поесть, то ты всегда можешь сходить на кухню и взять, что пожелаешь. А в своих молитвах поблагодаришь Бога, — добродушно произнес Михай.

Анна с сомнением взглянула на опекунов, затем на рогалик в руке.

— Мама не разрешала нам приступать к еде, пока не произнесена молитва.

— Ну, если мы будем каждый раз следовать этому правилу, то я похудею, — рассмеялся Михай, погладив себя по животу, — мы все похудеем, и нас унесет на Северный полюс ветром. Да и вообще, мне противопоказано быть голодным.

— Это почему? — Удивленно вздернула брови Анна.

— Когда я голоден, то я зверею и хочу слопать маленьких девочек. Rrrrrr!!! — Михай поднял руки вверх, словно медведь лапы, и медленно, шатаясь из стороны в сторону, стал приближаться к Анне.

Девочка завизжала, прижалась к Констанце, с любопытством выглядывая из-за плеча. Михай внезапно остановился. Взглянув на рогалик в руке, он быстро запихнул его себе в рот и довольно погладил себя по животу. Анна звонко залилась смехом.

— Чудеса! Я перекусил и снова стал человеком. Теперь ты понимаешь, что мне совсем не хочется есть маленьких девочек. Лучше я съем еще одну булочку, испеченную моей

любимой женой.

Михай вновь взял из корзины рогалик.

Анна улыбнулась, взглянула на Констанцу и тоже надкусила булочку, которая успела остыть. Она с аппетитом съела кусочек.

— Спасибо. Действительно очень вкусно, — поблагодарила она Констанцу. Женщина улыбнулась, поцеловала Анну в лоб и встала на ноги.

Констанца подозревала, что в семье Марии случилась беда. Бывшая подруга не пришла к ней поделиться горькими известиями. Она была слишком горда и боялась пересудов. Но городок был очень мал, и новости разлетались по нему с молниеносной скоростью. Местные жители обожали чрезвычайные происшествия, которые в этих местах происходили крайне редко. Гибель дочери Констанцы была изъезженной темой, ведь с момента самоубийства девочки минуло три года. А случай со старшей наследницей Марии, попавшей в больницу, породил много слухов. Еще больший интерес вызвал тот факт, что после выписки семья спешно покинула город. К сожалению, любопытство горожан не было удовлетворено в полной мере, так как Мария позаботилась, чтобы причина недуга дочери не просочилась дальше больничных стен. Возможно, она пригрозила судебными разбирательствами, а может быть и подкупила кого-то.

Констанца предполагала, что у девочки случился нервный срыв или депрессия. Она не стала вдаваться в подробности и расследовать жизнь подруги и ее семьи. Но кое-что беспокоило ее. На одно лишь мгновение в голове Констанцы промелькнула мысль. Не связан ли случай Кристи с суицидом ее дочери? Но это была лишь мимолетная мысль, и вскоре она забыла об этом.

Сейчас, когда Кристи вернулась в город, Констанцу, как и остальных жителей, распирало любопытство. Она подсознательно ощущала, что агрессивное поведение девочки связано с какой-то тайной. Мария унесла этот секрет в могилу. Лишь сама Кристи могла бы дать ответы на вопросы мучающие Констанцу. Но была одна проблема. Своенравная девчонка не желала идти на контакт. Попытки выведать какую-либо информацию у Анны, тоже могли обернуться провалом. Ребенок был слишком мал и вряд ли мог рассказать что-то дельное.

Констанца, отложив вязание, взглянула на Анну, которая, свернувшись калачиком рядом с ней, тихо сопела на диване в гостиной. Настенные часы пробили полдень. Девочка вздрогнула, но не проснулась. Констанца вздохнула и продолжила вязать берет, который предназначался маленькому спящему ангелочку. С приездом сестер, женщина почувствовала необходимость в своем забытом хобби. Ей нравилось работать спицами, создавать аксессуары или свитера. Она помнила, с какой радостью ее дочь носила береты и шарфы, связанные матерью. Возможно, и девочки когда-нибудь станут носить вещи, созданные с любовью.

В доме громко хлопнула дверь. Констанца оторвала взгляд от спиц и посмотрела в сторону прихожей. В проеме двери показалась Кристи, облаченная в черные джинсы и в широкую кофту с длинными рукавами такого же цвета. Августовская жара видимо совсем не пугала девочку, раз она так тепло оделась.

— Добрый день! Есть не хочешь? — Поинтересовалась Констанца.

Кристи вздрогнула, услышав ее голос. Девушка надеялась, что домочадцев нет, и она спокойно улизнет через парадный вход. Но раз ее застали врасплох, то Кристи была обязана

выйти из сложившейся ситуации победителем. Она посмотрела на

Констанцу с безразличием и холодно произнесла:

— Спасибо, я не голодна. Я хочу прогуляться. Можно? — в последнем слове промелькнул сарказм.

Констанца, улыбнувшись, кивнула.

— Конечно, но не забывай кушать. Ты совсем исхудала.

— Я способна о себе позаботиться. Не стоит утруждаться и пытаться изображать мою мамашу.

Кристи, закончив фразу, тут же покинула дом. Может она боялась, что Констанца, как и Мария, бросится за ней следом, дабы остановить, сыпя в ее адрес проклятья. Но Констанца удивленно молчала. Она пыталась осознать, в чем провинилась и почему заслужила такое негативное отношение.

— Раньше она была совсем другой, — Анна проснулась от громкого голоса сестры, — она была милой. Всегда играла со мной. Доброй, отзывчивой — такой моя сестра была здесь в этом городе. Перед переездом все изменилось. Вначале Кристи заболела. Приехали врачи и забрали ее в госпиталь. После мама сообщила нам, что мы уезжаем. И мы уехали. Там, в новом доме Кристи словно подменили. Моя сестра перестала быть сестрой. Она превратилась в чудовище. Часто к нам в дом наведывалась полиция. Она стала странно одеваться, слушать ужасную музыку, устраивать драки.

Констанца, не веря своим ушам, с сомнением смотрела на Анну, лицо которой в данный момент выражало абсолютное безразличие: стеклянный взгляд, застывшая маска отрешенности. Сейчас девочка, как никогда, была похожа на Кристи.

— Это не самое страшное, что могла натворить моя сестра. Настоящим кошмаром были ссоры с мамой и проделки Кристи в церкви. Когда они скандалили, наш дом трансформировался в место боевых действий: разбивались стекла и посуда, рвалась одежда и ломались вещи. А когда моя сестра приходила на мессу, то храм становился ареной цирка. Кристи скидывала свечи, уничтожала библии и песенники прихожан. А однажды даже сбросила с себя одежду, прямо на глазах у священника.

— Поверить не могу... — Констанца от ужаса прикрыла рот рукой.

— Маме не стоило насильно тащить сестру в церковь. Но вы же знали мою мать. Она упряма, — Анна запнулась, — вернее была упрямой. Кристи тоже такая. Она никогда не отступает.

Анна закончила свой рассказ. Констанца растерянно смотрела на девочку и не могла найти слов. Услышанное повергло ее в ступор.

— Милая, а папа с мамой не показывали сестру доктору? — Тихо задала вопрос Констанца.

Анна грустно улыбнулась, убирая с лица выражение отрешенности. Она осознавала, что пугает Констанцу, но женщина должна была знать, что под крышей ее дома поселился настоящий дьявол во плоти.

— И психиатру показывали, и священнику. Мама считала, что в сестру вселился бес. А преподобный сказал, что Кристи всего лишь бунтующий подросток.

— Поверить не могу... — Констанца покачала головой.

— Поверите, когда сестра покажет свое истинное лицо. Вы поймете, что лучше бы она никогда не выходила из комнаты. Мне жаль, что вам придется испытать все ужасы, которые она собирается натворить. Мне очень жаль. Если бы я могла предотвратить это... Но, увы,

меня она слушать не станет. Я для нее лишь маленькая копия матери, которую она так ненавидела.

Глаза Анны наполнились слезами. Констанца обняла девочку, прижав к груди. Она молча гладила ее по волосам, а в ее голове ошалело крутились мысли. Если Анна не приукрашивает, то скоро в семье Ливиану взорвется бомба. То, что казалось Констанце спасением, на самом деле являлось началом кошмара. Нет, напрасно она надеялась, что наступили спокойные времена. Гроза собирала темные тучи над ее домом. И сегодня — завтра буря обрушится разрушительным катаклизмом. И только чудо поможет избежать жертв.

Полдень был жарким. От зноя мощеная мостовая раскалилась подобно лаве. Жара распугала горожан, спрятавшихся в прохладе домов, офисов, магазинов и кафе. Даже тенистые улочки не могли спасти от безжалостного солнца, его жгучие лучи проникали всюду. Они иссушали листву, нагревали черепицу зданий, обжигали кожу. Даже деревянные скамейки нагрелись до такой степени, что напоминали варочную поверхность раскаленной печи. Августовский зной не думал ослаблять хватку, заставляя все живое истекать потом и томиться от жажды.

Кристи не страшна была жара. Она ее не ощущала. Девушка медленно шла по центральной улице с сигаретой в руке. Редкие прохожие с удивлением, или осуждением, смотрели на нее, принимая за сумасшедшую, которую случайно занесло в их спокойный городок. Раскрасневшиеся, мокрые от пота, утомленные палящим солнцем, они бегло оглядывали незнакомку, бредущую по пустынным переулкам. Она, словно призрак, плыла в струях жаркого воздуха, поднимающегося из земли.

Кристи было плевать на этих любопытных людишек. Их мнения не интересовало девушку. Она была настолько увлечена поисками, что не придавала значения мелочам. Она искала. Ее цель, за три года, достаточно умело замаскировалась среди разросшихся кустарников самшита и терновника. Стены поросли диким виноградом. Высокие раскидистые клены скрывали ветвями старую остроконечную крышу. И лишь память Кристи твердила без умолку, что это именно то место, которое она ищет.

Старая католическая часовня притаилась за каменным забором и стеной из буйной растительности. У самой калитки церковного дворика росли аккуратно подстриженные кусты белых роз, источающие вязкий, приторный аромат. Эти цветы росли в этом городе повсюду: на клумбах, аллеях, кладбище, в парке, на балконах, в садах. Когда-то Кристи нравились розы. Их нежные лепестки. Насыщенный пряный запах. Но времена поклонения королевским цветам прошли, теперь девушка ненавидела их. Этот аромат вызывал рвотный рефлекс.

Кристи подошла к ограде и сорвала бутон. Она смяла его, разрывая лепестки пальцами. Кристи почувствовала, как волна ярости нахлынула на нее. Она, словно обезумев, стала срывать цветы, бросать на землю и неистово топтать. Она рвала и рвала бутоны, не замечая, как острые шипы оставляют на ее ладонях алые полосы. Девушка не чувствовала боли. Ярость затмевала все. Лишь когда на злосчастном кусте не осталось ни одной розы, ее отпустило. Взглянув на ковер из лепестков под ногами, на руки исполощенные шипами, Кристи глубоко вздохнула и вытерла окровавленные ладони о черные джинсы. Откинув волосы назад, она отворила калитку, вошла в церковный двор и направилась к небольшому каменному зданию.

Внутри часовня казалась еще меньше, чем снаружи. Там было не более два десятка скамеек, чуть ли не вплотную прижатых к колоннам, отделяющих центральный неф от стен, которые украшали узкие окна из цветных витражей. Деревянное распятие Христа было огромным. Оно пугающе нависало над алтарем и казалось, что однажды с грохотом упадет на священника ведущего мессу. Орган, расположенный в небольшой лоджии, был невелик, но наверняка производил достаточно громкие звуки в унисон хору из трех человек, ютящихся в сторонке. Сейчас, в обители Господа, было пустынно и тихо. Ни пения псалмов, ни громкого гласа священнослужителя, ни ропота прихожан. Единственный храм городка был брошен и забыт своими верными почитателями.

Кристи бесшумно прикрыла за собой тяжелую деревянную дверь с резными узорами, изображающими сцены из библейских историй. Она неторопливо огляделась. Кристи прекрасно помнила это место. Здесь прошло ее первое причастие, сюда она ходила на исповедь. Она помнила старого священника. Отец Илия был хорошим и добрым человеком и свято верил, что Господь всемогущ и милостив. Кристи уважала преподобного и любила посещать это место до той злосчастной ночи. Но сейчас все было иначе. Ей жаль было святого отца, на глазах у которого она выросла. Девушка знала, что сейчас принесет священнику одни разочарования, но изменить себя она не могла. Ее ненависть была превыше любви.

Кристи медленно пошла по проходу, направляясь к алтарю. Она пыталась взглядам отыскать хоть одного живого человека, но часовня казалось покинутой. Лишь тихое эхо ее шагов, по мраморному полу, нарушало гробовую тишину многовекового строения.

— Эй!!! Кто-нибудь есть здесь? — Голос звонко отразился от каменных стен и высокого свода часовни. — В этом месте нет никого? Ни бога, ни черта?

Внезапно послышался тихий скрип двери. Из-за исповедальни, где находился служебный вход, вышел пожилой человек. Он был абсолютно седым и опирался на деревянную резную трость. Кристи внимательно оглядела его. Она прекрасно помнила преподобного. Тот был стар, но совершенно не походил на представшего перед ней мужчину преклонных лет, в скромной мирской одежде.

— Добрый день! Я могу вам чем-то помочь? — Поинтересовался старик, с нескрываемым любопытством осматривая незнакомку. Он заметил, как она прячет руки за спиной, но не придал этому значения.

— Вы не священник.

— Да, я не священник. Я сторож. Святой отец несколько дней назад скончался. Его преемник должен прибыть в город сегодня вечером. Если вы хотите посетить службу или исповедоваться, приходите завтра.

Кристи громко рассмеялась и затаилась почти догоревшей сигаретой. Старик чувствовал, что пахло гарью, но не предполагал, что незнакомка настолько бессовестная, чтобы курить в часовне. Он нахмурился, смотря, как девица выпускает клубы дыма.

— Меня не интересует церковная психотерапия, распевание псалмов и тем более проповеди. Спасибо за информацию, — ухмыльнулась Кристи, наблюдая за нарастающим презрением в глазах сторожа.

— В Божьем храме нельзя курить. Пожалуйста, потушите сигарету.

— Как скажете, — девушка бросила тлеющий окурок на каменный пол и выдохнула дым прямо в лицо старику. На ее лице играла злорадная улыбка. Мужчина промолчал. Он брезгливо поднял окурок и, развернувшись, пошел прочь от нее.

— Ну, и черт с тобой! — плюнула в его сторону девушка и быстрым шагом направилась к выходу.

Громко захлопнув за собой дверь, она зажмурилась от ярких лучей солнца. Она была раздражена, хотя ее радовала мысль, что старый священник отправился на тот свет, и не станет свидетелем бесчинств, которые девушка намеревалась совершить в ближайшее время.

Михай сидел в автомобиле перед домом и держал в руках плюшевого медведя, купленного сегодня в магазине. Он случайно увидел медвежонка на витрине и вспомнил, точно такая же игрушка была у его дочери. Она всюду ее таскала с собой, даже когда ей исполнилось четырнадцать. Она все время твердила, что это ее талисман. Михай тяжело вздохнул. Талисман, которому не удалось уберечь его принцессу. Талисман, который пропал, оставив в одиночестве лежать его девочку на холодных камнях. По морщинистой щеке мужчины скатилась слеза. Он торопливо вытер ее.

Михай помнил, как долго они с супругой оплакивали потерю. Сколько времени они потратили на поиски причины ее поступка. Изначально они винили себя. Затем немного успокоившись, стали копаться в вещах дочери, в надежде отыскать зацепку. Но все старания были тщетны. Ответов не было, а отчаяние не уходило. Душевная боль затаилась в закоулках души, словно ядовитая змея среди скал. В самые невыносимые часы скорби она впивалась клыками, отравляя мысли сомнениями и страхами.

Появление Анны и Кристи в доме семьи Ливиану было чудом. Михай знал — это второй шанс данный им свыше. Возможность исправить ошибки прошлого. И на этот раз Михай не позволит случиться чему-нибудь плохому. Он сможет уберечь девочек от беды, подстерегающей их в этом городе, на первый взгляд таком спокойном и безопасном. Они с женой справятся с любыми трудностями. Приемных дочерей они уберегут от всех ненастий, стараясь сделать их жизнь максимально счастливой.

Михай сделал глубокий вдох, открыл дверь и вышел из автомобиля. Он направился к дому, сжимая крепко в руках плюшевого медвежонка.

В доме приятно пахло едой. Михай слышал, как Констанца на кухне гремит посудой, колдуя над ужином. Анна сидела в гостиной и читала Библию.

— Добрый вечер! Как провели свой день, мои любимые девочки?

Анна оторвалась от чтения и широко улыбнулась.

— Добро пожаловать, дорогой. Я скоро закончу приготовления, и мы сядем за стол, — громко крикнула из кухни Констанца.

— Я кое-что тебе принес. Я понимаю, что ты большая девочка и тебе не интересны игрушки. Но этот парень так просился пожить у нас дома, что я не смог ему отказать. Ему срочно нужен друг. Я ему рассказал о тебе. Надеюсь, ты не против дружить с таким симпатягой?

Михай протянул медведя Анне. Девочка отложила книгу в сторону и взяла игрушку в руки, с интересом рассматривая ее.

— Спасибо. Я совсем не против. Давно мечтала подружиться с плюшевым мишкой.

— Вот и прекрасно. Мне сегодня удалось совершить два добрых дела. Осчастливить игрушечного медведя и милую девочку, — Михай подмигнул Анне и отправился на кухню.

Констанца торопливо накладывала мясное рагу на широкое фарфоровое блюдо. Рагу источало аппетитный аромат, от которого у Михая заурчало в животе.

— Еще раз добрый вечер, милая, — он ласково чмокнул супругу в щеку.

— Привет, привет. Как настроение? Устал? — Констанца, не отрываясь от дел, постаралась проявить внимание к мужу.

— Немного. Жара утомляет. А вообще день прошел прекрасно, а как вы? Кристи вышла из комнаты?

Констанца отложила лопатку и рагу в сторону и взглянула на супруга.

— Вышла. И ушла в город. До сих пор она не вернулась И я начинаю беспокоиться.

— Не переживай, ничего с ней не случится. Ей почти восемнадцать, она взрослая девочка и сможет за себя постоять. Да и наш городок маленький. Если бы что-то произошло, то мы бы первыми узнали, — Михай успокаивающе погладил Констанцу по плечу. Женщина, тяжело вздохнув, отрицательно покачала головой.

— Боюсь, милый, ситуация с этой девочкой куда хуже, чем мы предполагали, — произнесла она шепотом, остерегаясь, что ее услышит Анна.

Михай с недоумением взглянул на жену.

— О чем ты говоришь?

— Дело в том...

— Кристи всегда возвращается.

Супруги, от неожиданности, одновременно вздрогнули. В дверном проеме стояла Анна, прижимая к себе медведя.

— Она всегда возвращается или сама, или в сопровождении полиции.

Михай нервно засмеялся, вопросительно взглянув на Констанцу. Та беспомощно развела руками, с любопытством смотря на игрушку в руках ребенка.

— Так, не будем говорить о плохом. Кристи скоро вернется, без всякой полиции. Медведя я купил специально для Анны, — последняя фраза предназначалась Констанце.

Михай заметил облегчение на ее лице. Жена наверняка подумала, что нашелся медвежонок их дочери.

— Мы сейчас успокоимся и сядем ужинать. Кристи поест, когда вернется. Она не английская королева, чтобы все ее ждали к трапезе. А ты, Анна, помнишь, что если я голодный я начинаю...

— Звереть!!! — воскликнула радостно Анна и они с Михаем в голос зарычали, изображая медведей с поднятыми кверху лапами.

Констанца улыбнулась, глядя как ее муж дурачится с приемной дочерью, за два дня ставшей такой родной. Если бы с Кристи было также легко, как с Анной — в семействе Ливиану наступила бы идиллия.

Город спал, накрытый темным покрывалом ночи с тусклым рисунком уличных фонарей. Он отдыхал от дневной суеты и августовского зноя. Пение сверчков, да лай встревоженной собаки, изредка нарушали тишину, но это не беспокоило горожан. Недовольство местных жителей вызывали лишь ночные бары, которые были раскинуты по самому центру. Туристы и местные пьяницы не упускали случая повеселиться в злчных местах. Заведения были оборудованы по стандартным нормам. Гул голосов и музыка не просачивались на улицу, но посетители, покидающие их, порой производили больше шума, чем толпа обезумевших фанатов футбола.

В одном из темных переулков, который освещал старый ржавый фонарь, находился вход в паб. Когда дверь открывалась, то на улицу несся поток громких пьяных голосов, который

перебивал даже звуки джаза из огромных колонок у барной стойки. Шум обычно означал, что очередной почитатель крепкого алкоголя в раздумье стоял на пороге. Его затуманенный мозг представал перед выбором: изрыгнуть содержимое своего желудка прямо на ступени и вернуться обратно к приятелям, либо отправится домой и погрузится в беспокойный сон, а наутро испытать все мучения тяжелого похмелья. Обычно выбор падал на первый вариант. И счастливый оптимист, обтерев рукавом, остатки пищи на лице, возвращался в благоприятную среду.

В нескольких метрах от входа, на безопасном расстоянии от желудочных испражнений и отвратительных запахов, стояла Кристи. Она медленно выпускала сигаретный дым, с неприязнью смотря на пьяниц, которые пили до потери сознания и не спешили покидать злачное заведение. Рядом с ней, прислонившись к стене здания, стоял мужчина лет тридцати, с бутылкой пива в руке. Он был высок, худощав, с легкой щетиной на лице. Кожаная куртка и потертые джинсы были не новы, но смотрелись весьма опрятно. Парень совсем не походил на местных алкашей, хотя частенько заглядывал в этот бар. Заметив, что девушка с отвращением смотрит на беднягу, переборщившего со спиртным, он усмехнулся.

— Не самое приятное место для девушки.

— Видала места и похуже, — резко произнесла Кристи и скривилась, когда увидела, как бедолага стоящий на пороге споткнулся и упал лицом в собственную рвоту.

— Интересно. Где может быть хуже, чем в этой чертовой дыре? Этот город прячется днем под маской приличия, а ночью миру открывается его истинное лицо. Уродливое, пугающее. Он выпускает демонов из нор и начинается настоящее веселье.

Кристи с безразличием взглянула на Ливиу, с которым познакомилась в этой зловонной забегаловке час назад. Он ее не раздражал, не приставал с расспросами о жизни, не пытался пожалеть или осудить. Он просто общался с ней, словно они были старыми приятелями. Ее устраивало, что этот брутальный тип чем-то похож на нее.

Кристи выбросила потухший окурок на землю. Еще раз с пренебрежением взглянула на барахтающегося у порога алкаша, и сухо произнесла:

— Мне пора идти.

— Еще нет двенадцати, Золушка, останься.

— Не могу, я должна вернуться. Если у меня получится ускользнуть незаметно из дому, то мы еще увидимся, но чуть позже.

Ливиу одобрительно улыбнулся. В его темно — зеленых глазах появился легкий пьяный блеск. То ли пиво ударило в голову, то ли слова девчонки, подействовали на него, как алкоголь.

— Возвращайся. Я буду здесь. Из этого болота сложно выбраться. Трясина затягивает тебя все глубже и глубже, и ты не успеешь оглянуться, как оказываешься на самом дне.

Кристи нервно дернула плечами, смотря на парня, ударившегося в философию. У нее не было времени продолжать беседу. Она должна вернуться до полуночи, чтобы приемные родители не закатили скандал.

— До встречи. Провожать не надо.

— До, встречи, ночная пташка.

Ливиу поставил пустую бутылку рядом с собой на тротуар. Он смотрел на Кристи, которая все не могла оторвать взгляд от забуддыги, ползающего у порога. Он заметил, что в глазах девушки промелькнули искры жалости к недееспособному пьянчуге. Но через мгновение ее взгляд стал вновь холодным, она развернулась и пошла прочь из переулка.

Ливиу проводил ее взглядом. Ее лицо ему было знакомо. Он где-то раньше видел Кристи? Парень тщетно пытался разблокировать свои воспоминания. Ничего путного ему на ум не приходило.

— Помочь? — без всякого интереса спросил Ливиу, подойдя к пьянице, тщетно пытающемуся подняться с земли.

— Неа... Я сам... Я могу...

Ливиу пожал плечами и, переступив лужу рвоты, вошел в бар. Спасение утопающего — дело рук самого утопающего. В этом городе выживали слепцы, не желающие верить во тьму окружающую их, или сильные духом люди, которые пройдя через огонь и воду с кровоточащей раной в душе, продолжали жить всем назло.

Анна давно спала в своей комнате, нежно прижав к себе плюшевого медведя. На ее лице отражалась улыбка. Ей снилась волшебная страна, где близкие и родные люди были живы и счастливы.

В гостиной семьи Ливиану царил покой. Супруги обнявшись сидели на диване и смотрели вечернее шоу, в котором неуклюжий парень постоянно попадал в неприятности. Каждая его неудача вызывала закадровый смех.

Входная дверь тихо закрылась. Констанца повернула голову. Кристи молча прошла по коридору, даже не взглянув в сторону опекунов. Женщина хотела что-то сказать, но Михай остановил ее.

— Не надо. Оставь ее. Она вернулась и с ней все в порядке. Если она пожелает заговорить с нами, то сама придет.

— Я волнуюсь за нее. А вдруг она принимает наркотики или алкоголь. Если мы не остановим ее сейчас, потом будет поздно.

Михай ласково обнял жену за плечи и поцеловал в лоб.

— Не переживай. Она не похожа на наркоманку, да и не пьяна, как я погляжу, походка ровная, — он улыбнулся.

— На душе у меня не спокойно...

— Прекрати грустить. Я не позволю тебе встречать сына в таком настроении. Соберись! Иначе при виде твоего печального лица, он снова сбежит!

Констанца улыбнулась, легко оттолкнув мужа от себя.

— Не сбежит. Я очень надеюсь на это. А если он попытается свой трюк повторить снова, я свяжу его и запру в чулане. Три года долгий срок. Какой он сейчас? Изменился ли?

Михай снова обнял супругу.

— Сегодня узнаем, ты повремени с радикальными мерами. Чулан — это интересная идея, но не эффективная. Чудесно, что он решил вернуться, возможно, надолго.

— Надеюсь навсегда, — вздохнула Констанца.

Часть вторая. **Виржилию Предисловие**

Монстры живут среди нас! Огнедышащие драконы, гадкие горгульи, прожорливые василиски, кровожадные вампиры. Они неустанно рыщут по улицам в поисках пищи. Они терпеливо ждут в засаде долгими годами, чтобы наброситься на зазевавшуюся жертву и в одно мгновение разорвать ее в клочья. Они ведут свою дьявольскую охоту каждый день, каждый час, каждую минуту. Монстры, подобно хамелеонам, незаметно меняют свой облик. Их не отыскать в толпе невооруженным взглядом. Не разгадать их замыслы, прячущиеся под толстым панцирем. Не обнаружить их замаскированное логово.

Монстров порождают люди! Они словно Боги, ваяют их при помощи безразличия, предательства, высокомерия, надменности и черствости. Каждое чудовище — это плод людских пороков. Очередной монстр — это невинная душа, оказавшаяся жертвой на алтаре человеческого малодушия. Попав в руки невидимого скульптора, бедолага обречен на муки, которые изувечат его сущность, изменят сознание. Темный творец без анестезии вырежет, словно из камня, иное существо с человеческой плотью и с душою демона.

Монстры живут в нас! Они спят крепким глубоким сном за семью закрытыми дверями. Нужна мощная сила, чтобы сломить врата и разбудить чудовище. Но если последняя преграда рухнет, и безжалостная тварь вырвется на волю, то загнать ее обратно в темницу будет нелегко, а порой вовсе невозможно.

Я сумел приручить демона внутри себя! Я обрел успокоение! Я приложил все силы, чтобы не утратить человеческое обличье!

Мой проклятый, лютый двойник никогда не оставит попытки вновь овладеть моим сознанием, чтобы вырваться на свободу. Холодными темными ночами он впивается острыми, как бритва зубами мне в душу и начинает терзать ее, уповая сломить меня. И только благодаря Вере я еще не стал пленником монстра. Надежда дает мне силы для борьбы с ним. Любовь Господа — освещает мне путь во мраке, где чудовище разбросало капканы.

Я — луч солнца в темном королевстве! Я тот, кто призван служить Всевышнему до конца дней своих. Я способен исцелить невыносимую боль Словом Божьим, развеять страхи и сомнения, наставляя на путь истинный заблудшие души! Мой долг — нести свет туда, где непроглядная тьма стремится захватить в плен слабых и беззащитных существ. Я — глас Господа на Земле! Я — священник!

Глава 1

Внизу в гостиной горел свет, а значит, его ждали. Виржилию подъехал к воротам с выключенными фарами, словно боялся выдать себя. Он заглушил мотор, и положив руки на руль, стал пристально смотреть на особняк. Это было место, где он вырос.

Родной дом казался ему сейчас таким чужим и незнакомым. Это было противоестественно, ведь здесь прошло его детство и юность. Здесь его окружали родительской любовью. В этом доме он был когда-то счастлив. И в этом месте он познал нестерпимую боль. Боль потери. Боль бессилия. Боль слабоволия. Дважды!

Дважды мог избежать этой участи! Дважды проиграл битву! Дважды проявил трусость! Но настал час прозрения и воли! Он должен был вернуться, чтобы на этот раз одержать победу, над мистическим злом, жаждущим овладеть его душой.

Виржилию знал, родители не спят. Они сидят в гостиной перед телевизором, смотрят глупую передачу и терпеливо ждут. Прошло три года, как он последний раз сбежал из этого проклятого города. Тридцать шесть месяцев он укреплял свой дух. Тысячу девяносто пять дней он готовился вернуться.

И вот он здесь. Нет страха. Нет сомнений. Он сможет выстоять. Демонам не захватит власть над ним! Он во всеоружии!

Комната утопала в темноте. Казалось, в глубине крошечного мрака притаилось чудовище, ожидающее терпеливо своего часа, дабы осторожно выползти из своего укромного логова и отправится бродить по спящим улицам ночного города.

Кристи не спеша вышла из темноты, словно призрак, и подошла к открытому окну. Тусклый свет фонаря отразился на ее лице мертвенной белизной. На улице было тихо, только пение сверчков и тихий гул телевизора в гостиной нарушал безмолвие. Девушка, опершись руками о подоконник, закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Ночь была ее старым приятелем, готовым прийти на помощь по первому зову, тьма скрывала от любопытных глаз и лютых врагов.

Кристи открыла глаза и посмотрела вниз, где приторно-пахнущие розы, сплелись колючими стеблями между собой, представляя угрозу. Она взобралась на подоконник и намеревалась спуститься незаметно в сад, но внезапный шум мотора и слепящий свет фар остановил ее.

— Проклятье, — прошептала Кристи и тихо спрыгнула обратно в комнату. Прислонившись к стене, она осторожно выглянула в окно, в надежде увидеть ночного гостя.

Кто-то въехал во двор. Этот кто-то был все это время там, за оградой, возможно, наблюдал за ней, пока она решалась на побег. Кристи непроизвольно вздрогнула, почувствовав, как холодные мурашки пробежались по телу. Нет, это не мог быть тот человек, чей образ первым пришел на ум! Ему здесь нечего искать! Разглядеть незнакомца девочке не удалось, мешала темнота и угол дома. Но она отчетливо слышала, как он вышел из автомобиля и направился к входу. Отойдя от окна, Кристи быстрым шагом подошла к двери и, приложив ухо к прохладной поверхности, прислушалась.

Незнакомца ждали. Она не услышала звук звонка. Значит, опекуны ожидали его у порога. До ее слуха донесся приглушенный радостный возглас Констанцы, приветствующий гостя, а также тихий и сдержанный тон Михая.

— Кого это принесло на ночь глядя, — Кристи тихо выругалась и с отчаянием взглянула на распахнутое окно.

Ее терзало непреодолимое желание сбежать. Прямо сейчас! Но разум твердил: не стоит. Никто не должен знать, что она гуляет по ночам, прячась словно зверь, по улицам ненавистного города.

За дверью послышались шаги. Кристи прижалась ухом к тонкой деревянной перегородке, отделяющей ее комнату от коридора. Кто-то уверенно шагал по паркету, предательски поскрипывающему под ногами. Сердце бешено заколотилось. На мгновение девушке показалось, что незнакомец услышал испуганное сердцебиение, так как шаги смолкли напротив спальни. Но звук повернувшейся ручки двери соседней комнаты, позволил предотвратить приступ панической атаки. Голоса Констанцы и Михая, еле слышно пожелавшие незнакомцу доброй ночи, придали Кристи немного уверенности, что кем бы ни был неизвестный, он не посмеет причинить опекунам вред.

Девушка тихо отпрянула от двери и подошла к окну. Гость остался на ночь. Он здесь, в соседнем помещении. Его присутствие почему-то пугало ее. Кристи услышала удаляющиеся шаги опекунов. Она сделала глубокий вздох, достала пачку сигарет и дрожащей рукой прикурила одну. Выпуская клубы серого дыма в ночное небо, она боковым зрением следила за входом, словно опасалась, что кровожадный монстр или безумец с топором в любое мгновение может вломиться в ее спальню.

Висок пронзила острая боль. Кристи зажмурилась и потерла его пальцами, но боль не прошла. Она вновь посмотрела на дверь, страх и любопытство овладели ей, опутав хрупкое тело обжигающими цепями, отражаясь спазмами в голове.

Кристи потушила сигарету. Выкинув окурочек в сад, она твердым шагом направилась к двери. Ей нужно было в ванную, охладить лицо и смыть макияж. Нельзя вечно жить в страхе. Если ей суждено столкнуться с таинственным незнакомцем, она готова.

Бесшумно открыв дверь спальни, Кристи осмотрела пустой коридор и прислушалась. В доме стояла гробовая тишина. Из комнаты напротив не доносилось ни звука, словно незнакомец растворился в пространстве или молча выжидал подходящего момента, чтобы выскочить из-за двери.

Осторожно ступая по паркету так, чтобы ни одна половица не скрипнула, Кристи достаточно быстро добралась до ванной комнаты. Затворив за собой дверь, она облегченно вздохнула, радуясь тому, что не поддавалась необъяснимому желанию заглянуть в спальню к незнакомцу. Такое действие было бы крайне неразумным. Неразумным и опасным.

Включив воду, девочка стала хаотично смывать макияж. Темные струйки воды, словно слезы, потекли по лицу, черными кляксами падая на фаянсовую поверхность раковины. Холодная вода дала положительный результат, головная боль уменьшилась, но не прошла. Кристи взглянула на себя в зеркало, от макияжа не осталось и следа. В отражении на нее смотрел совершенно чужой человек. Несчастливая девушка с глазами старой женщины, пережившей незабываемую трагедию. Даже без слоя тонального крема кожа отдавала нездоровой белизной, отчетливо вырисовывая темные круги под глазами. На переносице пролегли две глубокие морщинки, не свойственные столь юному возрасту. Кристи грустно улыбнулась. Разглядывая свое лицо, она на мгновение забыла о боли.

Сняв с вешалки махровое полотенце, она торопливо начала протирать лицо, избавляя кожу от капель воды. Закончив короткую процедуру, Кристи вновь взглянула в зеркало и увидела Его. Боль в виске запульсировала с новой силой.

На пороге ванной стоял высокий темноволосый мужчина лет тридцати. Короткая аккуратная стрижка обрамляло достаточно привлекательное лицо. Удивленный взгляд черных, как уголь глаз, был направлен на Кристи. Незнакомец был явно ошарашен присутствием девушки в ванной комнате.

Кристи отведя взгляд от зеркала, бросила полотенце на бельевую корзину, и спешно покинула помещение, задев плечом парня, стоявшего в дверном проеме. Ускорив шаг, она за несколько секунд добралась до спальни. Оказавшись внутри, девушка попыталась запереть дверь на ключ, но с первой попытки ей не удалось. Собрав волю в кулак, Кристи все же справилась с замком.

Головная боль усилилась. Кристи тяжело дыша, подбежала к окну, зажимая рот рукой. Рвотные позывы подступили к самому горлу, и она не смогла сдержать их. Содержимое желудка тонкой струей вылилось на розовые кусты. Два дня без еды, сейчас Кристи показались совсем недурной идеей.

Виржилию растерялся. Он посмотрел вслед черноволосой незнакомке, скрывшейся в спальне. Затем выключил воду, о которой девушка забыла, молниеносно сбежав при виде его. Об этом сюрпризе говорила мать? Что же, сюрприз удался на славу!

Виржилию взглянул в зеркало. Да, он немного устал после дороги, но вид у него весьма сносный. Почему же девочка так испугалась его? Такой реакции он не ожидал. Ни слов приветствия, ни кивка. Лишь пренебрежение во взгляде и дикий ужас. Его словно облили потоком ненависти, проскочив рядом с ним шаровой молнией, энергия которой неприятным покалыванием прошла по коже.

Ее глаза. Ее лицо. Виржилию задумчиво потер подбородок. Она кого-то ему напоминала. Возможно, позже он вспомнит, ведь в этом городе прошла почти вся его жизнь. Наверняка он ее встречал на этих улицах. Или это одна из дочерей родительских друзей, решившая погостить. Он обязательно вспомнит, нужно лишь время. А если оставит попытки ворошить прошлое, то завтра с утра мать сама расскажет все об этой странной девочке, поселившейся у них в особняке.

Виржилию вновь посмотрел на свое отражение. Его лицо действительно было уставшим. Он должен выспаться, отдохнуть, привести мысли в порядок. Завтра его ожидал сложный день.

Кристи помнила. Она помнила каждую деталь, каждое мгновение, каждый звук той злосчастной ночи. Она до сих пор ощущала, как пластиковые наручники сдавливали ее запястья, больно врезаясь в кожу, при каждой попытке освободить руки. Она чувствовала, как тугие веревки обездвижили ее ноги, привязанные к металлической спинке широкой кровати, и как ее тошнило от кляпа во рту. Слезы непрерывно текли по ее лицу, но никому не было дела до них. В этот проклятый вечер ей суждено было стать новой игрушкой для взрослых мальчиков. А точнее безжалостных негодяев, чьи гадкие поступки прикрывались людьми, способными замять любой скандал, любой промах. Беспощадные монстры в человеческих телах, чувствуя свою безнаказанность, упивались страданиями жертвы, пойманной в ловушку.

Кристи помнила, как мерзко ухмылялся щуплый парень в темных очках и бейсболке, снимая происходящие на камеру. Бесстыдные твари жаждали запечатлеть свои злодеяния на пленку, чтобы в будущем наслаждаться каждой минутой грандиозного киношедевра, в

котором главной героиней была пятнадцатилетняя девочка.

В комнате царил полумрак. Настольная лампа на прикроватной тумбе тускло мигала, словно грозила в любую секунду перегореть. Кристи не могла разглядеть в деталях лицо оператора, слепящего её глаза накамерным светом. Второго мужчину она не видела, но чувствовала его присутствие. Его тяжелое дыхание она слышала позади себя.

Кристи пыталась кричать, надеясь, что хоть кто-нибудь ее услышит и придет на помощь. Увы, всхлипы и глухие звуки, издаваемые девочкой, казалось, звучали лишь в ее голове.

Парень с камерой подошел совсем близко, девочка зажмурилась, опухшие от слез глаза больно защипало. Яркий свет словно намеревался выжечь роговицу и оставить девушку слепой. Слезы вновь потекли по щекам, затем к ушам и скатились на шею.

— Тише, тише, птенчик. Не рыдай ты так, тебе еще понадобится силы, — голос парня звучал как-то фальшиво, словно он пародировал кого-то. Он не хотел быть узнанным. — Ты должна быть красивой. Ты смотрела взрослые фильмы? Там одни красотки, — оператор убрал с лица Кристи мокрую от слез прядь волос. Девушка нервно замотала головой. Она услышала издевательский смешок позади себя. Другой фальшивый голос властно произнес.

— Оставь ее. Если бы она была испорчена, ее бы здесь не было. Я люблю свежее мясо, нетронутое никем, — Кристи услышала, как невидимка втянул воздух. — Она пахнет невинностью, чистотой. Я в предвкушении.

Кристи почувствовала, как ее конечности немеют. Слова незнакомца звучали так, словно сам Сатана возжелал овладеть ей. От осознания всего ужаса, что ожидает ее, девушку начала бить дрожь.

— Раздень ее, — приказал невидимка, — но вначале завяжи ей глаза. Она не будет видеть! Пусть почувствует всю прелесть происходящего в полной мере!

Кристи попыталась закричать, потом забилась на постели, словно в конвульсиях. Ее усилия оттянуть ужасный момент, не увенчались успехом. Напарник невидимки, поставил камеру на тумбу так, чтобы объектив полностью захватил девушку. Вытащив из кармана брюк темную ленту, он, подойдя к изголовью, ловко накинул лоскут ткани на глаза девочки, перевязав на затылке тугим узлом. Его движения были точны, словно он не раз проделывал такой трюк.

— Шоу начинается, детка, — прошептал он ей на ухо.

Кристи ощутила в виске пульсирующую боль. Она вновь попыталась дернуться, когда почувствовала, что кто-то схватил ее за подол платья.

— Если ты не прекратишь, то я могу тебя поранить. А ведь ты не хочешь истечь кровью раньше времени, — голос оператора не звучал устрашающе, и девочка предприняла еще одну попытку оттянуть страшный момент. Это была ошибка, она ощутила, как парень забрался на нее и придавил коленями ее бедра.

— Хочешь по-плохому? Так тому и быть, — он надавил правым коленом на бедро с такой силой, что головная боль показалась Кристи мелочью, — будешь сопротивляться, я переломлю тебе ноги, дрянь.

Кристи учащенно задыхалась, пытаясь не терять сознания. Она начала молиться. Она просила Всевышнего, чтобы Он сжалился над ней, положил конец этому ужасу и принес смерть. Увы, молитва не могла ее отвлечь от мерзкого хруста, разрезаемой ткани, от ледяного холода металлических ножниц, касающихся ее кожи, от отвращения, испытываемого к самой себе, когда с нее сняли лоскутки платья, оставив ее в одном нижнем

белье.

Мужчина, в изголовье кровати, возбужденно задыхался, Кристи еще яростней взмолилась, прося у Господа чуда.

— Продолжай, — прошептал голос, пытаясь унять тяжелое дыхание.

Через секунду, Кристи, полностью обнаженная и распластанная, как морская звезда, лежала на постели. Оператор слез с нее и вновь уже держал камеру, снимая дрожащее тело девушки. Развязывать глаза он не стал. Приказа не поступало.

Внезапно за дверью комнаты послышались чьи-то голоса. Кристи задержалась, попыталась закричать, но намокший от слюны кляп, только усилил рвотный позыв, не позволив издать не звука.

— Уходи сейчас же! Тебя никто не звал, — возмущался приглушенный женский голос.

— Нет, я не уйду, пока он не поговорит со мной, — мужчина за дверью, был настроен решительно.

Кристи на мгновение показалось, что спасение близко. Пусть она сгорит от стыда, представ голый перед незваным гостем, но он может ее выволить из плена.

— Разберись с ним, — вновь отдал приказ невидимка. Парень с камерой тут же покинул комнату. Девочка слышала, как отворилась и закрылась дверь.

Кристи замерла. Она осталась одна в темноте. Она надеялась, что невидимка, последует за приятелем и оставит ее в покое. Но монстр был в комнате. Вначале она не слышала его, только гул голосов людей ругающихся где-то в доме. Монстр выжидал. Он питался ее страхом. Он был терпелив. Он забавлялся, глядя, как жертва пытается вырваться из ловушки. Монстр выжидал, когда бедолага обессилит и сдастся. И когда это случится, он возьмет все, что пожелает.

Кристи почувствовала прерывистое дыхание рядом с собой. Кто-то резко схватил ее за волосы, откинув голову назад. Девочка застонала от боли. Ледяные пальцы коснулись ее живота и медленно поползли вверх к груди, царапая кожу ногтями.

— Он тебе не поможет, — злорадно прошипело чудовище, — Ты — моя! Я — твой бог! Отныне и на века!

Кристи почувствовала, что еще немного, и ее стошнит. А это верный способ захлебнуться в собственной рвоте до того, как над ней надругаются упыри в человеческом обличье. Но внезапно рука перестала трогать ее тело. И волосы стали свободны от хватки. Она услышала, как хлопнула дверь. Монстр покинул комнату. Слезы вновь хлынули ручьями, и тело задрожало в такт беззвучному всхлипыванию.

Глава 2

Часовня была заполнена людьми. Минула неделя, как умер старый преподобный, и божья обитель пустовала. Приезд нового священника, и возобновление служб стало важным поводом для горожан собраться в храме в этот знойный день.

Виржилиу, облаченный в белоснежную альбу и казулу с вышитым крестом, стоял у алтаря, кивками приветствуя прибывающих прихожан, которые старались отыскать свободные места на скамьях. Он ободряюще улыбнулся родителям и Анне, сидящим в первых рядах. Священник приветствовал соседей и старых знакомых, удивленных его назначением. Никто не предполагал, что сын Констанцы и Михая станет священнослужителем, а тем более главой местного прихода.

Виржилиу терпеливо дождался, пока прихожане рассядутся по местам, чтобы, наконец, начать литургию. Его первый день в знакомом до боли приходе, был решающим для него. Это был важный шаг в начале светлого пути. Священник представить себе не мог, что через мгновение его радужные надежды рухнут.

Дверь часовни с грохотом распахнулась, и Виржилиу увидел на пороге Ее. Она была подобна демону, которому не страшны стены святого храма! Демону, который обрел власть над силой Господней, сокрушив Создателя в неравном бою! Она была облачена в черные одеяния, словно Всадник Апокалипсиса. Ее длинные волосы развевались от сквозняка, будто ядовитые змеи Медузы-Горгоны. Ее темные глаза пылали жгучей ненавистью, готовой спалить весь мир в огне.

Темный демон надменно улыбнулся и затянувшись сигаретой, выпустил к сводам часовни клубы серого дыма.

— Чудесно! Я успела как раз к началу мессы, — голос незваной гостьи прозвучал, как раскат грома, заглушив звуки органа.

Прихожане разом обернулись, так синхронно, что могло показаться, они много часов репетировали, дабы добиться такого впечатляющего эффекта.

Виржилиу, как подобает священнику, бесстрастно взглянул на девушку, молча ожидая ее следующих действий. Он моментально осознал, что девчонка пытается спровоцировать его и паству. Годы семинарии и несколько лет в другом приходе выработали в нем стойкость и хладнокровие. Идиотов везде хватало, и только терпение и понимание способно было исцелить бедолаг, направляя их по верному пути.

— Вот истинное лицо моей сестрицы, — Анна прижалась к Констанце и зажмурила глаза, не желая смотреть, как Кристи в очередной раз будет позорить ее.

— Не волнуйтесь, я все улажу, — Михай погладил жену по руке и встал со скамьи, намереваясь незаметно пробраться к проходу и успеть вывести падчерицу из часовни, пока она не натворила бед.

Кристи и Виржилиу неотрывно смотрели друг на друга, словно играли в гляделки. Прихожане, перешептываясь, недоуменно созерцали эту немую дуэль. Внезапно девочка громко рассмеялась и целеустремленно двинулась на священника. Она твердо шла по проходу, пуская клубы дыма, как огнедышащий дракон.

— Будьте так любезны, не курить в храме, — тон Виржилиу был ледяным.

Кристи еще громче рассмеялась и вплотную подошла к нему. Она театрально выпустила струю дыма прямо ему в лицо, надеясь своим жестом вывести преподобного из себя.

— А если я откажусь, что ты предпримешь? Отлучишь меня от церкви?

От дыма глаза священника слегка покраснели и начали слезиться, но, тем не менее, он не отвел взгляд, и не попытался вытолкнуть девчонку за порог. Он гордо стоял, как мраморная статуя греческого бога, с жалостью глядя на человека, стремящегося бросить ему вызов.

— Я не стану вас отлучать от церкви. Я повторю свою просьбу еще раз, — спокойно произнес он, — Будьте так любезны, не курить в храме. Проявите уважение к окружающим вас людям и к месту, в котором вы находитесь.

Кристи прищурила глаза, всматриваясь в каменное лицо преподобного. Виржилиу выжидающе смотрел на нее. Девушка усмехнулась, бросила окурок на пол, под возмущенный возглас прихожан, который вновь был синхронным. Носком сапога она раздавила тлеющую сигарету, специально растирая пепел по полу.

— Доволен, святоша, — язвительно процедила она, — думаешь, выиграл одну битву и тебе удастся победить в войне?

На губах Виржилиу промелькнула еле заметная улыбка.

— Я — священник, а не солдат. Я не желаю быть твоим врагом.

— Да пошел ты!!! — Кристи яростно плюнула ему в лицо.

Наглый поступок не вывел священнослужителя из себя. Да и прихожане устали бурно реагировать, а лишь с интересом наблюдали за происходящим.

— Кристи, давай выйдем из часовни, — Михай подошел незаметно, взяв бунтарку за плечи, пытаясь увести ее.

— Оставь меня!!! — крикнула она, сбрасывая его ладони с плеч, — Я сама уйду из этого храма гнили и лжи! А тебе священник, я обещаю, что превращу твою жизнь в настоящий ад!

Виржилиу снова незаметно улыбнулся, смотря, как юная бестия пышет гневом, не в силах задеть его.

— Кристи, прошу тебя пойдем, — вновь попытался образумить падчерицу Михай. Она раздраженно оттолкнула его и быстрым шагом пошла к выходу, под презрительные взгляды паствы. Девушка, выходя из здания, нарочно громко хлопнула дверью.

Михай протянул сыну платок, чтобы он вытер лицо. Виржилиу благодарно кивнул.

— Простите, святой отец. Я постараюсь предпринять все меры, чтобы больше такого не повторилось.

Преподобный, улыбнувшись, похлопал отца по плечу.

— Не переживайте. Она всего лишь подросток. Я все понимаю.

Михай улыбнулся в ответ и отправился обратно к супруге. Констанца и Анна стыдливо опустили глаза, боясь встретиться взглядами с присутствующими. Они осознавали, что выходка Кристи это всего лишь цветочки, самое страшное ждало их впереди.

Тьма в начале пути, Виржилиу надеялся избежать этого неприятного момента. Отравляющая мгла вновь стала просачиваться в его лучезарный мир, где он непосильным трудом возродил царство Света. Священник посмотрел на прихожан и широко улыбнулся, он готов был просить у них прощение не только за проделки сумасшедшей девчонки, но и за все человечество, погрязшее в грехе.

Кристи трясло от ярости. Ее не пугало то, какое негативное впечатление она произвела на окружающих. Ей было плевать на подпорченную репутацию семьи Ливиану. Эти люди были ей ненавистны, ведь именно они произвели на свет этого проклятого священника.

Кристи была ведома истина. Она знала, что под церковной сутаной скрывается колючая тьма! Мерзкая сущность, поселившись во множестве людей, прикинулась невинной овечкой среди волков.

— Кристи, открой дверь, — рассерженный голос Михая, стучащего в тонкую деревянную перегородку, от которой она вздрагивала, звучал угрожающе. — Открой сейчас же!

Кристи молчала, не желая еще больше накалять обстановку. Она сомневалась в том, что опекун решится выломать дверь. Ее выходка — это не повод наносить ущерб собственному имуществу.

— Милая, если не хочешь, не выходи, только ответь нам на вопрос: почему ты так вела себя сегодня в часовне?

Кристи поняла, что Констанца искренне расстроена. Ее голос не был зол, он дрожал, словно женщина в любую минуту была готова расплакаться.

— Нет, пусть она выйдет и поговорит с нами, как взрослый человек, а не избалованная девчонка! Ей скоро восемнадцать, пусть научится нести ответственность за свои поступки!

— Дорогой, может позже, когда и ты, и она успокоитесь? Мы сядем и спокойно побеседуем, без негатива, без накала страстей.

— Нет! Я хочу сейчас же услышать ответ: почему этот ребенок решил нас опозорить на весь город? Да еще осмелился унижить прилюдно священника, который приходится нам сыном!

— Успокойся, она все нам объяснит. Пойми ее тоже, у девочки стресс! Она переживает по поводу смерти родителей.

Внезапно дверь комнаты резко распахнулась. Не ожидавшие такого поворота событий, супруги испуганно отпрянули в сторону. Кристи стояла на пороге, скрестив руки на груди, в ее глазах плясали бесноватые огоньки. Констанца почувствовала, как по ее телу пробежали мурашки. Может Мария была права, девочку стоило показать экзорцисту или на худой конец психиатру.

— Мне плевать на смерть родителей, — процедила она. — Если существует ваш библейский ад, то пусть они вечно горят в адском пламени.

Констанца растерянно посмотрела на падчерицу, прикрыв рот рукой. Михай побагровел и сжал кулаки.

— И что вы так смотрите на меня? Вы знали, кто я такая, когда приютили меня! И если вы надеялись, что мое отношение к вам будет лучше, чем к биологическим родителям, то спешу вас огорчить, вы ошиблись. Я не испытываю уважение к семейке праведников, породивших монстра, проповедующего лживым языком слово Божье! Вы напоминаете наливное яблоко: аппетитное снаружи, а внутри изъеденное червями. Вы...

Звонкая пощечина, заставила девочку прервать пламенную речь и машинально прикрыть лицо руками. Констанца испуганно вскрикнула, глядя на мужа, который не удержался и отвесил оплеуху, оскорбляющей его семью девчонке. Михай сам не ожидал от себя такой реакции, он попытался схватить Кристи за руку, чтобы объясниться, но девушка резко оттолкнула его и скрылась в комнате, заперев за собой дверь на ключ.

— Не стоило этого делать, — Анна стояла в коридоре, прижимая к груди медвежонка. Она стала невольной свидетельницей скандала, но в тоже время, на ее лице не было ни тени удивления.

— Прости меня, милая. Я не хотел, чтобы все так вышло. Твоя сестра переступила

черту, а я поддался эмоциям, — Михай нервно сглотнул, чувствуя себя виноватым перед этой маленькой девочкой, которая не обязана нести ответственность за взбалмошную сестру.

— Она всегда выходит за рамки приличия. Но ударив, вы теперь стали в глазах Кристи, действительно не лучше нашей матери, которая частенько поколачивала ее. Кристи заслуженно получала нагоняй. Она ненавидела мать и не упускала возможности позлить ее. А мама, за все прегрешения сестры, преподавала ей “уроки”, так она называла телесные и моральные наказания.

— Поверить не могу, — прошептала Констанца, подбежав к Анне и присев на корточки, обняла девочку, крепко прижав к себе.

— О, боже! — Михай закрыл лицо руками. — Я действительно повел себя, как Мария Простите меня.

Констанца утерла слезу, скатившуюся по щеке, с укором посмотрев на мужа.

— Давайте отправимся на кухню, выпьем чаю и успокоимся. Мы сможем найти выход из сложившейся ситуации. Для этого нам нужна свежая голова и минимум бурлящих эмоций, — Констанца отпустила Анну и поднялась на ноги. Михай подошел к девочке и взял ее на руки.

— Еще раз прости меня дорогая, — прошептал он. Анна обняла опекуна за шею. — Мы обязательно найдем решение, иначе этот дом действительно превратится в преисподнюю.

В маленькой душной комнатухе, обставленной в спартанском стиле, где присутствовали лишь кровать, шкаф, зеркало, стол, стул, да распятое на стене, на полу маленьким дрожащим комочком, безудержно редела Кристи. Она была почти обнажена, если не брать во внимание мокрые, грязные и окровавленные лохмотья, несколько часов назад служившие ей льняным платьем. Она плакала навзрыд, ее трясло от озноба и боли. Волосы мокрые от дождя и слез спутались и налипли отвратительной паклей на лице и плечах. Кое-где на теле стали появляться синяки, в других местах пурпурными мазками виднелись порезы и царапины. Девочка с силой прижимала колени ко лбу, придерживая их руками, словно хотела превратиться в улитку, которая способна укрыться от опасности в раковине.

Кристи жаждала умереть. Она молила, чтобы земля разверзлась и поглотила ее брненное тело, навечно подарив покой. Забыть о кошмаре, не чувствовать отвращения и боли, исчезнуть из этого паскудного мира, раствориться в пространстве — ее единственное спасение. Спасение, которое сулила лишь смерть.

Превозмогая дрожь и адское жжение, овладевшее не только израненной кожей, но и нутром, Кристи медленно поползла по полу в сторону шкафа. Она пыталась прикрыть изможденное тело рваньем. Ей не удавалось, девочка лишь волочила грязное тряпье за собой.

Добравшись до цели, она открыла дверцу гардероба и начала хаотично водить рукой по нижней полке, ища что-то там.

— Отвори, дрянь!!! — В дверь с силой забарабанили, голос Марии звучал угрожающе. — Ты посмела опозорить наш благословенный дом, шлюха! Надеешься, что твой блуд сойдет тебе с рук?

Кристи испуганно вздрогнула и подползла вплотную к шкафу, спрятавшись за дверцей. Она боялась, что озверевшая мать ворвется в комнату и начнет ее снова избивать. Она с опаской смотрела на вход, замечая, как с новым ударом, петли и хлипкая защелка сдаются

под натиском неимоверной силы. Внезапно ее взгляд скользнул по зеркалу. Девочка остолбенела. На нее, из тьмы посеребренного стекла, смотрели испуганные глаза маленького чудовища со спутанными волосами, в отрепьях и грязи. Чудовище было испуганным и растерянным, словно не понимало, как оно оказалось в этом чуждом мире, где за каждым углом поджидает смертельная ловушка или толпа разъяренных людишек, жаждущих ее смерти.

— Ты не спрячешься от наказания, потаскуха! Твои лживые слезы и мольбы, больше не затуманят мой разум! Ты днями и ночами станешь вымаливать прощение у Всевышнего за свое развратное поведение, тварь!

Мария была в бешенстве. Старшая дочь появилась ночью на пороге, голая, израненная, грязная, в соплях и слезах и осмелилась заявить, что ее изнасиловали. Женщина благодарила Господа, что на улице шел ливень, и ее падшее чадо никто не видел! Она втощила эту мелкую мразь в дом, схватив ее за волосы. На шум выскочил супруг из спальни, но она ледяным тоном приказала ему отправиться в комнату Анны и не высовываться. Мария была в силах в одиночку решить эту проблему.

Она не собиралась жалеть блудницу, так как была твердо уверена, что никчемная девчонка сама раздвинула ноги перед первым встречным! Она всегда подозревала, что под видом святой простоты, кроется бесстыжая гулящая девка! С самого ее рождения это девочка раздражала ее. Благодаря Кристи, Мария потеряла во время беременности часть своих прекрасных зубов, которые пришлось заменить протезами, на идеальном теле появились отвратительные растяжки, густая копна волос превратилась в скудную ошипанную шевелюру с проседью. Волосы так и не стали гуще. И этот ребенок постоянно кричал: и днем и ночью!

А самым отвратительным напоминанием было то, что Мария забеременела по глупости, напившись в гостях у друзей. Обладая в те годы легкомыслием, она подумать не могла, что залетит от шуплого паренька, за которого ей придется выйти замуж под давлением родителей. Она мечтала о другой жизни — такой, какая была у Констанцы. Брак по любви, красавец сын, интеллигентный и обеспеченный супруг.

В те времена, Мария еще не была настолько одержима религией и не могла похвалиться терпимостью. Дочка получала побои по любому поводу. Спустя годы, обратившись к Богу, ненависть к старшей наследнице, только усилилась, хотя девочка редко перечила ей. Но Мария догадывалась, что под хрупким и ангельским образом скрывается демон, который однажды проявит себя! Нужно было лишь выждать удобный момент, чтобы разоблачить дочурку!

И вот настал этот прекрасный день, когда она смогла отомстить за все те несчастья, что принесла эта дрянь! Наконец она могла выплеснуть всю ненависть на эту девчонку, которую презирала всем сердцем!

Вдоволь отыгравшись на Кристи, нанося удары ногами и руками, Мария наслаждалась скулежом, мольбами и слезами дочери, без перерыва просящей то ли прощения, то ли пощады. На мгновение она остановилась, пытаясь отдышаться. В этот момент дочурка выскользнула из ее рук, прошмыгнув в свою комнату и заперев за собой дверь. Наивная идиотка надеялась избежать кары! Мария не собиралась сдаваться! Сегодня был день ее триумфа, когда она выйдет победителем, после долгой битвы с коварной судьбой!

— Если ты добровольно не вступишь меня в комнату, ты тысячу раз пожалеешь об этом! Я войду туда, и тогда адские муки на костре, покажутся тебе всего лишь ангельской пляской!

Кристи беззвучно всхлипывая, боясь, что услышит мать, тихо поползла к зеркалу.

Времени было мало. Если она не успеет осуществить задуманное, то действительно окажется в аду. Мария не успокоится, пока не искалечит ее. С нее достаточно пыток!

С трудом поднявшись на ноги, придерживаясь за стол, Кристи еще раз посмотрела на свое отражение. Лохмотья остались у шкафа и уже не скрывали наготу. Тело было все в ссадинах, ранах, синяках и кровавых подтеках. Волосы сальными прядями спадали на плечи и маленькую подростковую грудь, хранящую следы от укусов и острого лезвия.

Кристи прикрыла рот рукой, пытаясь сдержать крик боли. Дверь вновь затряслась под ударами Марии, внезапно взгляд девочки остекленел, словно разум покинул ее тело. Она схватила стоящий рядом стул и со всей силы, которая у нее осталась, ударила по зеркалу. Осколки, словно обломки бриллиантов, со звоном рассыпались по комнате, оставляя мелкие порезы на коже девушки.

Звуки за дверью стихли. Мария услышав шум, оторопела.

— Ты что еще задумала, дрянь?! Решила разнести комнату?

Кристи уже не слышала ее слов, она, кривясь от боли, опустилась на колени. Взяв в руки крупный осколок с заостренным концом, девочка отрешенно взглянула в него. Из тьмы на нее смотрели потухшие глаза, глубина которых манила и медленно затягивала разум в мертвую бездну, откуда нет возврата! Девочка сжала осколок, зажмурила глаза и, издав душераздирающий вопль, полоснула себя по запястью!

Боли не было. Умиротворяющая слабость растеклась по телу, принося приятное тепло и ощущение свободы.

За окном стемнело. Августовская луна, всевидящим оком, ярко светила на темном небосклоне, превращая окрестности в таинственное королевство мрака и мистики. Невесомый магический свет проникал через распахнутое окно, оседая сверкающими пылинками на поверхности предметов. Сверчки молчали, казалось, они устали от дневного зноя и отменили гастролы, даря людям тишину. Только какая-то неутомная псина лаяла вдалеке, почуяв опасность или от безделья. Ее прерывистый лай раздражал, но хозяин не спешил уговорить пса.

Кристи вынула наушник из ушей и потерла щеку, которая горела от фантомной боли. Эта оплеуха ничего не значила. Пощечина — ерунда, о которой она скоро позабудет. Конечно, такой поворот событий был неожиданным, но не стоящим пристального внимания. Любая физическая боль ничто, по сравнению с рукоприкладством Марии или теми вещами, что с ней сотворили незнакомцы в ту жуткую ночь.

Кристи не страшилась ничего, кроме тех чудовищ, которые обитают в этом проклятом городе. Монстры, воспоминания о которых вызывали у нее головную боль и приступы рвоты. Они были рядом. Она знала, она чувствовала, она боялась их. Мерзкие твари дышали тем же воздухом, что и она, ходили по тем же дорогам, прячась в тени раскидистых деревьев, смотрели на те же звезды, что сияют высоко над головой!

Кристи взглянула на свои запястья, где отвратительными бурными змейками красовались два рубца. Она отдернула рукава, скрывая неизгладимые следы, жуткое напоминание о прошлом.

В доме царил безмолвие. Было достаточно поздно и домочадцы, наверняка отправились спать или же сидели в гробовой тишине. Даже не было слышно привычного гула телевизора, работающего в гостиной.

В животе у Кристи предательски заурчало. Она уже несколько дней обходилась без еды,

да и вчерашняя рвота также оставила отпечаток на ее состоянии. Она чувствовала слабость, но голод не мог пересилить ее нежелание спускаться на кухню и есть еду опекунов.

Кристи взяла рюкзак и заглянула внутрь. У нее осталось пару купюр, которые незаметно подсунула Лаура. Этих денег с трудом хватит на сигареты, не то что на еду.

— Ничего, я что-нибудь придумаю, — прошептала она. Завязав рюкзак, девушка закинула его на плечо и взобралась на подоконник.

Днем сад поливали, и Кристи надеялась, что вода смыла остатки ее рвоты и она, не замаравшись, сможет спуститься. Оглядевшись, дабы быть уверенной, что за ней не следят, девочка тихо спрыгнула вниз.

Электронные кухонные часы, стоящие на холодильнике, показывали без пятнадцати одиннадцать. Время ужина уже прошло. Констанца молча протирала чистую посуду, бесшумно складывая тарелки в буфет. Она то и дело поглядывала на часы, ожидая, когда муж с Виржилиу вернутся из церкви. Михай повез еду сыну и должен был его забрать, дождавшись пока тот решит все приходские дела. Анна еще не ложилась. Она сидела за обеденным столом, наблюдая, как Констанца с грустным видом занимается домашними хлопотами.

— Почему вы мне не рассказали, что ваш сын священник, — прервала безмолвие Анна.

Констанца отложила влажное от воды полотенце в сторону и присела рядом с девочкой за стол. Ее потухшие глаза стали еще печальнее. Анна поняла, что затронула болезненную тему.

— Мой сын сделал осознанный выбор. И я слушаю, если начну отрицать, что я поддерживала его решение. Я не сказала о его сане потому, что не хочу воспринимать Виржилиу, как слугителя церкви. Он для меня всегда останется единственным любимым сыном. Возможно — это неправильно, но я не могу иначе.

— Мне кажется, что его поступок достоин восхищения. Отдать себя в услужение Господу — это благое дело.

— Верно, — усмехнулась Констанца. — Наверно, я эгоистка, не желающая делить сына с Всевышним.

— Но он не исчез! Он здесь с вами! В одном городе, в одной церкви, в одном доме!

— К сожалению, он недолго будет жить здесь. В приходе закончат ремонт его покоев, и он съедет.

— Вы сможете его навещать!

— Да, милая. Но для матери, не видящей сына почти три года, эти краткосрочные визиты недостаточны, — на лице Констанцы появилась улыбка, а печаль в глазах только усилилась.

Констанца помнила. Она помнила тот день, тот час, ту минуту, когда сын решил отправиться в семинарию. Это было шесть лет назад. Виржилиу только окончил университет, и его ждала головокружительная карьера юриста. Он готов был идти по намеченному пути, вот только трагическая гибель сестры перечеркнула все безукоризненные планы.

Ее смерть в одночасье изменила его. Что-то внутри Виржилиу сломалось. Он всегда был сильным, целеустремленным, упрямым и праведным человеком. Констанца никогда не замечала за сыном религиозного фанатизма, которому удалось бы затуманить разум и в одночасье перечеркнуть все мечты, склонив его отдать свою жизнь в услужение Всевышнему. Но все в этом мире изменчиво!

Констанца до сих пор не могла стереть из памяти тот день! Воспоминания о нем преследовали ее днем и ночью. Она помнила каждое слово сказанное сыном. Каждый жест отпечатался в ее памяти глубоким клеймом.

— Я не отпущу тебя! — Констанца старалась вырвать из сильных рук сына рубашку, которую он намеревался сложить в огромный чемодан. — Ты можешь отправиться куда

угодно, но не в это место!

Михай, обхватив голову руками, молча сидел в кресле в углу комнаты. Он знал, что попытки жены остановить сына бессмысленны. Виржилию не отступиться, даже если его запереть в помещение без окон и дверей, он все равно вырвется из заточения и поступит так, как ему заблагорассудится.

— Я все равно это сделаю, мам. Я должен!

Констанца отпустила рубашку. Ее руки безвольно повисли. Она подняла на сына покрасневшие, заплаканные глаза. В них читалось отчаяние и немая мольба.

— Это напрасная жертва. Ты ничего не исправишь, лишь испортишь себе жизнь! Не делай этого! Прошу тебя.

Виржилию холодно взглянул на рыдающую мать, словно перед ним стоял совершенно чужой человек, чувства и слезы которого были ему безразличны.

— Ты права, я ничего не исправлю, но я буду молиться. И возможно однажды, Господь простит меня! Возможно, когда-нибудь, я смогу простить себя! Каким бы сейчас тебе не казалось мое решение — оно верное. Посвятить жизнь на благо другим, стать светом в темные времена, отречься от искушений и пороков — это правильный путь! Это мой путь!

Констанца, прикрыв рот рукой, чтобы сдержать рыдание опустилась на колени, она отчаянно схватила сына за край брюк.

— Умоляю, не уходи! Я не хочу тебя потерять навсегда — это несправедливо...

— Достаточно, — Михай поднялся с кресла, и, подойдя к жене, взял ее под руку, поднимая с пола. — Хватит унижаться, реветь, выпрашивать милость у родного сына, как нищие! Хочет уйти, пусть идет на все четыре стороны! Ему двадцать четыре года, он вправе делать все, что ему вздумается! Хочет быть священником, скатертью дорога. Захочет быть клоуном и выступать в цирке, что же вперед!

Виржилию, собирающий чемодан, с недоумением взглянул на отца, который до этого не проронил ни слова, не стремился его остановить.

— Не смотри на меня так! Ты волен делать со своей жизнью, что хочешь. Но я хочу тебя предупредить, если я еще раз увижу, что ты доводишь мать до слез, я тебя выпорю! Не смотря на то, что ты взрослый человек, — тон Михая звучал угрожающе. — Она достаточно настрадалась за последнее время и не заслужила такого отношения!

Виржилию молча захлопнул чемодан, взглянул на родителей и спешно покинул комнату, даже не попрощавшись. Констанца попыталась броситься за ним вслед, но Михай крепко схватил ее за локоть, не позволяя жене двинуться с места. Он развернул ее, прижал к себе, крепко обняв.

— Отпусти его. Может, когда-нибудь он поменяет свое решение. А сейчас дай ему свободу. Поступив в семинарию, он не перестанет быть нашим сыном.

Констанца знала, Виржилию никогда не изменит решения. Осознавая безысходность ситуации, ее материнское сердце разрывалось от отчаяния и боли. Она понимала, что уже ничего не исправить, остается лишь одно — смириться с его выбором и попытаться жить дальше.

Было глубоко за полночь, когда яркая луна поднялась высоко в небо и сияла там, среди мириад звезд, как королева в окружение подданных. Ее пронизывающий свет, такой слепящий в небесах, терял свою силу на земле, где густая мгла окутала спящий городок и его окрестности. Плотный туман, спустившийся с ближайших гор, пополз лениво по улицам,

оставляя мокрые следы на асфальте, траве и листьях деревьев. Тусклые фонари вальяжно рассеивали искусственный свет, но даже от них было мало толку. Непроглядная завеса захватила городок, напоминая людям, что близится осень и вскоре зной спадет, сменившись промозглым холодным воздухом.

Виржилиу терпеливо дождался, пока домочадцы разбредутся по комнатам и окажутся в царстве сна, откуда до утра их не выманить. Убедившись, что дом погрузился в тишину, он осторожно вышел в коридор. Он помнил, что старые половицы скрипят, и поэтому ступал с опаской на деревянный пол, дабы не издавать лишнего шума.

Священник подошел к противоположной двери. Он замялся. Виржилиу не был уверен в верности своего решения. Его сомнения с каждой секундой росло, но сан требовал действий. Своенравная соседка внесла непредвиденные коррективы в его жизнь, расписанную на много лет вперед.

— Кристи, ты спишь?

Виржилиу тихо постучал в дверь, в надежде, что никто не услышит, кроме девчонки. Он прислушался, ответом на его стук была гробовая тишина. Девушка действительно либо крепко спала, либо не желала говорить с ним.

— Открой, пожалуйста, дверь, если ты не спишь. Я обещаю, что не стану тебя отчитывать за сегодняшний инцидент, — Виржилиу прижался лбом к двери, закрыв глаза. — Пожалуйста, мы должны поговорить.

Безмолвие — плохой собеседник и, в то же время — чуткий слушатель. Оно умеет хранить тайны, но не способно дать дельных советов или избавить от чувства вины. Безмолвию под силу понять всю боль и раскаяние, но все, что было сказано, растворится в небытие, став пустотой.

Священник сделал глубокий вдох и медленно отошел от двери. Он подозревал, что поведение девочки, ее ненависть, ее предвзятость не беспочвенны. Всему есть внятное объяснение. Он желал услышать причину, толкающую Кристи к краю пропасти.

«Вставай, взывай ночью, при начале каждой стражи; изливай, как воду, сердце твое пред лицом Господа; простирай к Нему руки твои о душе детей твоих, издыхающих от голода на углах всех улиц» Плач Иеремии 2:19.

Священник стоял на коленях в полной темноте. Он горячо молился. Его губы непрерывно и беззвучно шептали слова молитвы. Его душа взывала к силам Господа, ища успокоения.

Каждую ночь Виржилиу видел один и тот же кошмар, который заставлял его просыпаться в холодном поту и с учащенным сердцебиением. Каждую ночь, готовясь ко сну, он надеялся, что в этот раз сон не повторится и он, наконец, сможет выспаться.

Словно через пелену тумана он видит Ее, бегущую в одной ночной рубашке, развивающейся по ветру. Она бежит через сад. Серый тоскливый рассвет. Багряные листья на пожелтой траве. Ее босые ноги, не чувствуют холода осеннего инея.

Он следует за ней. Он должен ее догнать. Но время играет против него.

— Постой!

Его крик распугивает стаю ворон, дремавших на ветке пожелтевшего клена. Они, громко каркая, взлетают ввысь, исчезая среди свинцовых облаков, опустившихся на землю и превратившихся в липкую сырую мглу.

Она не слышит его или не хочет внимать его словам. Ее силуэт почти исчез в паутине

серого тумана. Но он знает, куда она держит путь. К горной реке, мчащейся по острым камням ледяным потоком! К старому каменному мосту, построенному еще в средние века! К лесу, где деревья и кустарники, вступив в заговор с туманом, спрячут ее от Него!

Он нашел Ее! Она стоит у края арочного моста, облокотившись на черный парапет. Ее светлые волосы и льняная сорочка развиваются на ветру. Она похожа на призрака.

Он бежит, чувствуя, как холодный воздух обжигает горло, мешая нормально дышать. Его ноги скользят по мокрой траве, покрытой изморозью. Он спотыкается, но сохраняет равновесие.

Она, широко раскинув руки, взлетела! Ему показалось на секунду, что он видел крылья. Ангел оттолкнулся от темной поверхности моста и взмыл ввысь, но тут же рухнул вниз, словно коршун, подбитый ядовитой стрелой охотника.

Он не слышал крика боли, он не слышал своего голоса. Мгла поглотила все звуки! Холодное хмурое утро превратилось в кромешную ледяную ночь. Он, шатающейся походкой, подошел к перилам и взглянул вниз.

Огромные валуны, покрытые местами мягким ржавым мхом, окропились брызгами крови. Она лежала лицом вниз. Ее голова была неестественно откинута немного назад, ее шейный позвонок выгнулся в обратную сторону. Тело застыло в ужасающей кривой позе. Белоснежная рубашка местами покрылась багровыми разводами, и в потоке реки можно было заметить алые струйки, стекающие с камней в воду.

Виржилию открыл глаза. Закончив молитву и перекрестившись, он поднялся с колен, чувствуя дрожь во всем теле. Воспоминания преследовали его и во сне и наяву. Временами ему мерещилось, что он видит Ее изувеченное тело в углу своей комнаты. Волосы, слипшиеся от крови, раскроенный череп, мокрая рубашка в бурых пятнах. Когда реальность переплеталась с воображением, только молитва могла вернуть его в нормальное состояние. Священник знал, что все видения и кошмары- это проделки монстра, живущего внутри него, мечтающего сломить его дух.

Студия выглядела весьма неряшливо. Блеклые обои местами полностью выцвели, а кое-где вовсе были содраны со стен, и виднелись темные следы плесени. Краска на старых оконных рамах облупилась, обнажая высохшую древесину, поеденную короедами.

Комната служила и спальней, и столовой. Об этом свидетельствовала смятая постель, куча одежды, разбросанной по углам и использованные коробки и бутылки от продуктов, валявшиеся повсюду, вперемешку с рекламными брошюрами и пожелтевшими газетами.

Кристи растерянно оглядела квартирку. Хаос, царящий здесь, напоминал девушке ее жизнь, наполненную мусором, сломанными вещами и кучей грязного белья.

— Проходи. Присаживайся, — Ливиу убрал с деревянного стула рубашку и свитер.

Кристи молча села, продолжая с интересом осматривать интерьер.

— Что будешь пить?

— Воду.

— Может что-нибудь покрепче? У меня есть пиво, немного вина. У меня даже где-то завалилось полбутылки виски. Правда дешевое пойло, вряд ли придется тебе по вкусу.

— Я буду воду, — холодно произнесла Кристи.

— Как скажешь, принцесса, — Ливиу усмехнулся, и пожав плечами, отправился на кухню.

У Кристи снова заурчало в животе. Желудок предательски заныл, вынуждая хозяйку

хоть немного утолить чувство голода.

— У тебя есть что-нибудь съестное?

— Сейчас поищу, — Ливиу загремел дверцами шкафчиков и посудой. Через минуту он вошел в комнату, держа в одной руке стакан с водой, а в другой бутылку пива и две пачки крекеров.

— Это все, что удалось отыскать. Обычно я дома еду не держу. Возьми, — он протянул девушки стакан и крекеры.

— Спасибо, — Кристи взяла воду и, даже не сделав глотка, поставила на пол. С печеньями дело обстояло иначе. Забрав пачки из рук Ливиу, она жадно разорвала упаковку и начала с невероятным аппетитом поедать сухие соленые галеты, которые крошились, оседая мучной пылью на ее лице и одежде.

— Ничего себе аппетит! Тебя что, дома не кормят совсем?

Кристи остановилась и глотнула воды. Сухое печенье вызвало жажду и мешало говорить.

— Я не ела уже несколько дней, не потому что меня не кормят. Я не хочу, есть еду этих людей! Еще немного осталось подождать, и я смогу навсегда покинуть их дом. Мне ничего не нужно от них!

Ливиу открыл пиво, и сделав глоток, произнес:

— Что за негативное отношение к семье, приютившей тебя? Они, пожалуй, немногие в городе, кто может похвастаться почти безупречной репутацией. Констанца всегда приветлива, а Михай никому не отказывает в помощи. Не чета моим родичам, которые всю жизнь думают только о себе. Чем тебя обидели эти милые люди? И не ты ли сегодня устроила скандал в местной церквушке? Новости об инциденте разошлись моментально по этому захолустью.

— Не твое дело, кого я недолюбиваю, кто меня обидел и что я творю в церкви. Или ты один из этих религиозных фанатиков?

Кристи доела первую пачку галет и, смяв ее, вызывающе взглянула на парня. Тот, глядя на серьезное лицо девушки, прыснул от смеха.

— Успокойся, принцесса. Я вообще далек от Бога, как земля от солнца. Но не стану врать, сегодня я бы с удовольствием посетил службу, если бы знал, что кто-то плюнет в лицо священнику при всем честном народе. Ты дала местным сплетникам пищу для болтовни, как минимум на неделю.

— Мне все равно. Пусть моют кости кому угодно, меня не интересует их мнение.

— Ладно. Может, расскажешь мне, почему ты так ненавидишь семью Ливиану?

Кристи допила воду и взглянула на парня, затем в окно, не завешенное шторами. Она бы могла ему соврать или частично поведать правду, но беседа обещала затянуться до утра.

— В другой раз я тебе все расскажу. Уже достаточно поздно. Если кто-нибудь из опекунов обнаружит мое отсутствие, я не смогу незаметно сбежать из дома. Я должна идти. Спасибо за ужин. Я могу взять это с собой? — Кристи указала на оставшуюся пачку крекеров. Ливиу кивнул.

— Тебя проводить?

— Нет. Я сама в силах найти дорогу, ты же знаешь, — на лице девочки появилась еле заметная улыбка. Ливиу улыбнулся ей в ответ.

— Будь осторожна. В этом городке полно чудовищ. Тихие улочки обманчивы, а добродушные люди, порой являются настоящими монстрами, — в его голосе звучало

беспокойство.

— Я знаю. Я буду осторожна, — Кристи взяла со стула пачку крекеров и вышла из квартирки, тихо прикрыв за собой дверь.

— Доброго пути, принцесса, — прошептал Ливиу, сделав очередной глоток хлебного напитка.

Молитва — единственная связь с Господом. Тонкая невидимая нить, соединяющая человечество с небесной канцелярией. Каждый раз, обращаясь к нему, нет уверенности, что он услышит твой зов среди сотен тысяч голосов, взывающих к Его милости. Возможно, ответа не дождешься, но в сердце вечно будет жить надежда, что однажды твой тихий шепот долетит до Его ушей, и в этот знаменательный момент снизойдет благословение. Прощения Всевышнего принесет душе покой, разум прояснится, и муки совести перестанут терзать, принося с собой ночные кошмары. А пока, твои мольбы безответны. Дни и ночи покаяния, долгие страстные молитвы, неистовая вера, словно огонек свечи в ветреную ночь, будут поддерживать тебя. Если удастся сохранить пламя и не пасть жертвой тьмы, то костер разгорится до таких масштабов, что ни тропические ливни, ни катастрофическое цунами, ни пожарная пена не смогут затушить его. Искры долетят до самых небес, оставляя земные послания чернилами пепла на белоснежных облаках.

Истинно верующий, жаждущий быть услышанным, надеющейся на силу и милость Господню, будет награжден! Ибо просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят.

Впервые за долгое время Констанца молилась. Нет, она не вставала на колени перед распятием, не цитировала вслух стихи из Библии. Она сидела в полной темноте на постели, молча смотрела в распахнутое окно и мысленно разговаривала с Господом, надеясь, что он ее услышит. Она просила его об одном. Чтобы он уберег ее семью от несчастий.

Когда в спальню вошел Михай, женщина испуганно вздрогнула.

— Почему ты сидишь в полной темноте? — Михай зажег ночник у кровати.

— Я задумалась и забыла включить свет, — улыбнулась Констанца мужу.

— Понимаю. Сегодня был тяжелый день, — Михай сел рядом с супругой и обнял ее.

Она устало опустила ему голову на плечо.

— Я растеряна и не знаю, что нам делать.

— Я знаю. Мы должны показать девочку специалисту. У нее явно психическое расстройство или что-то в этом роде. Я не врач, но ее поведение нельзя назвать нормальным.

Констанца тяжело вздохнула, она понимала, что иного выхода нет. Где священник бессилен, возможно, поможет совет доктора.

— Лаура выслала документы девочек почтой. Я завтра схожу в отделение и узнаю, если они пришли. Может медицинская карта даст нам ответы.

Констанца улыбнулась и нежно погладила Михая ладонью по лицу. Супруг у нее был золотым, всем на зависть. Заботливый, трудолюбивый, чуткий. Он всегда находил решения в любых сложных ситуациях. Подходил к делу с умом, никогда не позволял себе выходить за рамки приличия, повышать голос, а тем более — применять насилие. Инцидент с Кристи расстроил его. Он и не думал бить девочку. Злосчастная пощечина вышла произвольно. Констанца знала, что Михай сейчас ненавидит себя за содеянное.

— Когда документы будут у нас, тогда пригласим врача. Кристи вряд ли согласится отправиться в больницу, — продолжил он, прижав руку жены к щеке, взглянул виновато ей в глаза, — Мне жаль, что я поднял на нее руку.

— Я знаю. Я уверена, что такое не повторится. Мы все немного обессилили от сложившейся ситуации.

— Я обещаю, что с девочкой будет все хорошо. Мы ее вылечим, исправим, переделаем, — он тихо усмехнулся. — Я говорю о ней словно о предмете. Кажется, я действительно устал и начинаю нести ерунду.

— Ничего. Я поняла тебя. Сейчас нужно набраться терпения.

— Ну, терпения у нас достаточно. По крайней мере, я так думал до сегодняшнего дня. Милая, мне жаль тебя расстраивать, но муж твой стареет и его программа видимо дает сбой.

Констанца улыбнулась. В ее глазах читалась бесконечная любовь к этому человеку, которому она посвятила тридцать пять лет жизни.

— Да, ты сильно меня расстроил. Я думала, что ты супермен и тебе все под силу.

Михай рассмеялся. Констанца спешно прикрыла ему рот рукой. Женщина еле сдерживала себя, чтобы не прыснуть от смеха.

— Тише, сейчас всех в доме разбудишь.

Михай пытаясь вернуть серьезное выражение лица, убрал руку жены и сквозь зубы процедил:

— В следующий раз, когда я соберусь кого-то спасти, напомни мне надеть трико и плащ, — больше не в силах терпеть, Михай рухнул на постель, уткнувшись головой в подушку. Его тело вздрагивало от безудержного приступа смеха.

Констанца, взглянув на супруга, не удержалась и сама расхохоталась. Испуганно прикрыв рот, она смеялась до тех пор, пока из глаз не пошли слезы. У нее была буйная фантазия: Михай в красных трусах и в плаще — это весьма забавное зрелище, особенно, если учесть его худощавое телосложение и пожилой возраст. Супердед спешит на помощь!

Душа человека — бесценна! Она невесома, как воздушное облако, хрупка — как хрусталь, чиста — как горное озеро. К несчастью, божественной субстанции не суждено долго хранить целомудрие в мире, где балом правит бесчестие и зло. В земном чистилище священное естество в одно мгновение способно обрасти черной плесенью, медленно превращаясь в пульсирующий нерв боли и страдания, в цепкую паутину ненависти, в комок крошечного мрака.

Душа человека — священна! Многие тысячелетия за человеческую сущность воины Господа сражаются с приспешниками Сатаны. Увы, не всегда удается святому воинству одержать победу. Слуги Дьявола — опытные соблазнитель, одаренные ученики, искусные подстрекатели и льстецы. Им ведомо, как посеять в душе человека семя сомнений! Им известны тропы, по которым тьма сможет проникнуть в сознание и запутать мысли. Они способны сплести крепкие сети для ловли наивной жертвы, ушедшей с верного пути...

Кристи осторожно забралась через окно в комнату. Она слышала далекий хохот, доносящийся из спальни опекунов. Они не спали. Интересно, что их так развеселило? Неважно. Пусть смеются. Когда она покинет их дом, они могут даже умереть от смеха. Ей наплевать!

Девочка бросила рюкзак на пол и обессилено упала на постель. Уставившись во тьму, и вслушиваясь в смех, который с каждой секундой становился тише, она не заметила, как погрузилась в тяжелый сон.

Ночь любит странников. Царица тьмы и лунного света приветствует гостей теплыми объятиями, скрывая под плащом мрака от любопытных глаз. Под ее покровом даже самые уродливые создания приобретают благопристойный облик. Ночь способна преобразить все

вокруг: убрать грязь пугающих подворотней, смягчить запах зловонных канав, выкрасить в нейтральные цвета, потрескавшиеся от времени стены домов.

Ночь — искусный конспиратор и покровительница шпионов. Ей известны самые страшные секреты, она умеет мастерски хранить тайны. Ночь благоволит бесшумным вора, жестоким разбойникам, безнадежным пьяницам и отчаянным бродягам. Она верный попутчик демонов, прекрасных монстров с ангельским лицом и черной, как бездна мрака, душой. Ночь лояльна к добру и злу. Но, когда свет отступает перед мраком, вестники тьмы с охотой пользуются дарами королевы теней. Под чутким присмотром благодетельницы, злодеи творят бесчинства, не боясь небесной кары.

Демон вернулся! Ночь была рада его визиту. Давно она не видела его холодных голубых глаз, с презрением смотрящих на родной город. Тьма сопровождала его всюду, но в этом месте, много лет назад, он обрел свою истинную сущность.

Дороги мира привели его домой. Ночь помнила те времена, когда ее излюбленный злодей, держал в страхе этот город. Он правил балом, совершая мерзкие поступки, и каждый раз ему удавалось избежать наказания. Ночь гордилась и жалела его жертв. Многие загубленные им души сломались под гнетом боли и печали. Все же, каким бы жестоким ни был бес во плоти Серафима, он был ее любимцем, она боготворила его, рьяно скрывая его тайну.

Город спал, не зная о том, что монстр вернулся. Он стоял на холме, полной грудью вдыхая ночной воздух. На его лице сияла злорадная белоснежная улыбка. Его глаза превратились в узкие щели, он всматривался в редкие огни фонарей и светящиеся окна домов. Он чувствовал, что возвращение в это захолустье принесет ему немало удовольствия. Это было его владенье, где он чувствовал кровь невинных, видел слезы девственниц, упивался криками боли и отчаяния.

Кристи вздрогнула и испуганно открыла глаза. Ей снова приснился кошмар. Она медленно поднялась и шатающейся походкой подошла к двери. Повернула ручку. Дверь была заперта. Прислушавшись, она прокрутила ключ в замке, тихо отворила дверь и выглянула в темный коридор.

В доме стояла тишина. Кристи вышла и бесшумно направилась к спальне сестры. Заглянула в комнату. Анна спала, прижимая к груди медвежонка. Лунный свет струился через окно, голубыми бликами отражаясь на ее спокойном лице. Кристи облегченно вздохнула и пошла обратно к себе.

Проходя мимо покоев Виржилию, она на мгновение остановилась. Девочка сжала кулаки, в ее глазах мелькнули искры ненависти.

— Спи. Завтра я устрою тебе веселый денек, святоша, — тихо процедила она сквозь зубы.

Вернувшись в свою комнату, она вновь заперла дверь на ключ и рухнула на постель.

Монстры среди нас. Они порой живут рядом: в доме напротив или в соседней комнате. Они, как оборотни меняют обличье, умело пряча темное естество. Чудовища не живут под кроватью или в шкафу, они находятся очень близко. От кровожадных тварей не спасет одеяло, святая вода или осиновые колья. Они могут напасть, когда пожелают. От острых клыков и когтей, человека может спасти лишь чудо! Вот только чудеса в этом огромном мире — большая редкость! Не всем бедолагам удастся избежать плачевной участи! Кому-то повезет, и он выберется из западни, отделавшись глубокими ранами, а кто-то лишится жизни

и сгинет в прожорливой тьме!

Часть третья. Две Анны Предисловие

Слепая вера в волшебные сказки, отрывает от реальности, источающей жестокость, смрад и разочарование. Надеясь укрыться от действительности, человек подвергает себя опасности, которая болотной топью медленно затянет его в пучину боли и страданий.

Одно мгновение отделяет зло от добра. Один брошенный камень и вот — магическое зеркало фантазии дает трещину и разлетается миллионами осколков, рая душу и тело! Временами, нанесенные увечья, смертельны. Ни одному знахарю не удастся исцелить раны! Слепой не станет зрячим! Калека не пойдет! Безумцу не обрести ясность ума!

Сила духа — это редкий дар! Не каждому дано нести свой крест и не сломиться под гнетом тяжести. Я не смогла, я не справилась, я потерпела поражение! Дитя господя проявившая своеволие, отвергшая его напутствия, забывшая его заповеди! Я не заслужила прощения, осознанно нарушив Его законы! Я сдалась без боя.

Я ощутила всю боль мироздания, когда мое юное тело, словно мешок с прогнившими отребьями сорвалось с моста и распласталось на холодных сырых валунах. Невероятно! Вместе с болью ко мне явилась свобода! Я избавилась от омерзительного груза воспоминаний, изъедающих мое нутро! Я обрела покой на этой грешной земле, отдав себя на растерзание слугам Преисподней.

Я помню последние мгновения перед тем, как смерть укрыла меня ледяным плащом. Его бледное лицо в серых прорезях тумана. Его глаза, наполненные ужасом и отчаянием. Он не был виноват в моем паденье, но был причастен к бедам, рухнувшим на меня! Я не желала ему зла и не жаждала наделить его страданиями. Я осознавала, что моя гибель заберет часть его души. Моя смерть уравнивает баланс. Он был тем, кому под силу было мое спасение, а стал безвольной тенью, погубивший меня.

Я легко сдалась! Я — не героиня! Я — не женский персонаж бульварных романов, растерзанный и растоптанный судьбой, возрождающийся, словно феникс из пепла! Я не выйду на тропу войны, ища справедливого возмездия! Я маленькая девочка, оказавшаяся в обители монстра, лишившего меня души и разума!

Могла ли я поступить иначе? Нет! Жалею ли я о содеянном? Нет! Случившаяся беда, не позволила бы мне спокойно жить! Зеркало, ведущее в сказочное королевство, разбилось! Волшебство оказалось миражом, а прекрасный принц кровожадным и беспощадным драконом.

Море слез, пролитых родителями! Кровоточащие раны в их сердцах! Они не заслужили данной участи! Но страшная правда убила бы их! Они будут жить в неведении. Они смиряются с моей смертью. Острая боль притупится, и спустя годы, станет далеким эхом, изредка доносящимся из воспоминаний.

Я слаба. Я не стремилась бороться за свою честь, жизнь, будущее. Монстр победил, злорадствуя в жутком мрачном подземелье! Он не остановится на мне. Он вновь выйдет на охоту, дабы утолить свой вечный голод!

Глава 1

Луна бесстрастным мертвым светом старалась рассеять сгустившуюся мглу, окутавшую окрестности. Часы перед рассветом принесли прохладу. Капельки росы осели на траву хрустальным бисером.

Тишина, воцарившаяся в окрестностях, была угнетающей, словно предвещала беду. От слепого безмолвия даже дворовые псы не желали заливаться лаем, пугливо прячась в конуре. Ветер стих, уснув в густых ветвях. Ночные птицы смолкли, пугливо прислушиваясь. Даже сверчков не было слышно. Тишина — вестник несчастья!

Горная, мелководная река бурным потоком неслась вдаль, огибая острые пороги. Шум воды словно растворялся в воздухе, лишь изредка нарушаемый всплесками, хищным рыбам было плевать на суеверия — они вели охоту.

Старый арочный мост из прочного камня, созданный великими мастерами много сотен лет назад, темной тенью возвышался над бурлящим водоемом и прибрежными серыми валунами.

Переправа повидала многое на своем веку. Она была очевидцем истинной любви, скрепленной клятвой. Перед ее взором проходили ожесточенные битвы, где храбрецы склоняли головы от ударов тяжелых мечей. Она была свидетелем губительных наводнений, когда речушка, питаемая таянием снегов с горных вершин, выходила из берегов, превращаясь в мутный разрушительный поток, сносящий все на своем пути.

Мост помнил множество событий. Люди умирали и рождались, гибли от пуль и занимались любовью, эволюционировали и теряли человеческий облик.

Все менялось, лишь мост оставался прежним. Временами его крепкие опоры давали трещину, военные снаряды разрушали покрытие, но смертные всегда приходили на помощь, устраняя изъяны. Вековая каменная кладка вселяла в людей уверенность. Она напоминала человечеству о том, что любая вещь поддающаяся ремонту, может служить вечно. Время текло, вода вымывала грунт из-под колонн, ветра стачивали камень, снега давили на опоры, мост был безмятежен, его не пугали ни природные катаклизмы, ни войны, ни апокалипсис. Мост был нерушим!

Ночная прохлада медленно сменилась дневным зноем. Кристи смотрела на реку. Вода в самых глубоких местах доходила по пояс, течение водоема было смертоносным. Воды с легкостью могли подхватить упавшее дерево и раскромсать его о пороги, превратив в щепки. Редко когда бревну удавалось доплыть до ближайшей заводи или зацепится за прибрежный валун.

Девочка, облокотившись о каменные перила моста, взглянула вниз на серые обломки скалы, где бурлящие потоки воды, зло шипя, ускользали от препятствий, в гневе покрывая холодную поверхность валунов брызгами.

Кристи помнила это место, много лет назад она здесь частенько бывала с подругой. Они бродили по берегу, осторожно ступая по скользкой обросшей мхом гальке. Среди густых зарослей ив они прятались от любопытных глаз и предавались мечтаньям, фантазируя о взрослой жизни, когда они покинут этот город и отправятся покорять большой мир.

Анна была старше Кристи на два года, и разница в возрасте не мешала крепкой девичьей дружбе. У подруг были общие интересы, они ходили в одну школу, посещали одну

церковь, их семьи дружили. Это было чудесное время. Но однажды оно закончилось.

Кристи помнила тот день. Мария пришла от Констанцы и вскользь сказала о том, что ее дочурке гореть в аду за свои деяния. В голосе матери прозвучало злорадство, словно она была рада смерти дочери подруги.

Они не были на похоронах. Мария запретила. Общение с семьей Ливиану тоже прекратилось. Задавать вопросы матери Кристи боялась. Любопытство мучило ее, но страх перед гневом родительницы был сильнее. Девочка в одиночестве прорыдала несколько ночей в своей комнате. Она даже не осмелилась приблизиться к дому Анны. Все детали случившегося она узнавала из болтовни прихожан, которые временами шептались перед службой.

Спустя три года с Кристи случилась несчастье. Ее жизнь навсегда изменилась, разделившись на две части: до и после трагедии. Девочка забыла о подруге, борясь с собственными демонами.

И вот она снова здесь. Кристи спустилась осторожно к валунам, на которых шесть лет назад погибла Анна. Она провела рукой по шершавой поверхности камня и подняла глаза к небу.

Кудрявые облака, отбрасывая гигантские тени, лениво плыли по бескрайней синеве, временами закрывая пушистыми телами палящее солнце.

— Мы с тобой так похожи. Но ты мертва, а я нет, — Кристи перевела взгляд на мост. Он, мрачным исполином, возвышался над речушкой. Такой спокойный, такой величественный, такой нерушимый. — Мы связаны с тобой одной нитью. Тебе не хватило сил жить дальше, но у меня они остались. Я найду способ отомстить за тебя. Я наберусь, храбрости и взыщу справедливость. Мне жаль, что мы попали в смертельный капкан. Мне жаль, что не смогли друг друга уберечь от беды.

Кристи опустила на камень, села и обняла колени. Ее глаза наполнились слезами. Просидев в таком состоянии минут десять, она сделала глубокий вдох, пытаясь восстановить самообладание. Успокоившись, девочка поднялась с валуна, взглянула последний раз на старый мост и пошла прочь от реки, осторожно ступая на скользкую гальку.

Утренний город кишел людьми. Кто-то спешил на работу, кто-то совершал утренние покупки, а кто-то наслаждался последними летними лучами солнца, прогуливаясь под сенью лип и кленов, растущих вдоль аллей.

Констанца вместе с Анной, в этот ранний час, решила посетить булочную. Обычно женщина сама готовила выпечку к завтраку, но сегодня ей захотелось отведать знаменитых круассанов Данни. В этой пекарне всегда было полно лакомств, которые не уступали по вкусу кулинарным шедеврам Констанцы.

Анна проснулась рано и изъявила желание прогуляться. С момента приезда она лишь единожды покидала дом, отправившись на службу в церковь. Констанца не стала отговаривать девочку, наоборот она обрадовалась компании.

Зайдя в булочную, Анна тут же направилась к прилавку, с интересом разглядывая яства, выставленные на витрине. Здесь было все, что душе угодно: теплый, ароматный хлеб, глазированные пончики, посыпанные шоколадной и кокосовой стружкой, воздушные пирожные со сливками и ягодами, рулеты с маковой начинкой и орехами, торты, покрытые причудливыми фигурками из марципана, печенья разных видов и румяные булочки со всевозможными наполнителями, начиная от козьего сыра, заканчивая яблочным джемом и

карамелью.

Констанца взглянула в сторону кассы. Всего несколько человек стояли в очереди, делая заказы продавцу, который резво подхватывал выпечку кулинарными щипцами с подносов и расфасовывал по пакетам.

— Я, пожалуй, возьму еще грамм триста печенья с корицей.

Констанца, услышав голос, внимательно присмотрелась к покупателям. Она знала одного из них. Давно она не видела этого парня в городе. Горожане распустили сплетни, что он стал известным адвокатом в мегаполисе. Он действительно выглядел как юрист. Мужчина, лет тридцати, с идеально выбритым лицом и короткой стрижкой, словно он только что вышел из салона красоты, был одет в дорогой костюм светло-серого цвета. Щеголь приветливо улыбался продавцу, обнажая свои великолепные, идеально ровные белые зубы — работа дорогой стоматологической клиники. Местные незамужние девицы, наверняка облепят его со всех сторон, когда узнают о его приезде. Красавец видимо не состоял в браке, на его безымянном пальце не было кольца.

Констанца выдавила из себя улыбку и кивнула, когда мужчина обернулся и заметил ее. Блондин расплатился, взял пакеты и подошел к женщине.

— Доброе утро, Констанца. Не думал, что первое знакомое лицо, которое я увижу, будет ваше, — в голосе мужчины звучали нотки сарказма, а в его голубых глазах плясали дьявольские огоньки.

Констанца сделала вид, что не заметила его издевательского тона.

— Здравствуй, Мирел. Наша встреча для меня тоже стала неожиданностью.

Парень усмехнулся и пригладил свои идеально уложенные волосы.

— Надеюсь приятной? Как здоровье Михая? Как Виржилию? Я слышал, он недавно вернулся в город.

— Да, он прибыл на место старого священника, который умер некоторое время назад. У моего супруга тоже все отлично. А ты, какими судьбами оказался здесь?

Мерел, опять широко улыбнулся, пристально смотря на Констанцу. Она никогда не демонстрировала любопытства. Что же изменилось? Виржилию что-то ей рассказал? Вряд ли. У него недостаточно смелости! Да и не стала бы она так приветливо говорить с ним, если бы ее “праведный” сынок разболтал лишнего.

— Приехал выставить на продажу летний родительский дом. Они купили усадьбу в Италии и не намерены больше возвращаться в это место.

— Ясно. Значит, у вас отлично обстоят дела. Я рада за вас. Передай родителям привет.

— Обязательно. Всего доброго, — Мерел снова одарил женщину голливудской улыбкой, от которой Констанцу начинало уже подташнивать. Он мельком взглянул на Анну, переключившую свое внимание с витрины на него, и вышел из булочной.

Констанца облегченно вздохнула. Когда-то этот парень был лучшим другом ее сына. Они часто играли вместе во время летних каникул, родители ежегодно привозили мальчугана в дом у реки. Учились ребята на одном юридическом факультете. Они были, не разлей вода, пока однажды, что-то не произошло и парни прекратили общение. Констанца и Михай устали от вездесущих тайн, но вразумительного ответа от сына так и не получили. Единственное, о чем попросил родителей Виржилию, держаться подальше от этого парня.

— Кто это был?

Анна тихо подошла к Констанце и дернула за рукав платья.

— Старый знакомый, милая. Забудь о нем, у нас есть более важные дела. Ты выбрала,

что хочешь попробовать? Наша очередь подошла. Давай наберем кучу вкусностей и отправимся поскорее домой, лакомиться ими, — Констанца ласково потрепала девочку по волосам.

Холодная вода струйками стекала по его намыленному телу. Виржилию закрыв глаза, стоял под душем, чувствуя, как кожа покрывается мурашками. Ледяная вода придавала бодрости и проясняла мысли. А священнику было над чем подумать. Он мог бы простоять так весь день, но долг перед Господом и прихожанами, лишил его такой возможности. Виржилию выключил воду. Надо было спешить. В приходе его ждало множество нерешенных дел.

Вытирая голову полотенцем, он вошел в спальню. У преподобного оставалось немного времени, чтобы успеть позавтракать. Наверняка мать приготовила что-то особенное и вряд ли отпустит его голодным.

Взгляд священника упал на кровать, где еще полчаса назад аккуратно лежала сутана и колоратка. Сейчас вместо них на постели лежали, хаотично разбросанные лоскутки черной ткани и куски белого пластика.

— О! Нет, нет, нет, нет!!!

Виржилию бросил полотенце на пол и, подскочив к кровати, стал собирать обрывки, которая еще недавно служила ему повседневным облачением. Разрезанная одежда не подлежала восстановлению. Священник тяжело вздохнул. Он чувствовал, что маленькая бестия не оставит его в покое. К счастью, это была не единственная сутана и не единственный белый воротничок. Виржилию прекратил собирать лоскутки, сложив их на край постели, сделал глубокий вздох и вышел из комнаты, направившись к спальне девочки.

Подойдя к двери, он громко постучал.

— Открой, я знаю ты там! Ты думаешь, твоя выходка сродни веселой шутки? Порча чужого имущества не доведет тебя до добра!

Как и вчера, дверь священнику никто не открыл и не удостоил ответом.

— В следующий раз, если тебе вдруг взбредет в голову поджечь часовню, будь добра, предупреди, чтобы никто не пострадал!

Виржилию вернулся к себе в комнату, хлопнув дверью. Он был раздражен. Впервые за несколько лет его хладнокровие дало слабину. Он взглянул на постель, где черным холмиком лежали обрывки сутаны. Кристи надо остановить, иначе однажды ее выходки обернутся трагедией, не только для девчонки, но и для многих ни в чем неповинных людей.

Кристи стояла у окна. С улицы ее не было видно. Она следила за обстановкой, выжидая безопасного момента, чтобы выйти из комнаты.

Она видела, как Виржилию вышел из дома, облаченный в другую сутану, видимо он прятал ее в шкафу или чемодане, куда девочка не додумалась заглянуть. Литургическое облачение хранилось в здании при часовне, и до него Кристи вряд ли смогла бы добраться. Она была довольна тем, что подпортила утро святоши. Он, наверняка, даже забыл позавтракать. Ну, и пусть питается святым духом. Кристи невольно улыбнулась, довольная содеянным.

После ухода преподобного, через несколько минут вернулись Констанца и Анна с пакетами в руках. Видимо они ходили за покупками. Кристи только подумала о том, сколько лакомств они накупили к завтраку, обеду и ужину, как почувствовала урчание в животе. Ее

опять мучил голод. Но она была слишком горда, чтобы просить еду у неприятелей.

В дверь постучали. Девочка отошла от окна.

— Кристи открой, это я.

Кристи отворила дверь. В коридоре стояла Анна. Девушка вопросительно взглянула на сестру, которая растеряно мялась на пороге.

— Чего тебе, малявка?

Анна робко протянула пакет, не поднимая глаз.

— Это для тебя. Я знаю, что ты их любишь. Я взяла их в булочной. Они свежие.

Кристи взглянула на бумажную упаковку и название кондитерской на ней. В животе опять предательски заурчало. Она знала, что внутри и помнила их вкус, который радовал ее по праздникам. Мария иногда покупала их дочерям. Кристи нравились те, что были покрыты розовой малиновой глазурью и цветной сахарной крошкой. Она догадывалась, что сестра купила именно их. Девочка сглотнула слюну.

— Спасибо, я не голодна, — гордо произнесла Кристи и, попыталась закрыть дверь. Анна не позволила ей это сделать, просунув в проем ногу.

— Стой. Возьми, пожалуйста. Поешь позже, когда появится аппетит.

— А если я это не сделаю, ты от меня не отстанешь?

Анна подняла глаза на сестру и, улыбнувшись, кивнула. Кристи проворчала что-то нечленораздельное под нос, и с наигранной неохотой взяла пакет.

— Это все?

— Нет, — Анна понизила голос до шепота, — я слышала, как опекуны говорили, что сегодня тебя придет осмотреть врач.

Кристи ухмыльнулась. Этого следовало ожидать. Очередной психиатр, рискнет установить диагноз, которого не существует — ничего нового.

— И что? Не в первый раз. Эти мозгоправы лучше священников, приписывающих мне одержимость. — Кристи понизила голос до зловещего шепота, — Скажи честно, тоже думаешь, что в меня вселился нечистый дух?

Анна покачала головой.

— Нет, я так не думаю. Ну, может иногда, когда ты злишь меня. А так... По мне, ты глубоко несчастный человек, презирающий весь мир и не желающий говорить о причине, которая превращает тебя в монстра.

— Стоп, маленький философ. О своих проблемах я буду или не буду говорить с врачом, а не с тобой. Спасибо за пончики и до свидания.

Анна покорно убрала ногу из проема и Кристи захлопнула дверь.

— Тебе не надоело быть такой злокой? — Воскликнула Анны.

— Малявка исчезни, иначе потом будешь реветь, что вовремя не покинула вражескую территорию и понесла потери!

Когда шаги Анны стихли, Кристи нетерпеливо открыла пакет, из которого потянуло приятным ароматом. В животе снова заурчало, но теперь девочка знала, что сможет утолить голод самой вкусной выпечкой на свете. И все благодаря сестре, которая беспокоилась о ней.

Михай заехал в обеденный перерыв и оставил пакет с документами, который забрал с почты. Он обещал, что психиатр зайдет сегодня вечером, чтобы осмотреть Кристи. Михай еще утром побывал в госпитале и попросил доктора навестить их. Молодой врач, только что прибывший в город, недолго думая, согласился.

Когда супруг вновь отправился в офис, Констанца, закончила мыть посуду. Она решила взглянуть на медицинские карточки девочек до прихода медика. Возможно, предыдущие доктора оставили полезные заметки.

Усевшись на диван, женщина распечатала посылку и начала внимательно просматривать записи. Сестры редко болели, и визитов к врачу было немного. Если не считать приемов у психиатра, которого посещала Кристи. Она была здорова. Никаких психических отклонений.

Констанца медленно перелистывала страницы. Внезапно она остановилась. Запись, датированная тремя годами назад, привлекла ее внимание. Она была сделана перед самым отъездом Марии и ее семьи из города.

Кристи была госпитализирована в местный госпиталь с множественными гематомами и кровотечением. Ее психическое состояние было нестабильно.

Констанца еще раз перечитала перечень травм и задумалась, потирая подбородок рукой. Она знала, что Мария наказывала дочь, но чтобы избить до полусмерти. Нет, она не верила, что ее бывшая приятельница могла опуститься до такого. Что натворила пятнадцатилетняя девчушка, чтобы родная мать готова была убить ее за прегрешение.

В гостиную вошла Анна. На ее лице блуждала таинственная улыбка. Она подошла к Констанце и села рядом с ней.

— Она взяла пончики, — довольно произнесла девочка.

— Замечательно. Столько дней не есть, можно и умереть с голоду. Ты умница, что уговорила ее, — Констанца поцеловала девочку в лоб. — Милая, хочу тебя кое о чем спросить. Ты помнишь тот день, когда твоя сестра попала в больницу? Что тогда произошло?

Анна нахмурила брови, пытаясь пробудить в памяти неприятные воспоминания. Она помнила ту ночь. Смутно, но помнила.

Был теплый сентябрь. Кристи отправилась к подруге учить уроки. К девяти часам вечера она должна была уже вернуться, но даже в десять ее все не было. Мария начала злиться. Она позвонила Александре, однокласснице, девочка сказала, что Кристи не приходила к ней и не должна была. Мария осознала, что дочь ей бесстыдно солгала. Гнев стал закипать жгучей лавой, предвещая смертоносное извержение.

В полицию никто не стал звонить. Мать не желала афишировать выходку дочери, несмотря на то, что до этого момента Кристи была сущим ангелом и никогда не позорила фамильную честь. Мария была уверена, что Кристи вернется и тогда она покажет ей, что ожидает лжецов в аду.

Анна вынуждена была отправиться спать. Она хотела дождаться сестры, но Мария запретила, мотивируя тем, что дочь должна выспаться перед завтрашними занятиями. Она убедила Анну, что Кристи обязательно вскоре явится, моля о прощении. Испорченная девчонка просто хочет позлить мать.

Анна крепко спала, когда громкие крики нарушили ее сон. Она открыла глаза. На будильнике было около четырех утра. Рядом с кроватью сидел испуганный отец.

— Что случилось, — сонно произнесла Анна, пытаясь понять что происходит. Что за крики и плач в доме?

— Не выходи. Мать попросила оставаться в комнате, — отец виновато опустил глаза, стараясь не смотреть на дочь.

Анна присела на постели, пытаясь понять что происходит. Она слышала громкий плач

Кристи, словно та умирала от боли. Она ужаснулась крикам матери, которая не стыдилась злословить, обзывая дочь грязными словами.

— Мы должны что-то сделать, — Анна с мольбой взглянула на отца, но тот вжал голову в плечи и все также сидел с опущенным взором.

— Нет. Мы не выйдем отсюда, пока они не разберутся между собой. Это нас не касается.

Анна с негодованием взглянула на родителя, который в данный момент выглядел жалко. Он готов был принести в жертву старшую дочь, лишь бы не попасть под гнев супруги. Ее отец боялся пуще всего на свете. Анна хотела выйти из комнаты и помочь сестре, но знала, ее попытка не увенчается успехом. Отец не выпустит ее из спальни. А если ей удастся вырваться из плена, она вряд ли сможет противостоять матери, впавшей в ярость. Единственное, что девочке оставалось — это молиться за сестру. Анна закрыла глаза и начала шептать слова Святого Писания, пытаясь не обращать внимания на крики за стеной.

— Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое! Да придет Царствие Твое! Да будет воля Твоя и на земле, как на небе...

Анна тяжело вздохнула и взглянула на Констанцу, у которой глаза были на мокром месте.

— Я не прекращала молиться, когда отец выбежал из спальни. Мама заставила его выломать дверь комнаты Кристи. Я продолжала взывать к милости Господа, когда приехала скорая помощь и увезла сестру в госпиталь. Я просила Всевышнего, чтобы он уберег Кристи от несчастий и избавил от боли.

— Милая, почему Кристи оказалась в больнице?

Анна грустно улыбнулась, и перевела взгляд на медведя, которого теребила в руках.

— Я не знаю. Может мама ее сильно избил. Может, случилось, что-то более страшное. Я не знаю. Эта тема не обсуждалась у нас в семье. Даже когда Кристи с мамой ссорились, они ни разу не упомянули ту ночь.

— Мария больше не поднимала руку на Кристи?

Анна истерично рассмеялась, словно Констанца пошутила, а не задала серьезный вопрос.

— Неоднократно. Но после того случая, Кристи начала давать отпор. Она изменилась. Она больше не боялась ее. Она перестала терпеть унижения, и целенаправленно старалась изводить мать. Кристи словно подменили.

Констанца обняла Анну, прижав ее к груди. Ее догадки оказались верны, Мария избил дочь. Но так издеваться над ребенком из-за того, что он не пришел вовремя домой или солгал о месте своего нахождения, было чересчур. Констанца с горечью осознала, что ее бывшая подруга стала чокнутой, повернутой на религии бабой.

Мария не должна была так поступать с Кристи! Что она сделала с ней, что бедную девочку забрала скорая помощь? Констанца намеревалась разобраться в случившемся. Она надеялась, что врач, который согласился осмотреть Кристи, поможет ей узнать детали произошедшего.

Виржилиу знал, что она не otvorит ему. Он мог весь день простоять под дверью и умолять поговорить с ним, но она будет непреклонна. Анна обладала сильным характером и невероятным упрямством. Если в ее светлую голову взбредет какая-нибудь мысль, она совершит все возможное и невозможное, чтобы отстоять свое мнение. Он любил ее, когда она была открыта с ним, когда строптиво отвечала на его просьбы, когда ненавидела его и злилась.

— Убирайся прочь! Я не желаю говорить с тобой! — Ее голос звучал отчужденно, словно там за дверью была не его сестра, а кто-то совершенно незнакомый.

— Пожалуйста, дай мне шанс. Мы должны поговорить.

— Убирайся!!! Я ненавижу тебя!!! Ты во всем виноват!!! Ты чудовище!!!

Виржилиу оперся головой о дверь. Он готов был выломать ее, лишь бы сестра выслушала его. Но он знал, что может весь мир перевернуть и не добиться ничего. Упрямая девчонка не станет ни слушать, ни говорить.

— Анна, прошу тебя...

— Пошел вон!!! Уходи ко всем чертям!!!

Он отпрянул от двери. Ладно, не хочет беседовать сейчас, он подождет. Терпения у него хватит. Когда-нибудь сестре придется выйти из комнаты и тогда ей придется выслушать брата.

Священник вошел в конфессионал, поправляя фиолетовую столу. Прихожанин уже ждал за перегородкой. Желающих исповедоваться было много, несколько недель без духовного наставника сказались на истинно верующих горожанах. Диакон составил расписание литургических обрядов и таинств, но оно вступит в силу после окончания ремонта часовни и прицерковных зданий. Несмотря на хаос, творящийся в приходе, новый священник старался максимально выполнять свои обязанности.

— Слава Иисусу Христу! — голос прихожанина заставил Виржилиу побледнеть.

— Во веки веков, аминь, — священник пытался сохранить самообладание и скрыть волнение.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

— Бог да будет в твоём сердце, чтобы, сокрушенный духом, ты исповедовал свои грехи.

— Аминь.

В кабинке повисла тишина. Виржилиу ждал. Он слышал за перегородкой ровное дыхание.

— Давно я не исповедовался, святой отец. Последний раз ты слышал мой голос несколько лет назад. Я не поленился и приехал в ту церквушку, откуда перевели тебя сюда в это захолустье.

— Ты желаешь покаяться в содеянных грехах, сын мой? — тон священника стал ледяным, дрожь исчезла.

За перегородкой раздался тихий смех. Мужчина, пытался сдерживать его, чтобы он не превратился в хохот и не привлек внимание нежелательных свидетелей.

— О, нет! Не желаю.

— Зачем ты здесь?

— Какая ирония, святой отец. Ты знаешь все о моих деяниях и ничего не можешь сделать. Ты наверно не высыпаешься ночами, угрызения совести преследуют тебя, кошмары не дают уснуть. Но ты связан, ты не можешь нарушить тайну исповеди, остановить меня, спасти невинных.

— Зачем ты здесь? — в голосе Виржилиу зазвучали угрожающие нотки.

— Я всегда был честен с тобой, — мужчина усмехнулся, проигнорировав вопрос священника. — Ну, после того, как ты получил сан. Ты наверно жалеешь, что я не был откровенен с тобой до того момента. Да, с друзьями так не поступают. Правда, из тебя дружок никудышный.

— Я последний раз тебя спрашиваю: зачем ты здесь?

— Ладно, вижу, ты на грани, я отвечу тебе. Я вернулся, чтобы превратить твою жизнь в ад, — последнюю фразу прихожанин процедил сквозь зубы. Она была полна ненависти и презрения. — Ты ничтожный червяк, попытавшийся встать у меня на пути. Я не успокоюсь, пока не втопчу тебя в грязь.

— Я не боюсь тебя. Ты больше не сможешь манипулировать мной. Я не позволю. Благодарю Господа, что я священнослужитель, а не мирянин. Иначе...

— Иначе что? Ты бы меня остановил? Сдал полиции? Устроил самосуд? Или позвонил СМИ? Что бы ты сделал? Я знаю ответ. Ничего! Ты трус — Виржилиу Ливиану! Трус и ничтожество!

— Убирайся, — священник покраснел от гнева. Вена на лбу вздулась. Он сдерживал себя, чтобы не ворваться в другую часть конфессионала и не вытащить от туда мерзавца за ворот.

— Я уйду. Но обещаю, — это не последняя наша встреча, святоша!

Виржилиу слышал, как удаляются шаги. Ему хотелось кинуться вслед, выместить всю накопившуюся за долгие годы злость. Монстр рвался наружу, остервенело, скобля клыками решетку клетки. Нет! Демону не видать свободы! Достаточно того, что его собрат вернулся в город, дабы вновь творить злодеяния. Виржилиу закрыл глаза и начал шептать молитву, уповая на помощь Всевышнего.

Сентябрь выдался теплым. Душный густой воздух, был наполнен влагой, обещающей скорую грозу. Первые крупные капли дождя опустились на багряную листву и пыльные улицы, когдасумерки накрыли окрестности серым одеялом. В полночь ливень обрушился на городок в полную силу, очищая его от скопившейся грязи на мостовых, от запаха сожженной листвы. Осень полноправно вступила в свои владения, оповещая ненастьем о своем прибытии.

Молодой священник, бредущий по пустынной улице сквозь непроглядную стену дождя, походил на бродягу, нежели на представителя духовенства. Его черная мокрая сутана была испачкана грязью и кровью, лицо покрыта ссадинами, губа разбита, правая скула припухла, обещающая через некоторое время, превратится в синяк. Священник хромал. Он медленно брел по городу, растерянно оглядываясь по сторонам. Наконец долгие поиски увенчались успехом.

Телефонная будка. Заметив ее, священнослужитель прибавил шаг. Каждое движение причиняло ему боль. Мышцы лица напряглись. Он стиснул зубы, чтобы подавить стон. Дождь словно препятствовал его намерениям. Потоки воды, бурными реками, текли по асфальту. Видимость была нулевой. Священник передвигался почти вслепую.

Добравшись, наконец, до будки, он спрятался в ней от ненастья, моля Господа, чтобы аппарат был исправен. Сняв трубку, он услышал непрерывный гудок и вздохнул с облегчением. Разбитая губа и ссадины на лице начали печь от воды. Мужчина поморщился и быстро набрал номер.

— Алло, полиция? Я хочу сообщить о преступлении...

Шум дождя заглушал его слова. На мгновение священнику показалась, что его крик разносится по всему городу. Он надеялся быть услышанным. Он твердо знал, что его звонок не принесет пользы. Злодеи не понесут наказание! Справедливость не восторжествует! Но преподобный пытался остановить монстра, или старался очистить свою совесть.

Виржилию просматривал церковные бумаги, но мысли его были далеки от Бога. Он чувствовал, как внутри него нарастает ярость. Его злейший враг, разрушитель судеб, безжалостный преступник и лицемер вернулся в город. Этот человек с ликом ангела и душой демона стал известным юристом. И вместо того, чтобы гнить за решеткой, он защищает чудовищ себе подобных.

Преподобный почувствовал, как капелька пота скатилась по виску. Он машинально потер рукой лоб. Напряжение бросало его в жар. В такие моменты он осознавал, что церковный сан останавливает его от неразумных поступков. Если бы не поддержка Господа, возможно, он не смог бы сдержать гнев и нарушил шестую заповедь. Быть священником — тяжелая ноша. В тоже время — это великий дар, позволяющий прийти на помощь заблудшим душам, указать правильную дорогу, стоящим на распутье, дать надежду отчаявшимся.

Нет, он так легко не сдастся! Демон в человеческом обличье — это испытание! Отец небесный проверяет, крепка ли вера? Поддастся ли он искушению? Сможет ли он устоять перед натиском невзгод?

Виржилию облизнул пересохшие губы. Взял графин со стола и налил воды в рядом стоящий стакан. Он выпил воду залпом. Монстр сжигал его изнутри.

Анну не вернуть. Ее душа никогда не будет знать покоя. Суицид — страшный грех. И пока Виржилию жив, он будет до последнего вздоха молить Господа о прощении. И может быть, когда-нибудь Всевышний сжадется и ответит на его молитвы, и сестра обретет покой. Может быть, когда-нибудь...

Священник устало взглянул в окно. Цветные витражи пропускали солнечный свет, отражаясь радужными зайчиками на стенах кабинета. Они служили ему напоминанием, что всегда есть шанс справиться со всеми трудностями, не нарушая заветов. Он отыщет выход и сможет навсегда избавиться от Мирела, не запятнав свой духовный сан и совесть.

Виржилию снова потер лоб и стал разбирать накопившиеся бумаги. Сегодня ему придется задержаться до самой ночи. Часовня, служащая местом надежды и покоя, должна принимать прихожан в свои объятия в любое время. Мирские дела не важнее церковных!

Анне нравился Мирел, друг ее старшего брата. Она частенько тайком наблюдала за ним, когда блондин приходил к Виржилию в гости. А также, вместе с Кристи, они ходили на реку, где находился роскошный летний особняк прокурора. Прячась в густых зарослях ежевики, царапающей их нежную кожу, девочки ждали, когда Мирел, приехавший на лето к отцу, выйдет на террасу или спустится к реке покидать камни в воду.

Он был намного лет старше. Ему было двадцать четыре, но в него были влюблены все вокруг: и девочки — подростки, и местные девицы на выданье, и даже женщины зрелого

возраста бросали ему вслед недвусмысленные взгляды. Красавцу льстило внимание дам, но не одной из них он не отвечал взаимностью. Казалось его и Виржилию ничего не интересовало, кроме учебы и юридической карьеры.

Феличия, младшая сестра Мирела, одногодка Анны, была иной. Она любила устраивать вечеринки, приводить кучу друзей в дом у реки. Ей даже иногда удавалось затащить на свои праздники брата. Прокурор и его жена давали волю детям, они разрешали им все. Порой Мирел и Феличия приезжали вдвоем в особняк без родителей.

Анна мечтала однажды попасть на знаменитую тусовку дочери прокурора. Вот только избалованная аристократка, тщательно выбирала себе окружение, и церковные мыши, вроде Кристи и Анны, не имели ни малейшего шанса оказаться рядом с ней. Но однажды все изменилось.

Анне исполнилось четырнадцать. Констанца купила ей великолепное платье, заказала торт в булочной у Данни и разрешила пригласить на праздник столько друзей, сколько она пожелает.

Анна позвала всех и даже Феличию. Она не пришла. За то пришел ее брат, Виржилию уговорил его. Девочка была на седьмом небе от счастья. В тот вечер она заметила, что Мирел не спускал глаз с нее. Он наблюдал за ней, а когда она замечала это, то не отводил взгляд, а одаривал своей удивительной светлой улыбкой.

Спустя несколько дней в дом Ливиану заявила Феличия. Она принесла приглашение на праздник. У Анны перехватило дыхание. Девочка подумала, что напрасно считала дочь прокурора высокомерной и холодной.

Знай, Анна истинную причину такой благосклонности Феличии, она бы предпочла бы навсегда стереть из памяти Мирела и его сестру.

Глава 3

Кристи стояла перед зеркалом, висящим на стене, и сосредоточенно наносила темную помаду на губы. В дверь постучали. Девочка вздрогнула. Темная жирная субстанция пересекла край губы, измазав подбородок.

— Черт, — прошептала недовольно Кристи.

— Кристи, ты не могла бы спуститься в гостиную, — раздался за дверью неуверенный голос Констанцы.

Девочка вытерла темные пятна с кожи и положила помаду на тумбу.

— Нет. Я не выйду из комнаты. Пусть ваш врач убирается ко всем чертям!!!

— Кристи, пожалуйста. Всего несколько минут удели доктору. Обещаю, после встречи с ним, я тебя не потревожу.

— Я неясно выразилась? Я не стану говорить с вашим мозгоправом!

За дверью слышались удаляющиеся шаги. Констанца так быстро сдалась? Никаких угроз, ни долгих уговоров. Ну, что же Кристи устраивало такое развитие событий. Она надеялась, что врач уйдет. И когда все лягут спать, она сможет сбежать через окно в город. Ожидания девочки не оправдались. В коридоре вновь слышались шаги, поступь была тяжелой. Возможно, Констанца решила отправить Михая или Виржилию, чтобы они постарались ее уговорить. Напрасная трата времени и сил! Она не выйдет ни за что!

Два стука в дверь.

— Здравствуй, Кристи. Мы можем с тобой поговорить.

Девочка обомлела. Она не могла поверить своим ушам. Голос был до боли знаком. Но как этот человек мог оказаться здесь? В этом доме!

— Кристи, я знаю, что ты слышишь меня. Я не уйду, пока мы не побеседуем.

Девушка сделала глубокий вдох, пытаясь вернуть себе контроль над чувствами, и отворила дверь.

В коридоре стоял Ливиу. Сейчас он выглядел совершенно по-другому. Лицо гладко выбрито. Вместо кожаной куртки и потертых джинсов, на нем был черный костюм с голубой рубашкой. Он выглядел так, словно пришел просить ее руки. Парень довольно улыбался, глядя на растерянность девушки.

— Я могу войти?

Кристи на секунду замаялась и, наконец, неуверенно кивнула, пропуская его внутрь. Как только Ливиу оказался в комнате, она закрыла за ним дверь, для надежности заперев ее на ключ.

— Это шутка? — Кристи выжидающе посмотрела на парня.

Ливиу взял стул, стоящий у стены, поставил его в центр комнаты, напротив постели, и сел, не дожидаясь приглашения.

— Присядь, — он указал рукой на кровать. — Сейчас я все тебе объясню.

В любой другой ситуации, Кристи бы вытолкала наглеца за порог или попыталась возразить ему, но в данный момент любопытство взяло вверх. Она послушно присела на край постели, напротив Ливиу. Он продолжал улыбаться, глядя на смятение девушки. Сегодня, находясь в клинике, он вспомнил, где раньше видел ее. В госпитале.

Перебравшись в этот город и приступив к работе в больнице, несколько месяцев назад, он просматривал архивные записи. Ему попала на глаза копия медицинской карты

трехлетней давности. Девочку доставили в отделение скорой помощи с множественными гематомами, ранами сомнительного характера и перерезанными венами. Кристи пыталась покончить с собой.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

Город был маленький. Слухи быстро распространялись. Но этот случай не стал публично обсуждаться. Мать девочки, каким-то чудесным образом убедила врача не распространяться о деталях случившегося. В диагнозе психиатр написал: терапевтическая резистентная депрессия. Врач так же отметил в записях, что девочка сама себе нанесла увечья.

Ливиу заинтересовал прецедент. В этой провинции, такие события были нонсенсом. Единичный случай суицида, произошедший шесть лет назад, всколыхнул городок, словно шторм в океане. Угнетающая обстановка, скука, безысходность, заставляла горожан топить тоску в спиртном, принося внушительную прибыль ночным питейным заведениям. Самоубийство? Какой бы серой ни была жизнь в этом захолустье, на такой опрометчивый шаг человека должна была подтолкнуть крайне серьезная причина. Молодому врачу предстояло выяснить, что подвигло юную девочку совершить попытку суицида.

— Ты долго будешь пялиться на меня, и молчать? — голос Кристи прозвучал нетерпеливо, вернув Ливиу в реальность.

— Извини. Мне нужно было все обдумать, перед тем, как начать разговор.

— Раньше я не замечала, что у тебя проблем с общением, господин доктор, — фраза прозвучала язвительно.

Ливиу продолжал улыбаться. Он знал, что сейчас Кристи дезориентирована и ее эмоциональная защита дала трещину. Пока она не пришла в себя, у него был шанс выудить из нее максимум информации.

— У меня их нет. Но сейчас здесь я в качестве доктора, а не друга. Я уверен, что ты это прекрасно понимаешь.

— Для меня нет никакой разницы. Или ты думаешь, что если заявился сюда в костюмчике, с дипломом врача, я тут же начну изливать душу, рассказывая слезливые истории о моем детстве? Ты ошибся! Ничего я не стану тебе рассказывать!

— Ладно, — Ливиу перестал улыбаться, но в прищуренных глазах затаилась лукавая насмешка, — я тебе кое-что расскажу. Я же обещал все объяснить.

Психиатр открыл небольшой портфель, откуда извлек серую папку. Кристи попыталась незаметно прочитать надпись на обложке. К сожалению, девушке не удалось этого сделать. Чтобы осуществить задуманное, ей бы пришлось подойти вплотную к парню.

— Вижу, ты умираешь от любопытства, — усмехнулся Ливиу. — Я удовлетворю его. У меня в руках твоя медицинская карта, которую мне любезно предоставила Констанца. А также копия записей из архива местного госпиталя, в которой подробно описан твой диагноз и твое состояние на момент поступления в отделение скорой помощи.

Доктор заметил, как Кристи побледнела. Ее пальцы вцепились в покрывало, судорожно сжимая его. Глаза девушки нервно забегали из стороны в сторону, она не желала встречаться взглядом с врачом.

— Я медик — мой долг оказывать людям помощь, когда они в ней нуждаются.

— Я не просила тебя помочь мне, — прошептала с надрывом Кристи. В горле у нее пересохло от волнения.

— Позволь, я договорю. После, я тебя с удовольствием выслушаю, — голос Ливиу

звучал мягко, но Кристи знала, что намерения его были тверды.

Он не уйдет, пока не закончит свою болтовню. А девушке совершенно не хотелось, чтобы психиатр обсуждал с ней ту ночь. Она не желала делиться с врачом своим горем.

— Диагноз: депрессия. Мне кажется это — врачебная ошибка. Мой коллега совершил ее либо непреднамеренно, либо по чьей-то просьбе. В прошлом ты получила психологическую травму, но ты не больна. Ты здорова, просто очень зла на кого-то или на что-то.

— Священник говорит: я не одержима, психиатр — я не больна. Что же со мной, доктор? Может вы недостаточно квалифицированы, и не замечаете очевидного?

— Сарказм? Ты лишь подтверждаешь мою версию. Три года назад, что-то случилось с тобой. Что-то плохое, что-то страшное. Произошедшее настолько выбило тебя из колеи, ты сломалась и попыталась покончить с собой. Я допускаю, что ты собственноручно вскрыла себе вены, но остальное...

Ливиу открыл папку, перелистал несколько страниц и остановился.

— Сотрясение мозга, множественные гематомы по всему телу, рваные раны, ссадины, маточное кровотечение, повреждение наружных половых органов...

— Хватит!!!

Кристи вскочила с кровати и попыталась вырвать из рук Ливиу папку. Психиатр успел подняться со стула и отбросить папку в сторону. Он молниеносно схватил Кристи за руки и притянул ее к себе. Глаза девушки пылали ненавистью и отчаянием. Она громко и часто задышала, словно у Кристи случился приступ астмы. Ливиу крепко сжал запястья, положив ее кисти к себе на плечи. Ему хотелось ее обнять, но врач сдержал себя. Он чувствовал боль, которую пришлось пережить Кристи. Боль, которая все эти годы пускала корни в ее сердце, превращаясь в древо ненависти и презрения.

— Расскажи мне правду. Я искренне желаю тебе помочь, — прошептал он глядя ей в глаза, которые заблестели от слез.

— Мне не нужна ничья помощь! Я сама справлюсь, — процедила Кристи.

— Ты сильная, я вижу! Все эти годы ты сохраняла трезвость ума. Ни наркотиков, ни алкоголя. Единственный твой недостаток — это склонность к вандализму и хулиганству. Проанализировав твои поступки, я отметил занимательную деталь — вся твоя ненависть, так или иначе, связана с христианской религией.

— Отстань, — Кристи, воспользовалась моментом, что Ливиу ослабил хватку, высвободила руки и отбежала к двери, — Тебя не касаются мои увлечения и черти в голове!

Девочка стала беспокойно проворачивать ключ в замке, пытаясь отворить дверь. Наконец, ей удалось справиться с волнением, и она открыла дверь нараспашку.

— Уходи, беседа окончена, доктор.

Ливиу улыбнулся и покачал головой. Такой реакции следовало ожидать. Но Кристи не учла одного. Доля психиатра быть терпеливым с пациентом. А у него терпения было хоть отбавляй. Ливиу подождет. И однажды Кристи придет к нему и все сама расскажет.

Подняв брошенную папку с пола и засунув ее в портфель, доктор неторопливо покинул комнату. Оказавшись в коридоре, он обернулся.

— Если ты захочешь поговорить со мной, как с другом, а не врачом, я буду рад. И если ты отважишься попросить у меня помощи, как у доктора, знай, я всегда готов.

Кристи, не удостоив врача ответом, захлопнула перед его носом дверь. Три года она была совершенно одна. Она научилась справляться в одиночку со своими проблемами. Вечные стычки с матерью, бессмысленная битва с религиозными догмами, неудачные

попытки уйти от реальности, скрываясь за мрачным макияжем и на территории погостов, все это воспитало в ней отчужденность. Ливиу стал первым человеком, который зародил в ее темной душе искру доверия. Но она слишком мало знала его, чтобы открыться, хотя понимала, что возможно он действительно сможет помочь излечить боль, терзающую душу.

Констанца и Михай весьма торопливо вскочили с дивана, когда Ливиу спустился в гостиную. Они напрасно переживали, что Кристи не станет говорить с ним. Продолжительное отсутствие врача, рассеяли их сомнения. Девушка все же обмолвилась словом с медиком.

— Все хорошо. Мне удалось побеседовать с ней.

— И каковы прогнозы?

Констанца крепко сжала руку супруга в ожидании худшего.

— Могу вас уверить, что она психически — уравновешенный человек. Ее агрессивное поведение обусловлено иными причинами, не болезнью.

— Какие причины, могут служить оправданием ее неразумных действий?

Михай почувствовал облегчение от слов доктора, но желал знать корень проблемы, чтобы попытаться исправить ситуацию, которая настойчиво превращала их дом в настоящий бедлам.

Ливиу улыбнулся и пожал плечами.

— Переходный возраст, дурной характер, озлобленность на весь мир. Что-то ее тяготит.

— Что может беспокоить в таком юном возрасте? Мальчишки? Но, у нее нет парня. Может наркотики? — в голосе Констанцы послышалось волнение.

— Нет, она не принимает психотропные вещества, у нее нет тяги к алкоголю. Но, она что-то скрывает. И я узнаю что. Дайте мне время. И поверьте, когда я отыщу источник странного поведения Кристи, то смогу помочь ей и вам.

Ливиу не хотел говорить Констанце и Михаю всю правду. Во-первых: он жаждал помочь Кристи, не выставляя на всеобщее обозрение ее секреты. Во-вторых: не хотел добавлять хлопот этой милой семейной паре, взявшей на себя опеку над сиротами.

— Не давите на нее. Возможно, она еще не раз попытается досадить вам. Терпение и время дадут нам шанс разобраться в происходящем. А пока, я не в силах что-то изменить. Я не волшебник, я доктор, которому предстоит наблюдать совершенно здорового пациента.

— Спасибо, что согласились помочь, — Михай пожал Ливиу руку. — Мы подождем. Надеюсь, вы правы.

— У нее все будет хорошо, — Ливиу широко улыбнулся и вышел из гостиной. Супруги пошли вслед за ним, провожая его до входной двери.

С приходом сумерек августовская жара спала, сменившись приятной прохладой. Воды реки, мелодично журча, перекачивались через острые пороги, огибая опоры старого моста. Наступающая мгла несла с собой тишину и таинство ночи.

На мосту стоял мужчина. Его светлые короткие волосы трепал легкий ветерок. Он был одет не по погоде: строгий серый костюм и кожаные перчатки. Он с нежностью гладил пальцами поверхность каменных перил, глядя вниз на огромные валуны, казавшиеся белыми в темноте.

Он любил это место, здесь пахло смертью и отчаянием. Каждый раз, приходя сюда, он чувствовал, как его сущность наполняется живительной энергией. Усадьба его отца

находилась неподалеку, там тоже он ощущал приливы удовольствия, упиваясь криками боли, наслаждаясь ароматом разбитых судеб, чувствуя каждой клеткой тела, как вместе с надеждой умирает душа его жертвы.

Мост источал запах крови, который сводил его с ума. Нет, ни разу он не решился лишить собственноручно кого — либо жизни, но мысль о том, что его действия привели к трагическому концу, возбуждала.

На лице мужчины появилась мечтательная улыбка, обнажившая его великолепные белые зубы. Он сделал глубокий вздох, пытаясь уловить всю прелесть окружающего его воздуха. Он поднялся на парапет, закрыл глаза и раскинул руки. Он хотел ощутить то, что чувствовала Она, когда совершила отчаянный прыжок в бездну. В отличие от других его жертв, Она поступила разумно. Ее смерть принесла ему огромное удовольствие, сломанной вещи — место на свалке.

Он с детства любил ломать игрушки, уверенный в том, что родители купят новые. Повзрослев, он мог сам выбирать объекты для забавы, которые калечил и приводил в негодность. Испорченным вещам место на помойке! Жаль, что порой эти, наивные существа пытаются избавиться от увечий и стремятся выдать себя за абсолютно новый экземпляр. Они могут обмануть кого угодно, но не его. Монстра, которому удалось искалечить ни один десяток невинных душ.

На мосту послышались шаги. Кто-то, шаркая, приближался к нему. Открыв глаза и опустив руки, он спрыгнул с парапета на каменный настил. Незнакомец, идущий по мосту, был пьян. Его шатало из стороны в сторону. Аромат алкогольного перегара опережал пьянчугу, распространяясь на всю округу. Блондин презрительно сморщил нос. Когда неизвестный приблизился к нему на достаточно близкое расстояние, чтобы они могли говорить, мужчина предупреждающе вытянул руку вперед, останавливая его.

— Дальше ни шагу!

Пьяница, который несколько дней назад утопал в своей рвоте у входа в ночной бар, послушно остановился. Он щурился глазами, пытаясь рассмотреть мужчину в костюме.

— Мирел? Ты все же приехал, — пролепетал алкаш, удовлетворенно хихикнув.

— Если ты надеялся, что твой звонок побудил меня сорваться с работы и приехать в эту глушь, ты ошибаешься. У меня появились здесь дела. Я решу их и больше никогда не вернусь в это место.

— Ахахахаха, дела у него! Зазнался ты, парень! Видать, твой звездный статус подпортил тебе память! Забыл, кто все эти годы прикрывал тебя и твои грязные делишки, — злобно процедил пьяница. Его качнуло в сторону, но удалось удержать равновесие и не упасть. Решив, что безопаснее стоять у перил, он подошел к парапету и облокотился на него.

— Ты только что упрекнул меня, или мне это показалось? — тон блондина был ледяным.

— Нет, я не упрекал. Я намекнул тебе, что желаю получить свое. Я заслужил кусок пирога с твоего роскошного стола!

Пьяница ехидно улыбнулся, обнажая прорехи в гнилых зубах. Он чувствовал, что сегодня его ждет крупный улов, который позволит ему не выходить из запоя еще долгие месяцы. Реакция блондина поумерила его пыл. Мужчина ответил ему высокомерной улыбкой.

— Значит шантаж. Удивительно, как в твоём пропитом мозгу возникают такие грандиозные идеи. Все же похвально, что ты не настолько ничтожен, как мне показалось.

Спешу разочаровать тебя, ты ничего от меня не получишь!

Пьяница одарил мужчину мутным взглядом. Этот адвокатишка возомнил себя чуть ли не Господом богом. Глупец! Он думал, что будет жить припеваючи, пряча под маской благородства свою извращенную натуру. Нет, Адриан поставит его на место! Он знает, как выбить из этого пижона деньги.

— Я так не думаю. Известно ли тебе о возвращении Виржилию?

— Священник не поможет тебе. Он связан тайной исповеди. У него смелости не хватит нарушить обеты, лишиться сана и пойти против меня. Ты зря стараешься, пьянчуга! Убирайся с глаз моих прочь!

— Ты прав, Виржилию бессилён упечь тебя за решетку, богобоязненный трус! А вот подружка его сестры, возможно. Я уверен, что девица испортит твою репутацию, когда узнает имя того, кто сломал ей жизнь!!!

Адриан не заметил, как повысил голос. Стая спящих пичуг с перепуга вылетела из прибрежных кустов, громко вереща. Блондин слегка побледнел, но сохранил самообладание.

— Никто тебе не поверит! Взгляни на себя! Ты можешь обратиться даже в полицию, вот только там решат, что у тебя белая горячка и тебе прямая дорога в психушку.

Адриан неуверенным шагом стал приближаться к блондину. Он опирался одной рукой на парапет, пытаясь удержать равновесие, другую засунул в карман неопрятных брюк. Когда от Мирела его отделяли два шага, он остановился. Вонь, обволакивающая забулдыгу, заставила франта вновь поморщиться.

— Говоришь мне место в психушке? Может твои слова содержат долю истины. Но ты забыл про одну маленькую деталь. Вот это все, — пьяница ударил себя кулаком в грудь, — Это ничтожество, что стоит перед тобой — твоих рук дело, создатель! Ты, превратил меня в отброс! Ты, втянул меня в свой грязный мир, где жестокость и извращения служат тебе удовольствием! Я жалок! Я выпрашиваю на рюмку спиртного и порой засыпаю в собственной рвоте! Я пытаюсь не думать о том, что совершил под твоим влиянием. Вот только видимо Господь решил наказать меня, даже алкоголю не под силу стереть память. Мне нечего терять, господин адвокат! Если ты мне не дашь денег, я сначала пойду к девице, затем в полицию. Говорят, что тюремный паек не так уж плох, — Адриан засмеялся, — Если ты думаешь, что мне не поверят, спешу тебя разочаровать, у меня кое-что есть для них. И когда мир узнает о твоих злодеяниях... Пффф!!! Твоя роскошная и беззаботная жизнь превратится в дымящееся пепелище! Ты почувствуешь, каково быть сломленным! Каково сходить с ума от безысходности!

Аромат реки смешался с запахом крови и алкогольного перегара. Ночной ветер спешил поделиться трагическим известием, разнося по округе пришествие Смерти.

На серых валунах, окутанных дымкой, поднимающейся от воды, лежало тело местного пьяницы. Бедолага, вероятно, принял на грудь непомерное количество спиртного и не удержав равновесие, перевалился через парапет. Такого исхода следовало ожидать. Полиция не станет расследовать его гибель. Тело не отправят на вскрытие. Криминалисты не найдут улики, указывающие на убийство. Монстр никогда не оставлял доказательств на месте преступления.

Он стоял на террасе летнего дома своего отца и полной грудью вдыхал воздух. Он скучал по этому месту. Его темная душа тосковала по этим дивным ночам, приносящим невероятное удовольствие. Место сломанным вещам на свалке! Сегодня ему удалось

избавиться от гниющего мусора в кладовой жизни. Осталось только протереть пыль, и вернуться домой.

Ее лицо было неестественно белым. Пряди светлых волос, аккуратно убранных на затылок, открывали широкий лоб. Талант гримера сотворил невозможное. На коже нельзя было заметить ни намека на травмы. Она была похожа на фарфоровую куклу. Нос выглядел так, словно только что его вырезали из мрамора, острый, абсолютно правильной формы, ненастоящий. Губы были чересчур алыми, даже легкий румянец на бледной коже смотрелся фальшиво. Несмотря на мелкие недостатки, она была прекрасна. Умиротворенная, отрешившись от земных невзгод, она лежала в лакированном дубовом гробу, словно спящая красавица.

В помещение похоронного бюро приторно пахло лилиями. Она любила их. Букетов было много. Они источали густой аромат, вызывая у Констанцы тошноту. Через несколько дней после похорон, она вырвет с корнем эти цветы в своем саду. Они станут ассоциироваться у нее со смертью.

Констанца провела рукой по волосам дочери. Она была так юна. Перед ней могли открыться новые горизонты. Анна могла прожить долгую и счастливую жизнь, но она предпочла разбиться о скалы. Ее милая, добрая девочка, ушла, не попрощавшись, не дав обнять себя.

Одинокая слеза скатилась по щеке. Констанца спешно утерла ее и тяжело вздохнув, вышла из зала.

Анна нашла снимок случайно. В доме Констанцы и Михая не было семейных фотографий. Фото светловолосой девочки выпало из книги, когда Анна искала произведение для дневного чтения.

Констанца вязала, сидя на диване в гостиной. Она монотонно перебирала спицами. Анна подошла незаметно. Женщина вздрогнула, когда девочка коснулась ее плеча.

— Кто это?

Констанца взглянула на снимок и отложила вязание.

— Это моя дочь.

— У вас есть дочь? — Анна искренне удивилась. Она была слишком мала, чтобы помнить светловолосую девочку, которая с ней играла в прятки.

— У меня была дочь, — голос Констанцы звучал тоскливо. Она жестом пригласила Анну присесть рядом. Девочка приняла ее приглашение, — Она умерла, шесть лет назад.

Анна обняла одной рукой Констанцу, прижавшись щекой к ее плечу.

— Мне очень жаль. Я не хотела вас расстраивать.

— Ничего милая, я в порядке, — женщина взяла снимок из руки Анны. Девчушка на фото светилась от счастья. Она помнила тот день, когда была сделана эта фотография. День рождения дочери. Ей исполнилось четырнадцать.

— Вы скучаете по ней, как я по родителям?

— Да, дорогая. Все люди скучают по тем, кто безвременно покинул эту землю.

— Как ее звали?

— Анна, как и тебя. Мы с твоей мамой, когда были близкими подругами, решили, что если у нас вновь родятся дочери, мы назовем их одним именем.

— Получается, что у вас две Анны.

Констанца рассмеялась и поцеловала девчужку в макушку.

— Видимо я коллекционирую девочек с именем Анна.

— Жаль, что я с ней незнакома. Мы бы подружились.

— Ты знала ее, просто не помнишь. Она была подругой Кристи.

— Правда? Сестра никогда не упоминала о ней.

— Милая, в жизни всякое бывает. Порой люди, стараются не говорить о том, что доставляет им боль. Они были очень близки. Гибель Анны, опечалила твою сестру, но это не значит, что она забыла о ней. Я уверена, Кристи любит и помнит подругу. Нам всем не хватает ее. Жизнь в вечной скорби не имеет смысла. Нужно отпустить прошлое и жить дальше.

Анна внезапно отстранилась от Констанцы и серьезно взглянула на женщину.

— У меня складывается такое впечатление, что все вокруг что-то скрывают от меня или не договаривают. Родители, Кристи и даже вы. Я достаточно взрослая и могу воспринять правду. Я не хочу вас обижать. Я люблю вас, но я не понимаю, что происходит. Кристи вечно злится, ведет себя, как безумная. Вы не желаете упоминать о дочери. Ее словно и не было. Мама с папой погибли, но я хочу помнить о них. Хочу говорить о них. Они были не идеальными родителями, но я их люблю и не стремлюсь забывать ту часть жизни, в которой они присутствовали. Почему вы никогда не говорили об Анне?

Констанца растерянно смотрела на девочку. Она не ожидала, что двенадцатилетний ребенок, заставит ее чувствовать себя виноватой. А она была права. У всех в этом доме были тайны и недосказанности.

— Милая... — договорить она не успела, телефонный звонок прервал ее. Констанца почувствовала облегчение, что ей не придется продолжать этот тяжелый разговор. — Я должна ответить, поговорим позже, — женщина улыбнулась, поднялась с дивана и подошла к телефону.

Звонил Михай.

— Дорогая, помнишь Адриана, одноклассника Виржилию? Сегодня его нашли мертвым на камнях у моста. Говорят, что он злоупотреблял спиртным. Несчастный случай.

Констанца почувствовала, как у нее защемило сердце. Она представила бедолагу, лежащего на холодных валунах, в том месте, где когда-то погибла ее дочь. Это не могло быть совпадением.

Каждый человек — хранитель страшной тайны. Старый мост был лишен души, но в его сокровищнице было спрятано множество секретов. Беда в том, что людям свойственно разбалтывать тайны, а камни безмолвны, они не откроют истины, заставляя любопытных теряться в догадках.

Кристи никогда не нравилась Феличия. Эта девочка вызывала у нее отвращение. Она была порочной. Ее откровенные наряды, не свойственные столь юному возрасту, вызывали неприязнь. Феличия любила ловить на себе мужские взгляды, она обожала вечеринки, на которых было полно взрослых парней. Ее образ жизни наглядно демонстрировал, что она погрязла в грехе.

Мария категорически запрещала Кристи дружить с этой девочкой. Она называла дом у реки — прибежищем Сатаны, где он устраивает свои отвратительные оргии. Прокурор и его супруга никогда не посещали местную часовню. Их дети тоже не были уличены в религиозности. Мария с облегчением вздыхала, когда под конец сентября усадьба

запиралась на ключ, и порочное семейство отправлялось в мегаполис до следующего лета, оставляя особняк на попечение Адриана, местного паренька.

Анна была влюблена в Мирела, Кристи об этом прекрасно знала. Подруга часто звала ее с собой на реку, где они вели наблюдение за особняком. Быть безответно влюбленной в друга своего брата, это не одно и то же, что дружить с его ненормальной сестрой.

Кристи подозревала, что гибель подруги, как-то связана с Феличией, но доказательств у нее не было. Единственный способ узнать, что происходила в прокурорском особняке — это проникнуть в дом врага. Вот только попасть туда Кристи не могла, ей было всего двенадцать, а Феличия приглашала на свои мероприятия только “взрослых девочек”, которым исполнилось, как минимум четырнадцать лет. Кристи оставалось только ждать.

Она помнила, когда первый раз вошла в особняк. Ее поразило роскошное убранство. Мария предпочитала скромность во всем, и их дом был больше похож на монашескую обитель, чем на семейное уютное гнездо. Здесь же, в этом огромном дворце с множеством комнат, все было иначе.

На стенах висели дорогие картины известных художников. Мебель была: либо антикварной, либо работой знаменитых дизайнеров. Огромные окна с тяжелыми бархатными шторами, создавали ощущение, что ты находишься в покоях французских аристократов, а не в особняке, притаившимся на берегу реки в горах.

Было начало сентября. Сад, окружающий дом, окрасился во все цвета осени. Феличия сидела в беседке на берегу водоема, стремящегося с гор. Она с безразличием листала какие-то конспекты, время от времени поглядывая на садовую тропинку. На столики подле нее стояла бутылка белого вина и бокал, ей было почти семнадцать и родители, видимо, не запрещали употреблять алкоголь. Девочка могла позволить себе совершать любые шалости, зная, что наказание не последует.

Кристи только исполнилось пятнадцать. Через несколько дней прокурорская дочка попросила ее зайти к ней, чтобы помочь подготовиться к новому учебному году. Феличия ходила в престижную школу в большом городе, но знаниями она не блистала. Так как ее учеба начиналась с октября, она предложила Кристи подтянуть ее по некоторым предметам, пообещав, в благодарность оплатить часы репетиторства. Девочка, втайне от матери, согласилась. Это был её шанс разузнать детали, касающиеся гибели Анны.

Занятия с Феличией проходили достаточно нудно. Большую часть времени прокурорская дочь пила вино, без всякого интереса слушая Кристи, которая из кожи вон лезла, дабы донести до пустоголовой барышни хоть какие-то знания.

В один из теплых дней сентября, девочки сидели на террасе, когда приехал Мирел. Он не стал их отвлекать, а расположился в плетеном кресле неподалеку от них. Он молчал, делая вид, что смотрит на бурную речушку, несущуюся очумело по острым камням. Но каким бы отрешенным не казался брат Феличии, Кристи временами чувствовала колючий взгляд голубых глаз на себе. Казалось, молодой юрист пытался прочесть ее мысли. Что-то в этом парне пугало девочку. Его вежливость, широкая улыбка, идеальная внешность — выглядели фальшиво. И как только Анну угораздило влюбиться в него?

Осознав, что Феличия мертвецки пьяна и почти спит на столе, Кристи решила завершить занятия. Она собрала книги и конспекты, сложив их в рюкзак, поднялась и направилась к выходу из сада. Внезапно на тропинке появился Адриан. Девочка испуганно вздрогнула, осторожно отступив назад.

— Уроки окончены? — парень ехидно улыбнулся, мельком взглянув, на спящую в

беседке Феличию.

— Да, уже поздно. Она устала. А мне пора домой, — Кристи потупила взор.

— Тебя провести? Скоро стемнеет. Небезопасно одной ходить по лесу, — в голосе Адриана прозвучал сарказм.

— Нет, спасибо. Я знаю короткую дорогу и успею добраться до наступления сумерек.

— Как знаешь, — Адриан тут же потерял интерес к ней и быстрым шагом направился к террасе, где рядом с сестрой уже сидел Мирел.

Кристи обернулась ему вслед. Феличия так же спала на столе, положив голову на руку. Мирел нежно гладил ее по голове, что-то шепча ей на ухо. Внезапно он поднял глаза и посмотрел на Кристи. Девочка быстро отвернулась и поспешила покинуть прокурорские владенья. Что-то с этим парнем было не так, она чувствовала это.

Кристи сидела на подоконнике, свесив ногу. Запах роз стал менее насыщенным, чем в предыдущие дни, и теперь не так раздражал ее. Девушка задумчиво потерла висок, словно пыталась что-то вспомнить. Внезапно ее взгляд прояснился, и она довольно улыбнулась.

— Анна...

Кристи прыгнула с подоконника, подбежала к двери и, отворив ее, выглянула в коридор. Там было пусто. Виржилиу был в часовне. Младшая сестра и Констанца, наверняка, находились в гостиной или на кухне и вели пустые беседы. Михай отправился с утра на работу.

На втором этаже располагались четыре комнаты и ванная. Покои опекунов была на первом этаже. Кристи зажмурила глаза, пытаясь отчаянно вспомнить, какая из спален принадлежала ее подруге. Прошло шесть лет с ее гибели, а после ее смерти она ни разу не была здесь.

Констанца вряд ли бы отдала комнату дочери ей, или Анне. У священника была своя опочивальня. Кристи направилась к двери, находящейся рядом с комнатой Виржилиу, она дернула за ручку. Заперто. Да, это то место. Теперь осталось придумать, как попасть туда не вызывая подозрения. Кристи помнила, что Анна вела дневник. Наверняка, она его спрятала в надежном месте, чтобы никто из родственников не мог его найти и прочесть. Кристи хорошо знала подругу. Она отыщет ее записи и сможет, наконец, узнать, что заставило Анну совершить самоубийство.

Часть четвертая. Нерушимые каменные мосты

Предисловие

Отец Илия стал заведовать приходом, сразу же после окончания семинарии. Он был молод, амбициозен, мечтал когда-нибудь стать епископом. Но со временем, он осознал, что его присутствие в этом забытом богом городке, важнее высокого сана. Он прибыл в этот мир, не подниматься по карьерной лестнице, а творить добро в образе простого католического священника.

Шестьдесят лет жизни отец Илия отдал своим прихожанам. На своем веку он повидал многое: и пышные свадьбы, и мрачные похороны, и крещения младенцев, и предсмертные исповеди. Он любил свою паству, несмотря на ее несовершенство. Горожане также отвечали взаимностью священнику. Преподобный был тем человеком, который стремился помочь каждому нуждающемуся: когда делом, когда напутствием.

Его мягкий тихий голос не раз давал дельные советы отчаявшимся, помогая увидеть свет в кромешном мраке. Возможно, благодаря ему в городе не было наркоманов. Он совершил невероятное — остановил торговлю марихуаной и прочей дрянью. А вот с пьяницами ему не удалось справиться, не хватило времени. Болезнь сломила старика, но он, до последнего дня, пока недуг не свалил его окончательно с ног, проводил литургии. До последней минуты он не желал покидать эту бrenную землю, боясь за своих прихожан, которые без его поддержки могли оказаться в бездне отчаяния. Отец Илия был святым человеком с твердой верой в Господа и неистовым рвением сделать этот мир чуточку лучше.

— Вера... Она хрупка, как яичная скорлупа! В то же время может быть тверже гранитной скалы! Я бы ее мог сравнить с каменными мостами. Каменный мост, соединяющий душу человека с Господом. Почему я выбрал именно этот образ для сравнения? Я сейчас объясню. Деревянные переправы или металлические виадуки подвластны разрушениям: гниль, ржавчина. А камень совершенно другое дело. На земле существуют множество каменных мостов построенных в древние времена. Такое сооружение стоит у нас на реке. Его воздвигли где-то в тринадцатом — пятнадцатом веке. Не буду лгать, я не знаю точной даты. Но могу тебя уверить, что оно соединяет два берега ни одну сотню лет. Этот мост символизирует веру. Ветра, дожди, землетрясения, наводнения, войны могли превратить его в одночасье в развалины и пыль. А он все стоит, словно не подвластен времени и невзгодам. Если бы все же случилось несчастье, и он сгинул в небытие, люди предпочли бы не возводить его из руин, а построить новый, возможно в ином месте. Вера, как мост! Лишь невероятная сила способна уничтожить ее в одно мгновение, вот только чтобы восстановить ее, придется собирать по крупицам камни, и возводить новое сооружение годами. Некоторым людям, утратившим веру, порой недостаточно и жизни. Вера и любовь хрупки, как хрустальный сервиз. Одно неловкое движение, и ты уже на коленях собираешь осколки, изрезав пальцы в кровь. А если твоя вера подобна нерушимому каменному мосту, у тебя есть шанс укрепить его, заделать трещины, починить опоры, вставить кирпичики. Каждый раз, проверяя на изъяны, тебе предстоит усиленно трудиться, ремонтируя прорехи. Зато твои деяния принесут результат. Твоя вера будет крепка! И никакая стихия не сможет разрушить ее и превратить в обломки! Твой нерушимый мост простоят вечность, служа наглядным примером другим.

Отец Илия был умелым пахарем, которому удавалось возделывать поля души и засеивать

их семенами надежды. Его работа приносила невиданный урожай: семя превращалось в росток, а ростки в древо, уходящее раскидистыми ветвями прямиком к небесам, где зеленую листву ожидала Божья благодать. Старый священник вдохновил не одно поколение горожан, мягко подталкивая их на правильный путь. Духовник, пожалуй, был единственным человеком в округе, который обладал идеальной репутацией и заслуживал доверия.

Часовня, пышно украшенная букетами белых роз, выглядела торжественно. Скамьи, вдоль прохода, были витиевато обвязаны лентами цвета слоновой кости. Прихожане, находившиеся в церквушке, все до единого облаченные в праздничные наряды, царственно восседали на церковных лавках. Проход устилал ковер из светлых цветочных лепестков, аккуратно раскиданных свадебными организаторами. Церемония венчания была в самом разгаре. Жених и невеста со счастливыми лицами стояли возле алтаря, держа друг друга за руки, которые покрывала белоснежная стола священника с вышитым крестом. Брачующиеся произносили клятвы, поглядывая то и дело на преподобного, словно ждали его одобрения.

— Что Бог сочетал, того человек да не разлучает. И заключенный вами супружеский союз, я подтверждаю и благословляю властью Вселенской Церкви во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, — произнес Виржилию, оповестив окружающих, что брачный союз заключен.

— Аминь, — хором ответили прихожане.

Священник снял столу с рук молодоженов и благословил обручальные кольца, которые новоиспеченные супруги надели друг другу на безымянные пальцы. Как только они совершили данное действие, в часовне послышались громкие аплодисменты.

Виржилию, даже не взглянул в сторону нарушителя тишины. Он мгновенно осознал, что сейчас произойдет очередной конфуз. Священник должен был догадаться, что Она явится сегодня в часовню. В его душе теплилась надежда, что Она прибудет позже, на погребальную службу по Адриану. Но хитрая бестия предпочла испортить церемонию бракосочетания.

— Bravo!!! Вы это сделали! Что же, поздравляю!

Молодожены растерянно взглянули на странную девушку, медленно идущую по проходу. Она была облачена в траурную одежду, цвета вороново крыла. Священник покачал головой. Сейчас Михая и Констанцы не было рядом, а это означало, что с девчонкой ему придется разбираться в одиночку.

— Надеюсь вам известно? Если вы вдруг решитесь развестись, то вам это не удастся, — Кристи усмехнулась, она слышала недовольный шепот прихожан за своей спиной. Девочка обошла пару, оглядывая их с головы до ног. Невеста испуганно прижалась к жениху, с опаской поглядывая на незваную гостью.

— Покиньте, пожалуйста, церковь, — тихо попытался избавиться от девушки Виржилию. Но Кристи сделала вид, что не услышала его слов.

— Вы с легкостью вверяете свою судьбу в руки Господа? Неужели Вы так наивны и не осознаете простой истины: ему наплевать на Вас, на ваших будущих отпрысков! Вы думаете, будете жить долго и счастливо? Нет, не будете! Однажды вы узнаете, — Кристи обратилась к невесте, — что ваш муж вам бесстыдно изменяет или, что ваш ребенок неизлечимо болен, а вашего внука сбил автомобиль. Или же однажды, по милости Всевышнего, вы окажетесь на улице без друзей и средств существования!

Глаза невесты наполнились слезами, она с мольбой взглянула на супруга, затем на священника. Виржилию еле заметно кивнул. Он осторожно взял Кристи под руку и попытался отвести ее от алтаря. Преподобный, искренне надеялся, выпроводить девушку из часовни без скандала.

— Прошу прощения, сейчас мы вернемся к службе, — обратился он попутно к

прихожанам.

Кристи, одарив церковнослужителя презрительным взглядом, недовольно отдернула руку. Она отступила на несколько шагов назад и тяжело дыша, взглянула на окружающих, молчаливо взирающих на нее.

— Господь — лжец и тиран!!! Он вам обещает рай, а сам только и ждет, как бы вас окунуть в кипящий котел Преисподней! Его слуги, носящие духовный сан на земле, такие же обманщики и злодеи, как и Он! Лицемеры, предатели, прячущиеся за религиозными догмами! Не так ли, святой отец? — последняя фраза была адресована Виржилию.

Священник сделал глубокий вдох. Он не собирался идти у невоспитанной девчонки на поводу и становится пешкой в ее игре. Кристи была сейчас похожа на сумасшедшую, сбежавшую из специализированного заведения. Ее глаза горели гневом, розовый румянец проступал через толстый слой макияжа. Она жаждала ответной реакции, но Виржилию разочаровал ее.

— Прекратите устраивать цирк и покиньте церковь, — холодно произнес священник. Его лицо было спокойным, словно этот человек никогда не испытывал эмоции.

— Думаешь, я не знаю кто ты? Тебе не удастся скрыть от меня свою черную душу, — Кристи ткнула Виржилию пальцем в грудь. Это была еще одна слабая попытка вывести святошу из себя.

— Мы побеседуем с вами в любое другое время, но не здесь и не сейчас. Я расскажу вам о душе. А теперь, успокойтесь и удалитесь из часовни, чтобы я мог продолжить церемонию.

Кристи громко рассмеялась. Смех походил на демонический хохот. Прихожане испуганно перекрестились, один за другим. Никто из них даже не подумал помочь преподобному, выпроводить девушку. В тайне они получали удовольствие от происходящего. Новые сплетни для тихого городка, что может быть лучше!

Виржилию молча ждал, пока Кристи прекратит театрализованное представление. Вот только бестия разошлась не на шутку. Внезапно она схватила священника за плечи и, притянув к себе, зашептала на ухо:

— Засунь себе в зад свои проповеди! И не смей мне указывать, что мне делать и куда идти!

Девушка резко опустила преподобного так, что тот еле удержался на ногах. Ему все же удалось сохранить равновесие и не упасть на каменный пол на виду у всей паствы. Кристи брезгливо оглядела прихожан и, развернувшись, направилась к выходу. У самой двери, она неожиданно остановилась. Виржилию, тяжело вздохнув, покачал головой. Это был еще не финал. Кристи обернулась. Во взгляде промелькнуло ехидство и отвращение.

— Каждый в этом месте не без греха! Какой твой грех священник? Твоя слабость? Нарушение обета безбрачия? Страсть к молоденьким девочкам?

Ропот, словно ветер, пронесся по часовне. Люди с недоумением стали таращиться на святого отца, ожидая от него слов оправдания. Виржилию молча проглотил оскорбление, но Кристи заметила, как преподобный слегка побледнел. Ее последние слова попали в цель. Она поняла, что брат Анны был причастен к событиям той страшной ночи. Может быть он монстр, творящий бесчинства? А возможно, лишь безмолвный свидетель, хранящий страшную тайну. Кристи почувствовал, как ее начало трясти. Еще немного и она сорвется. Нужно было уходить. Девушка стремительно покинула часовню, с такой силой хлопнув дверью, что цветные витражи тихо зазвенели от вибрации.

Виржилию несколько секунд стоял в оцепенение. В его голове закружила карусель

безумных мыслей. Он почувствовал себя в ловушке: призрак Анны, преследующий его в кошмарах, возвращение Мирела, и ненормальная девчонка, несущая всякую чушь о нем в присутствие прихожан. Священник должен был остановить этот аттракцион, способный свести его с ума!

На кладбище было немногочисленно. У свежевскопанной могилы стояло всего несколько человек и священник. Беспробудное пьянство лишило Адриана друзей и родственников. Даже родители не пожелали приехать на похороны сына. Все расходы по погребению взял на себя Мирел. Его жест не вызвал подозрения у окружающих. Ни для кого не было секретом, что когда-то адвоката и заправского алкаша связывала крепкая дружба.

Виржилиу холодно смотрел на блондина в черном костюме и чувствовал нарастающий гнев. Преподобный не выносил клеветы и не мог прилюдно заявить, что в смерти местного пьянчуги виноват напыщенный фронт с идеальной голливудской улыбкой. Но внутренний демон шептал ему, что гибель бедолаги не была случайной, Мирел наверняка приложил к этому свою руку. Чтобы уличить проходимца в содеянном, святому отцу требовались веские доказательства, а не нелепые домыслы.

Тройка забулдыг, принявших на грудь изрядное количество спиртного, всхлипывая, стояли в сторонке. Мирел иронично улыбнулся Виржилиу и направился к ним. Он что-то прошептал пьяницам. Те моментально перестали выть, и недолго думая, направились вместе с адвокатом к воротам погоста.

Виржилиу почувствовал непреодолимое желание проследить за ними, но долг священника заставил его остаться у могилы. Он обязан был закончить обряд погребения.

Что общего могло быть у успешного юриста и трех алкоголиков? Напыщенный блондин не стал бы тратить свое драгоценное время на беседы с людьми, скатившимися на дно. Адриан — был хранителем тайны прокурорского сына! Виржилиу почувствовал, как его сердце учащенно забилось. Вот его шанс! Если он найдет улики против Мирела, ему не придется вечно хранить его секрет. Священник должен был узнать, что утаивал Адриан! И для этого ему нужно было опередить адвоката, который из-за всех сил стремился замести следы своих преступлений.

Кристи покинув часовню, долго бродила по окраине города. Она пыталась успокоиться. Мысль, что одним из тех мужчин, кто надругался над ней, мог быть Виржилиу, приводила ее в неистовую ярость, и в тоже время сковывала страхом. Ее слова? Разоблачили они его или оскорбили? Она должна была знать правду! Еще немного, и священник дойдет до грани, явив миру свое истинное лицо. А если Кристи окажется права, то она должна обезопасить себя. На этот раз монстр не оставит ее в живых!

Девочка почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она вздрогнула и испуганно оглянулась. На секунду ей показалось, что чудовище находится у нее за спиной, разинув свою зловонную пасть. Никого рядом не было. Улица была пустыня. Даже редкие прохожие попрятались по домам, уплетая с аппетитом вкусный ужин.

Кристи так задумалась, что не заметила, как пришла к двухэтажному многоквартирному старому дому. Здесь жили социально уязвимые семьи, и часто снимали каморку местные алкаши. Наверно, в одной из комнатушек когда-то уютился и бедолага, упавший с моста. В темное время суток этот квартал казался ей куда симпатичней. В доме напротив была квартирка Ливиу. После того, как доктор поговорил с Кристи, по просьбе Констанцы и

Михая, она с ним не виделась.

Девушка уверенно направилась к подъезду. Она не знала дома ли врач и захочет ли он говорить с ней, но попытаться встретиться с ним стоило.

Подойдя к двери, она почувствовала приторный запах роз. Кристи резко обернулась, в надежде отыскать источник ненавистного аромата. Двор был пуст, ни единой души. Только из окна одной из квартир раздавались пьяные голоса. Девушка почувствовала, как ее начало подташнивать. Она никогда не забудет этот запах. Так пах монстр, уничтоживший ее душу, искалечивший ее тело и разум.

Кристи согнулась и отбежала от подъезда, прикрыв рот. Она попыталась сдержать рвоту, но ей не удалось. Девушка лишь успела опереться рукой о стену дома, и желудок вывернуло наизнанку. Слизкая жидкость выплеснулась на сухую траву, которая когда-то была сочным зеленым газоном. Со стороны могло показаться, что Кристи одна из местных забулдыг, не знающих меру спиртному.

— С тобой все в порядке?

Кристи моментально вытерла рот рукой и выпрямилась. Перед ней стоял Ливиу, с обеспокоенным выражением лица. Навязчивый запах исчез, словно его и не было. Тошнота отступила, но во рту оставался неприятный кислый вкус.

— Ты опять ничего не ела? Да? Твой желудок скоро сам себя переварит! Идем ко мне. Я чем-нибудь тебя накормлю.

— Я в норме, — тяжело дыша, произнесла Кристи, — но не откажусь от стакана воды.

Ливиу, улыбнувшись, кивнул и открыл дверь подъезда, жестом приглашая девушку войти. Кристи молча прошла в дом, стараясь не встречаться взглядом с психиатром.

Констанца, Михай и Анна сидели на кухне. На столе стояла ароматная утка, запеченная в яблоках, хрустящий жареный картофель с золотистой корочкой и овощной салат. Ужин, так заботливо приготовленный хозяйкой дома, умопомрачительно пах, возбуждая аппетит.

— Кристи еще не вернулась с прогулки? Она рано вышла из дома и наверняка опять не сообщила, куда отправилась? — Михай, разрезал утку, пока супруга расставляла стаканы для сока и воды.

— Нет, не сказала. Надеюсь, эта девочка не отправилась в часовню, портить кровь нашему сыну.

Михай взглянул на часы. Было довольно поздно.

— Виржилию должен с минуты на минуту приехать. Вот он нам и расскажет, была ли Кристи в церкви или нет.

— Сегодня хоронили Адриана, — Констанца запнулась и посмотрела на Анну, которая пыталась вилкой поддеть лист салата.

— Кто такой Адриан?

Девочка оторвала взгляд от тарелки и внимательно взглянула на опекунов, которые вновь пытались что-то утаить.

— Одноклассник Виржилию. Три дня назад он упал с моста и умер. Он был пьян, — опередил супругу Михай.

— Ясно. Мои соболезнования его семье, — удовлетворенная ответом Анна, вновь занялась салатом, который намеревалась накрутить на вилку и съесть. Вдаваться в подробности Констанца и Михай явно не желали. Что же пусть и дальше играют в секретных агентов, Анна все равно докопается до истины.

Послышалось, как отворилась входная дверь. Кто-то вошел в прихожую и твердыми шагами направился на второй этаж. Михай прекратил разделявать утку и прислушался. Констанца и Анна переглянулись. Вновь зазвучали шаги. В дверях кухни показался Виржилиу, он явно был не в настроение.

— Добрый вечер.

— И тебе добрый вечер. Что-то случилось?

Михай выжидающе взглянул на сына. Констанца присела за стол. Она с первого взгляда поняла, что Виржилиу чем-то расстроен. Предчувствие ее не обмануло. Своенравная девчонка все-таки, что-то натворила!

— Ничего сверхъестественного не произошло. Где Кристи? Мне нужно с ней поговорить.

— Моя сестра вновь испортила вам литургию, святой отец?

Вопрос Анны был риторический. Она прекрасно понимала, что если Кристи пропала не весь день, то не упустит возможность позлить священника. Виржилиу попытался выдавить из себя улыбку, но это у него не особо вышло. Странная гримаса исказила его лицо, вызвав у родных еще больше беспокойства.

— Присядь, отужинай с нами и расскажи все по порядку, — Михай отодвинул стул, приглашая сына, присоединиться к ним.

— Спасибо, но я поем позже, когда найду Кристи. Извините меня, — с этими словами, Виржилиу вышел из кухни. Через минуту домочадцы услышали, как машина выехала со двора.

— Час от часу не легче. Что на этот раз натворила эта девчонка, — вздохнула Констанца, покачав головой.

— Кругом одни тайны и загадки, — иронично произнесла Анна и запихнула в рот кусочек картофеля.

Михай недоуменно взглянул на падчерицу, затем на жену. Констанца растеряно улыбнулась. В данной ситуации, молчание было самым верным ответом.

Кристи большими глотками пила воду, словно она несколько дней бродила по пустыни, умирая от жажды. Ливиу сделал ей два бутерброда с колбасой, аккуратно поставив тарелку на стул перед девушкой. Если бы он знал, что она придет, то приготовил бы ужин.

— Поешь. Ты с каждым днем таешь на глазах. Скоро мне придется тебя госпитализировать, чтобы ты не умерла от анорексии.

Кристи молча взяла бутерброд и жадно откусила.

— Я выпью с твоего позволения?

Девушка молча кивнула, тщательно пережевывая хлеб с колбасой. Ливиу открыл банку пива, которую держал в руках и сделал глоток. Он изучающе взглянул на Кристи стараясь понять, как в этом хрупком теле теплится душа, пропитанная, словно губка, гневом и ненавистью к окружающим. Существовала вероятность, что именно агрессия и внутренняя боль были той искрой, которая поддерживала жизнь в этой слабой тощей девчужке.

— Поговори со мной — тихо произнес доктор, словно вымаливая подаяние.

Кристи собрала пальцем с тарелки хлебные крошки и отправила в рот. Ливиу ждал. Она не может вечно копить ярость в себе. Однажды дикая стихия выплеснется наружу, подобно лаве из жерла вулкана. И когда извержение произойдет, гибель ждет всякого, кто встанет на пути раскаленного потока магмы.

— Поговори со мной, — повторил он снова.

Кристи подняла глаза. Ливиу заметил, за три дня, что он ее не видел, щеки девочки еще сильнее впали и круги под глазами стали темнее. Это своенравное существо не убьют алкоголь и наркотики, ее погубят — сигареты и голод.

— Что ты хочешь услышать? — наконец, она соизволила заговорить с ним.

Ливиу взял тонкие кисти девушки в свои теплые ладони. Она попыталась их вырвать, но он крепко сжал ее руки. Психиатр смотрел на Кристи с такой тоской и преданностью, что ей стало немного не по себе. Она чувствовала, что он ей не враг, вот только признать свою неправоту — не позволяла гордость.

— Я хочу знать все. Все что произошло с тобой. Обо всем, что происходит в этом безумном городке. Я чужак здесь, но не идиот. Я замечаю многие вещи, которые не дают мне покоя. В моей голове рождается миллион вопросов, на которые я не в силах отыскать ответ. Помоги мне разобраться в ситуации, чтобы я смог исцелить твою боль.

Ливиу заметил, как губы Кристи задрожали. Она отвела взгляд. Она была готова разрыдаться. Еще немного и возможно доктору удастся достучаться до нее. Он был хорошим мозгоправом, единственной преградой на его пути к доверию пациента — было время. Правда, иногда, даже времени было недостаточно, чтобы спасти человека от беды.

— Ладно. Ты прав. Одна я не справлюсь. Мне нужна помощь, — с трудом выдавила из себя Кристи.

Ливиу улыбнулся. Она не лгала. Он ощущал это. Доктор, друг, союзник — она нуждалась в нем. И он готов был стать для нее всем, лишь бы Кристи открылась ему и обрела душевный покой.

Кристи помнила. Она часто в мыслях разбирала по деталям тот день, пытаясь отыскать зацепки, понять причины произошедшего. Но как бы она не старалась, не могла вспомнить ничего важного, что привело бы ее к истине.

В тот вечер Мария была не в настроении. Она вернулась из часовни на взводе. Видимо отец Илия, вновь пытался вразумить женщину, что ее фанатичное рвение контролировать всех и вся, не приведет ни к чему путному.

Кристи знала, что ложь — это грех! Каждый раз, отправляясь к Феличии, она лгала матери. Каждый раз, возвращаясь домой, она молилась, прося у Всевышнего прощение за свой неподобающий поступок. Возможно, останься она в тот день дома, выдержав негодование Марии и получив всего лишь несколько синяков, то трагедии не произошло бы. Мать непременно бы выместила свою злость на старшей дочери, она всегда так поступала. Кристи предпочла отправиться к Феличии, сказав Марии, что обещала помочь однокласснице с уроками, что частично было правдой. Мать приказала ей вернуться в девять часов, ни минутой позже. Девочка поклялась, что придет вовремя. Она знала: не явись она к положенному сроку — наказание будет суровым.

Сентябрьский вечер был по-летнему теплым. Воздух был душным и предвещал ночную грозу. Тучи темным войском собрались на горизонте и медленно приближались к городу. Через несколько часов стихия обрушится на округу, затопив улицы, сорвав листву с раскидистых крон, накрыв леса и горы водной пеленой.

Кристи, в легком льняном платье до колен, шла по тропинке к реке с маленьким рюкзаком на плече: в нем было всего несколько конспектов. Она полной грудью вдыхала аромат первых опавших листьев, которые мелодично шуршали под ногами, и радовалась

маленькой свободе от давящих стен дома и деспотичного отношения Марии. Это были ее последние часы, когда она восторгалась ласковыми лучами солнца и чувствовала себя беззаботно счастливой.

Феличия встретила ее пьяной улыбкой и грустным взглядом, затуманенным алкоголем. В этот вечер, она впервые не проявляла своего знаменитого высокомерия, а наоборот была весьма дружелюбна и мила. Когда Кристи уходила, прокурорская дочка даже обняла ее на прощание, крепко прижав к себе, словно не хотела отпускать ее одну в эту сентябрьскую ночь.

Все могло сложиться иначе: если бы Кристи не ушла из дому, если бы она задержалась в гостях у Феличии, если бы она попросила Адриана провести ее. Столько “если”, которые могли спасти ее от трагических событий.

Девочка неторопливо шла по мосту. У нее в запасе еще было полчаса, чтобы вовремя добраться до дому. Осенние сумерки обволокли растущие вблизи деревья и кустарники, медленно погружая мир во тьму. Белая дымка покрыла поверхность реки, напрасно пытаясь превратиться в густой туман. Тяжелый наэлектризованный воздух, лип к коже. Внезапно, потемневшее небо, озарила вспышка молнии. Громкий раскат грома заставил Кристи испуганно вздрогнуть, она ускорила шаг. Порыв ветра донес до ее ноздрей запах мокрой земли и еле заметный аромат роз. Возможно, в городе уже шел дождь. Еще немного и он доберется до леса.

До конца моста оставалось всего несколько шагов, когда Кристи почувствовала, как земля уходит из-под ног. Запах роз стал насыщенней. В глазах потемнело. Последнее, что девочка помнила, перед тем как потерять сознание, кто-то подхватил ее, не позволив упасть на холодный камень.

Ливиу внимательно слушал Кристи, ни разу не прервав рассказ вопросом. Когда она остановилась, он молча поднялся с кресла и отправился на кухню за новым стаканом воды. Доктор видел, как она судорожно облизывает сухие губы. С каждым новым предложением, пальцы ее рук все чаще стали подрагивать. Ей было нелегко говорить о прошлом, но она должна была кому-то рассказать о случившемся, чтобы облегчить душу. Обрести поддержку.

Кристи жадно выпила воду, принесенную Ливиу. Он забрал стакан и снова его наполнил. Девочка не стала пить, но поставила воду рядом с собой. Она с благодарностью посмотрела на парня. Оказалось, что беседа с доктором действительно действует на нее исцеляюще. Слишком долго она хранила эту тайну в себе, боясь кому-нибудь открыться.

— Если ты хочешь, мы можем сделать перерыв. Ты можешь закончить свой рассказ позже, — голос Ливиу звучал мягко и успокаивающе.

— Который час?

— Почти девять вечера.

— Мне пора вернуться домой. Я могу с тобой увидеться завтра?

Ливиу, добродушно улыбнувшись, кивнул и погладил девушку по руке.

— В любое время.

Кристи встала с кресла, стряхнув хлебные крошки с черных брюк. Девушка хотела остаться и поведать психиатру всю историю, но если она припозднится, то наверняка столкнется с Виржилиу. А Кристи совершенно не хотелось беседовать со священником, которого она опозорила перед прихожанами.

— Я пойду.

Ливиу поднялся на ноги. Он мгновение молча смотрел на Кристи, словно решал, отпускать ее или нет.

— Позволь, я провожу тебя.

— Не стоит.

— Я настаиваю. Я хочу быть уверенным, что с тобой ничего дурного не случится. Может тебе плевать на себя, но я чертов эгоист, и желаю услышать конец твоей истории.

Кристи улыбнулась и молча кивнула. Доктор был серьезно настроен, спорить с ним сейчас было бесполезно.

Виржилиу несколько часов кружил на автомобиле по городу, в надежде отыскать Кристи. Девочки нигде не было. Он даже заглянул в больницу и в полицейский участок, но и там ее не оказалось. Кристи словно растворилась в воздухе. Никто ее не видел. Он старался не думать о том, что девчонка решила сбежать. Единственный транспорт, на котором она могла покинуть город в такое время суток — это попутная машина. Без паспорта ей бы не продали билет на автобус. Да и денег у нее не было. Последнее место, куда священник еще не удосужился заглянуть был старый район, где ютились бедняки и местные пропойцы. Виржилиу отправился туда, моля Господа, чтобы он уберег Кристи от неприятностей. Он был готов простить все выходки, лишь бы девочка была цела и невредима.

Решение было верным. Через несколько минут он нашел ее. Кристи выходила из подъезда обшарпанного дома вместе с каким-то мужчиной. Он не был похож на негодяя, жаждущего воспользоваться девичьей наивностью, но то, что он был одного возраста с Виржилиу, настораживало.

Священник резко припарковался у бордюра, где остановилась парочка, и выскочил из автомобиля. Подскочив к незнакомцу, он грубо оттолкнул его от Кристи. Доктор не ожидал нападения, оступился и осел на землю.

— Вот черт! — с негодованием воскликнула девочка, — Какого лешего ты творишь?

— Быстро садись в машину, — процедил сквозь зубы священник, указав Кристи на пикап.

— Святой отец, что происходит?

Ливиу поднялся на ноги, отряхиваясь, и с негодованием глядя на преподобного. Агрессия не соответствовала его сутане и религиозным взглядам.

— Ты мне не отец и не мать, чтобы указывать мне, что делать!

Кристи презрительно плюнула в сторону Виржилиу, но промахнулась. Многозначительно улыбнувшись доктору, зная, что священник наблюдает за ней, она повернулась спиной к Виржилиу и моментально скрылась во тьме подворотни.

— Кристи, подожди, — попытался остановить ее Ливиу, но Виржилиу схватил его за ворот рубахи и прижал к стене.

— Оставь ее в покое. Иначе я позвоню в полицию, а там тебе наглядно объяснят, какая светит тебе статья за совращение малолетних!

Ливиу грубо оттолкнул священника и поправил рубашку. В его взоре вспыхнули искры гнева.

— Вы пьяны, святой отец? Что за чушь вы несете?

— Эту чушь ты будешь объяснять служителям закона, если я еще раз увижу тебя рядом с ней, — в голосе Виржилиу слышалась угроза. Священник явно был не в себе.

Психиатр дико расхохотался. Священнослужитель недоуменно взглянул на него.

— Боюсь, вы не раз еще увидите нас вместе. Знаете почему? Потому что она — моя пациентка, а ее доктор.

— Интересно, от чего ты ее лечишь? — в голосе Виржилию прозвучала ирония.

Ливиу прекратил смеяться. Откашлялся. Его лицо стало серьезным. Психиатру было известно, что священник сын Констанцы и Михая. Да только Виржилию не знал, кто такой Ливиу. Доктор понимал, что его слова вызывают сомнения. Парень, живущий в таком месте, где обитают лишь отбросы общества, вряд ли может быть врачом. Священник и подумать не мог, что психиатр намеренно переехал сюда. Кто-то должен заботиться о бедолагах, обиженных судьбой. Ливиу специально поселился здесь, а не в уютной квартире, чтобы помогать и поддерживать морально людей, потерявших надежду в лучшее существование.

— Спросите у ваших родителей, святой отец. Они вам все подробно расскажут. И я бы посоветовал вам догнать Кристи. Я бы не хотел, чтобы из-за вашего предвзятого мнения обо мне, пострадала несовершеннолетняя девушка, оказавшаяся одна, ночью, в неблагополучном районе.

Ливиу, с жалостью и разочарованием, взглянул на священника и направился к подъезду. На пороге он обернулся и настойчиво произнес:

— Не стойте как истукан, святой отец! Догоните ее!

Виржилию, словно очнулся от сна, когда хлопнула дверь подъезда, спрятав за собой силуэт Ливиу. Он медленно подошел к пикапу и машинально сел в него. Монстр внутри священника заливался победоносным хохотом. Твари удалось пробить броню! Преподобный вышел из себя и дал волю эмоциям.

Виржилию закрыл глаза, пытаясь прояснить мысли и унять демоническую пляску в душе. Начало смеркаться. Он должен был отыскать Кристи до темноты. В городе и окрестностях, было небезопасно в темное время суток. Зло могло таиться за каждым углом, за каждым стволом дерева, за каждым камнем.

Кристи торопливо шла вдоль проезжей части пустынного шоссе. Она нервно курила, выпуская дым через ноздри. Ее всю трясло. Священник раздражал ее и, в то же время, вызывал опасение. А вдруг, он действительно один из них? Да, сейчас она не была пятнадцатилетним подростком, не умеющим за себя постоять! Но, окажись Кристи вновь в логове монстра, смогла бы она выбраться из ловушки и избежать пыток?

Девушка остановилась, услышав шум мотора позади себя. Она не решалась оглянуться. Автомобиль остановился прямо подле нее. Из машины вышел священник и приблизился к Кристи. Она презрительно взглянула на него, пустив в лицо струю сигаретного дыма. Он не закрыл глаза, не поморщился, лишь тихо произнес:

— Сядь, пожалуйста, в машину. Я отвезу тебя домой.

Кристи насмешливо улыбнулась.

— Отвали от меня, — прошептала она, и попыталась обойти священника. Но он не позволил ей уйти, схватив за руку.

— Пожалуйста, сядь в машину, — его тон был спокойным, и в то же время, предупреждающим.

Кристи резко развернулась к нему, пытаясь высвободить руку. Она была в ярости. Как этот святоша посмел прикоснуться к ней и указывать, что делать.

— А если я не хочу?

Виржилию учащенно задыхался. Он чувствовал, как демон подстрекает его, царапает

острыми когтями его душу, соблазняя поддаться искушению. Сегодня тварь одержала одну победу, так почему не рискнуть еще раз, и разжечь костер, в котором эмоции будут пылать сухим хворостом.

— Если, ты не сядешь добровольно в автомобиль, мне придется насильно засунуть тебя в него. Поверь, я не хочу этого делать.

Кристи сжала руку в кулак. Ее лицо стало каменным, но глаза продолжали гореть ненавистью. Священнику казалось, что еще немного, и она испепелит его своим взглядом.

— Ты не сделаешь этого, святой отец! А если попытаешься, я расцарапаю тебе лицо, — Кристи провела пальцами свободной руки по щеке Виржилию. Он схватил ее за запястье и сжал так сильно, что девочка от неожиданности вскрикнула.

— За что ты меня так ненавидишь? Почему ты преследуешь меня и портишь мою жизнь? Что я тебе сделал? — пытаюсь унять дрожь в голосе, прошептал он, глядя в ее глаза, объятые пламенем ненависти.

— Ты знаешь за что, — сглотнув слюну, произнесла Кристи, чувствуя, что ей так просто не удастся вырваться из железных оков, сжимающих ее руки. Внезапно Виржилию отпустил ее и грустно улыбнувшись, покачал головой.

— Ты меня ненавидишь за это? — он вытащил колоратку из ворота сутаны и кинул на крышу автомобиля, она, мертвым полумесяцем, звякнула о металл.

— Или за это?

Священник указательными пальцами ткнул себя в грудь, подразумевая свое облачение. Он подошел вплотную к девочке, смотря на нее сверху вниз.

— А может, ты меня ненавидишь за то, что я существую?

Кристи молча взглянула на Виржилию. В этот момент, ей даже стало жаль священника. Она почувствовала, что страх отступает. Ее душа ликовала. Кристи удалось одержать маленькую победу: над преподобным, над Господом, над своими страхами!

— Вот он, ваш истинный облик, святой отец! Куда подевалась ваша сдержанность, холодный тон, ваша безукоризненная святость?

Виржилию потер щеку рукой, чувствуя, как его бросает в жар. Он покачал головой.

— По-твоему, если я священнослужитель, то не человек? Ты думаешь, у меня нет чувств? Я не знаю стыда, не ощущаю боли? Тебе кажется, я робот, безвольно следующий указам Господа?

— О, нет! Я так не думаю, — иронично заметила Кристи. — Я думаю, что ты чудовище, получающие невероятное удовлетворение от своих мерзких деяний, — прошипела она, и ее глаза заблестели.

Виржилию вновь закивал головой, нервно покусывая нижнюю губу.

— Конечно. Ты же обвинила меня в храме божьем в мерзопакостных вещах. Ты готова пойти на ложь и клевету, лишь бы унижить меня, растоптать! — он схватил девушку за плечи и встряхнул. — По-твоему, это забавно? По-твоему это правильно, унижать человека в глазах окружающих?

Кристи истерично захохотала, чувствуя, как по щеке скатилась горячая слеза. Священник продолжал держать ее за плечи, выжидая, когда она успокоится. Девочка резко прекратила смеяться.

— Тебе лучше знать, святой отец! Помнишь Анну, твою сестру? Я уверена, ее гибель на твоей совести! А теперь вспомни меня, ее подругу, маленькую девочку...

Священник побледнел и отпустил девушку. Он ощутил, как монстр внутри него,

разрезает душу на мелкие лоскутки, пропитывая их гневом. Чудовище готово было пуститься в пляс, ему удалось спустить с цепи ярость.

— Кристи, не говори о том, чего не знаешь! Не надо...

Девушка внезапно поняла, что она ошибалась. Нет, он не трогал ее. Он не причинял боль Анне, но он знал того, кто повинен в их несчастьях. Он был связующим звеном между злодеяниями и злодеями. Священник являлся хранителем чужого секрета!

— Тебе обо всем известно, — ошеломленно прошептала она, — Ты знаешь, что произошло с Анной? Со мной? Ты знаешь их имена!

Кристи со всей силы толкнула Виржилию. Он, опешив, отступил назад, ударившись спиной об автомобиль.

— Ты расскажешь мне все, святой отец! Иначе, клянусь, я уничтожу твою безупречную репутацию! Я превращу твою жизнь в ад, которого ты так боишься, — она вновь ткнула Виржилию кулаками в грудь, словно хотела его припечатать к машине. Он ловко схватил ее за руки, но на этот раз не пытался причинить ей боль.

— Мне жаль. Ты можешь пытать меня, ненавидеть, каждый день подвергать меня позору, но я не скажу тебе того, что ты так жаждешь услышать. Я человек или чудовище, коим ты меня считаешь, но в первую очередь — я священник! Я не стану нарушать тайну исповеди. Если ты думаешь, что я сплю спокойно по ночам, зная истину — ты ошибаешься! Мое сердце обливается кровью и болит душа. Кошмары преследуют меня постоянно. Но самое страшное, что зная правду, я ничего не могу сделать. Я не могу остановить монстров, я не могу предупредить жертв! Я бессилен.

Кристи смотрела на священника глазами полными слез. Ей хотелось закричать от отчаяния. Она была так близка и в тоже время так далека от цели. Преподобный все знал и не пошевелил пальцем, чтобы остановить преступника! Его убеждения, его преданность церковным законам, обязывали держать тайну в секрете и безвольно созерцать, как бесовская тварь безнаказанно совершает омерзительные дела.

— Ты трус, Виржилию Ливиану, — прошептала Кристи. Он молча отпустил ее руки. Девушка поджала губы, стараясь не разреветься, открыла дверь автомобиля и села на заднее сидение.

Виржилию вытер руками лицо. Кристи была частично права, а это значит, что демон вновь одержал победу. Внезапно, священника озарило. Он, нахмутив брови, взглянул на Кристи, потом задумчиво перевел взгляд в сторону реки, где темным призраком, среди деревьев, окутанных сумерками, возвышался каменный мост. Что она сказала ранее? Анна и она стали жертвами монстра? Про сестру он знал давно.

О, Боже! Он был слепцом! Ему следовало догадаться об этом раньше! Ненависть Кристи к Богу была связана не только с фанатизмом Марии, которая растила ее в ежовых рукавицах! Кристи была одной тех, чьих имен он не знал! Одной из тех, кто удостоился внимания безумного извращенца!

Глава 2

Насыщенный аромат роз смешивался с ночными запахами. Эфирное масло капало с его ладоней на мраморные плиты террасы, медленно расплываясь по поверхности. Он поставил флакон с густой жидкостью на деревянный стол и потер руки, тщательно втирая масло в кожу. Мирел любил этот аромат, он напоминал ему о невинности. Розы, как девочки, которые цветут и пахнут, пока бутон не сорвешь с куста. А если сдавить и размять его, аромат становится насыщенным, но, увы, недолгим.

Адвокат убрал излишки масла с кожи сухой салфеткой. Затем он взял смартфон, лежащий на столе и начал листать фотографии в галерее. Неделя выдалась удачной: ему удалось избавиться от пьянчуги; отыскать кассеты в его хибаре, благодаря его приятелям, готовым продать душу за бутылку; сделать любопытные кадры со священником и девчонкой. Кристи изменилась, но не так как он рассчитывал. Она не стала пациентом психиатрической клиники, как его сестра Феличия, не сбросилась с моста, как бедняжка Анна, не спилась и не пристрастилась к наркотикам, как все его остальные жертвы. Каким-то удивительным образом ей удалось сохранить здравый рассудок, после всего того, что он с ней сотворил. Чудесные воспоминания... В тот раз он повеселился на славу!

Он помнил ее крики боли вперемешку со слезами. Он чувствовал запах ее нежной плоти, на которой оставались следы его пыток. Он ощущал вкус ее страха и отчаяния, когда ломал ее душу и тело. Адвокат помнил, когда девчонка потеряла сознание, больше не в силах терпеть муки. Она была похожа на старую растерзанную тряпичную куклу. Адриан завернул ее в куски ткани, что остались от платья и выкинул в лесу. Сломанным вещам — место на помойке!

Мирел облизал пересохшие губы. Он так надеялся, что она истечет кровью и подойдет во время грозы. Но она выжила и, каким-то чудом, добралась до дому. А потом исчезла, вместе со своей паршивой, богобоязненной семейкой. Адвокат перелистнул снимок, внимательно вглядываясь в лицо девушки. Как ей удалось сохранить жизнь и разум? Ей больше всех досталось!

Блондин кинул телефон на стол. Его не прельщала игра, которая проходила не по его правилам. Ему нравилось ощущать себя кукловодом, который манипулирует марионетками! Виржилиу был в его власти, а теперь адвокат обладал весьма интересными снимками, предназначенными для очей епископа. Если грамотно составить донос, то священника могут отстранить от дел на время выяснения обстоятельств. Мирел был отличным юристом и знал, как заставить людей поверить в то, чего нет. Он уничтожит Виржилиу, этого праведника! Раздавит, как назойливую букашку!

А что делать с девчонкой? Она не давала блондину покоя. Он почувствовал, как горячая волна возбуждения прокатилась по его телу. Он должен ее вновь сломать, во что бы то ни стало! Он вынужден ее снова провести по девяти кругам ада!

Адвокат ощутил, как похоть шальным безумством, обретает над ним власть! Он приторно улыбнулся, предвкушая, что на этот раз он сделает с непокорной девчонкой.

Солнце лениво вставало над горизонтом, окрашивая небосвод в нежные розовые тона. Где-то в саду, прячась в кроне орехового дерева, заливался соловей, нарушая рассветную тишину. Ветер чванливо шелестел листвой, разнося по окрестностям утреннюю свежесть.

Кристи, обняв подушку, лежала на постели, уставившись в распахнутое окно, через которое проникала прохлада и еле заметный запах роз. Она давно проснулась, когда ночь только начала отступать под натиском солнечного света. В ее голове мысли сплелись в огромный ком и копошились словно змеи, не давая покоя.

Сегодня был тот день, когда она могла изменить свою жизнь. Накинуть рюкзак на плечо и отправиться, куда глаза глядят. У нее появилась возможность сбежать от прошлого, забыть о всех несчастьях, произошедших в этом месте, и начать все с чистого листа!

Кристи крепче обняла подушку, пытаясь спрятать в нее лицо. Сегодня ей исполнилось восемнадцать. Она совершеннолетняя!!! И может покинуть этот дом, пока еще не поздно, пока не наступил сентябрь!

Но она осознавала, что не сделает этого. На то были две причины: она обязана отыскать дневник Анны, чтобы подтвердить свои догадки и узнать, что скрывает священник. Если с первой задачей было легко справиться, стоило лишь заполучить ключ от комнаты, то вариант с Виржилиу был куда сложнее, и потребуются приложить немало усилий.

Кристи негодуяще ударила по постели рукой. Из ее горла вылетел крик отчаяния, но к счастью, подушка заглушила громкие звуки, и неистовый вопль не разбудил домочадцев.

Девушка приподнялась с постели, убрав налипшие пряди с лица. Она обхватила голову руками, зарыв тонкие пальцы в волосы, и медленно покачиваясь взад-вперед, стала думать. Ей нужен был план. Она должна тщательно поразмыслить, как проникнуть в спальню к Анне, не вызвав подозрение. А священник? Для начала, нужно унять свое рвение навредить ему. Если она заслужит его доверие, то возможно Виржилиу потеряет бдительность, и Кристи удастся найти слабое место. И тогда, она вытянет из него нужную информацию.

Девушка перестала покачиваться, и убрав руки с головы, сложила их на груди крест-накрест. На ее лице сияла довольная улыбка. Единственное полезное качество, которое Кристи удалось получить от Марии — это хорошая актерская игра. Она научилась скрывать боль и страх, прячась за непробиваемым панцирем. Теперь, она должна вспомнить, каково быть милой и добродушной. Резкая смена поведения может вызвать у всех подозрение, девушка должна действовать осторожно, шаг за шагом, превращаясь в Кристи, которой она была почти три года назад.

Священник вышел рано из дому. Он старался уйти незаметно, чтобы избежать встречи с родителями, которые потребуют объяснения вчерашнего поведения. Но больше всего он боялся встретиться с Кристи. Виржилиу догадывался, что девчонка теперь от него не отстанет! И будет донимать вопросами, пока не добьется своего. Вчера преподобный оступился, выдав себя, и его ошибка открыла ему глаза. Сейчас ему известны причины неадекватного поведения Кристи, и это знание причиняло ему еще больше боли.

Виржилиу вспомнил тот день, словно это было вчера. Он вернулся в город, спустя три года после смерти сестры. Его только возвели в сан священника и определили в один из приходов многолюдного мегаполиса.

Преподобный не знал, откуда Мирел проведал про его местонахождение, но мерзавец явился на исповедь и поделился своими грязными секретами!

В тот момент Виржилиу был на грани безумия. Он с трудом сдержался, чтобы не выскочить из конфессионала и не придушить негодяя, от ошибки спас Господь! Его сила помогла священнику сдержать эмоции и не совершить грехопадение, приняв ужасающую правду с опущенной головой. Трусость или благоразумие? Он мог наплевать на законы

божьи и людские и совершить возмездие! Но стало бы легче? Вряд ли. Священник попытался обойти каноны, попытался остановить злодея. Но тщетно!

Истина заставила Виржилию вернуться в этот город, чтобы лицом к лицу встретиться с подлецом! Его визит стал неожиданностью для родителей, для него самого, но не для прокурорского сына.

Мирел видел, как священник обивает порог особняка и насмеялся над ним, зная, что вскоре Виржилию предстоит вернуться обратно ни с чем. Паства не может долго обходиться без пастыря.

Тот сентябрьский день запомнился ему навсегда. Тогда он решился позвонить анонимно в полицию. Тогда внутренний демон заставил его вступить в драку с негодяем и его пособником. В тот день он видел Ее, идущую по лесной тропинке, устланной желтым ковром осенних листьев.

Виржилию возвращался домой, после очередного провала поговорить с адвокатом. Кристи прошла мимо преподобного, поздоровавшись. Он ей кивнул в знак приветствия. Она его не узнала. Но священник помнил подругу Анны, которая немного повзрослела, но осталась той же жизнерадостной благочестивой девочкой. Она, в легком льняном платице, с небольшим рюкзачком на плече, направлялась к дому у реки. Разум Виржилию затмило негодование к Мирелу, и он не предал значение мимолетной встрече в лесу.

Позже, собирая чемоданы, он услышал, как началась гроза. Скверное предчувствие стало терзать его душу. Он осознал, что должен немедленно вернуться в прокурорскую усадьбу и испытать удачу снова, а возможно предотвратить преступление.

Если бы Виржилию тогда устоял, а не сбежал, как побитая собака, он бы спас Кристи! Он должен был драться до последней капли крови, прорваться в этот проклятый особняк, зная, что творится в его стенах! Но нет, он предпочел сдаться и лишь сделать анонимный звонок в полицию, прекрасно понимая, что никто ему не поверит! А если стражи закона явятся в дом у реки, то ничего не найдут, и прокурорский сынок опять победит.

Виржилию зашел в пустую часовню и бессильно опустился на скамью, подняв глаза к огромному распятыю. Он смотрел на лик Христа, чувствуя себя полным ничтожеством. Он тот — кому суждено нести свет, прятал за своей спиной тьму. Священник покровительствовал демону, оправдывая свое слабование и малодушие религиозными догмами. Господь придавал ему сил лишь на борьбу с внутренним монстром, но не с чудовищами, блуждающими по земле!

Ливиу не спал почти всю ночь. В его голове созревали все новые и новые версии. Психиатр рисовал образ преступника, анализировал его поведение, выявлял причины его мерзких поступков. Он с нетерпением ждал утра, чтобы отправиться в больницу и поднять архивы. Только там он мог найти ответы, зацепки, крупинцы истины.

История Кристи не давала ему покоя. Ливиу знал финал, о нем рассказала медицинская карта девушки. И тем не менее, он должен был собрать все детали в одну цельную мозаику.

Доктор всегда был чересчур любознательным. Он обожал копаться в психологии людей, приоткрывая ящики Пандоры. Выбери он другой путь, то предпочел бы служить в полиции и раскрывать самые запутанные преступления. Загадки манили его, как сладкий нектар привлекает пчел.

Полуподвальное помещение, с маленькими окнами, пахло сыростью. Здесь хранились медицинские записи, а также дубликаты карточек всех горожан. Порой, персонал госпиталя,

трагил уйму времени, чтобы отыскать нужный документ, так как в архиве царил полнейший хаос.

Преыдуший коллега не отличался аккуратностью и внимательностью. Казалось, он ходил на работу, как на каторгу. Его безразличие к пациентам проявлялось в каждом слове, написанном корявым почерком. Старик вздохнул с облегчением, когда вышел на пенсию и уехал из этих мест, поближе к морю. Несмотря на его халатное отношение, все же, старый доктор оставил после себя несколько полезных вещей — точные диагнозы.

Ливиу сидел на деревянном стуле перед столом, заваленным кучей папок. Он перебирал их, некоторые откладывая в сторону. Чтобы разобраться в этой макулатуре, ему понадобится не один день. С каждым новым делом, он сильнее хмурился, и его лицо обретало серьезное выражение.

За десять последних лет в городе произошло множество подозрительных событий, связанных с девочками-подростками. Он нашел лишь одну карту, где были описаны травмы схожие со случаем Кристи, отсутствовали лишь порезы на руках. В остальных же папках, он отметил всплеск депрессии, полоумия, алкогольную зависимость. Все эти диагнозы были выявлены у девочек четырнадцати — пятнадцати лет.

Психиатр потер лоб рукой и снял очки, которые надел для чтения. Он не был уверен в своих догадках — это были всего лишь медицинские записи, а не полицейские отчеты, но что-то здесь было не так. Он снова нацепил очки и перелистал карту девочки, которая привлекла его внимание. Ей должно было быть сейчас лет двадцать. Наверняка она бы смогла ему что-то рассказать. К несчастью, она не приезжала в этот город последние несколько лет.

Ливиу вздохнул и отложил папку. Он потер висок и взглянул на часы, стрелки показывали полдесятого. Кристи обещала сегодня встретиться с ним, но не сказала во сколько. Если она придет вечером, то возможно он успеет кое-кого расспросить о случившемся. Доктор не был уверен, что сможет выудить полезную информацию из алкоголички, живущей в его районе. Но попытаться стоило. Она была одной из первых, у которой съехала крыша. Существовал маленький шанс пролить свет на происходящие события. Если его подозрения окажутся верными, то психиатру понадобится непосредственная помощь полиции. Он надеялся то, что ему удалось собрать из кусочков в огромный пазл, окажется совпадением. Но если это не так, то это значит, в городе много лет орудует безжалостный насильник.

Ливиу должен был остановить его! И не только потому, что этого требовали его моральные принципы. Была еще одна причина — Кристи! Девушка, которой он хотел помочь. Девушка, которая нуждалась в его заботе! Девушка, которая была ему безразлична...

Анна слышала, как рано ушел священник. Она обратила внимание на странный шум в комнате сестры, это означало, что Кристи уже проснулась.

Анна помнила, какой сегодня день. Она еще с вечера попросила Констанцу приготовить торт. Девочка не была уверена, что сестра будет праздновать свое совершеннолетие, но поздравить Кристи стоило. Хотя бы попытаться, даже если она захлопнет перед ней дверь и пошлет к черту на кулички.

Где-то в глубине души, Анна оправдывала поведение Кристи, ведь в отличие от нее, Мария постоянно третировала старшую дочь. Только последние три года сестра бунтовала,

но до этого, как бы она не старалась, мать всегда находила повод поколотить ее или морально наказать. Анна любила родителей, несмотря на то, что временами они отходили от канонов Библии и вели себя неподобающе в отношении Кристи. Порой девочке хотелось заступиться за бедняжку, но ей было проще найти оправдание для Марии, чем пойти против ее воли.

Сегодня был последний шанс заключить перемирие с сестрой. Она понимала, что позже такой возможности не будет. Кристи сбежит, при удобном случае. И тогда Анне, никогда не удастся возвести мост между ними. Связь оборвется на долгие годы, а может и навечно!

Девочка поднялась с постели и начала торопливо одеваться. Она должна организовать праздник. Вероятнее всего, он выльется в очередное цирковое шоу со скандалом. Ну что ж, значит так угодно Господу! Анна намеревалась испытать удачу, возможно последний раз.

В маленьком офисе во всю мощь работал кондиционер, но все равно было душно. Летняя жара добротной прогрела толстые стены здания. Зной пытался проникнуть не только через кирпичную кладку, он стремился просочиться сквозь любую щель, сквозь самую узкую трещину.

Михай сидел за столом и с безразличием щелкал мышью, задумчиво уставившись в монитор компьютера. Духота стала причиной испарины на лбу. Мужчина периодически вытирал пот сухими салфетками, лежащими рядом с клавиатурой, но через несколько минут он появлялся вновь, заставляя лосниться кожу.

Михай должен был сегодня проверить годовой отчет, но его мысли были далеки от дел фирмы. Утром звонила Лаура. Она уведомила его, что он и Констанца должны приехать, дабы закончить все процедуры с документами, касающимися девочек. Михай отчетливо понимал, что затягивать с этим нельзя: Кристи уже взрослая и вскоре ей самой придется погрязнуть в болоте бюрократии. Он был готов отправиться в поездку даже завтра. Вот только его заботил один небольшой нюанс, с кем оставить детей?

Михай не сомневался, что Кристи изведет Виржилию за несколько дней, а малышка Анна вряд ли встанет между двух огней. С другой стороны, сын должен когда-нибудь набраться мужества и решить эту проблему, не вечно же родителям вставать стеной между ним и Кристи. Да, девчонка еще тот дьяволенок! Дай ей волю, она выведет из себя кого угодно! Того и гляди подожжет часовню со всеми прихожанами! Вот только с сегодняшнего дня опекуны для нее не указ. Она может с легкостью их послать куда-нибудь подальше.

Михай еле заметно улыбнулся. Да, Мария в своем репертуаре, даже после смерти ей удалось лишить семью Ливиану покоя. Как только супруга терпела все эти годы ее безумный характер?

Михай прекратил щелкать мышью, осознав, что не удастся в данный момент сконцентрироваться. Ему надо было хорошенько подумать о том, как он сообщит жене о предстоящей поездке. Констанца может впасть в панику, узнав, что придется оставить девочек на несколько дней одних.

В доме было на удивление тихо, хотя пробил двенадцатый час дня. Казалось, что все либо еще не проснулись, либо сбежали из дому с первыми лучами солнца.

Констанца обильно смазывала свежее испеченные бисквитные коржи сливочным кремом. Она намеревалась приготовить угощение, даже если бы Анна не попросила ее об этом, даже если Кристи не спустится вниз. Боже, чем это девочка все время питалась? Святым духом?

За все дни она лишь съела несколько пончиков, которые смогла ей всучить Анна. Констанца искренне переживала за Кристи, девчушка таяла на глазах, но насильно ее кормить было бы неразумно. Женщина закончила обмазывать торт кремом и принялась украшать его нарезанными фруктами.

В кухню тихо вошла Анна. Констанца улыбнулась ей, продолжая заниматься десертом.

— Доброе утро, милая. Кажется, мы вдвоем с тобой остались дома. Впрочем, как всегда.

— Доброе утро. Какая красота!!! — Анна восхищенно всплеснула руками и подошла к столу, чтобы лучше рассмотреть кулинарный шедевр, — Кристи пока еще дома. Я слышала ее. Она у себя в спальне. Надеюсь, что не собирает чемодан.

Констанца прекратила украшать торт и серьезно взглянула на девочку.

— Сегодня праздник и мы не будем забивать себе голову дурными мыслями. Может быть, случится чудо, и твоя сестра хоть немного похорошеет и никуда не сбежит.

— Сомневаюсь, — вздохнула Анна.

— Выше нос, милая! Ты думаешь, Господь не слышит твои молитвы? Я верю, он обязательно что-нибудь придумает, дабы порадовать тебя! Например, смягчит нрав твоей сестры, и она поймет, что мы ее любим и не желаем ей зла.

Анна улыбнулась. Она не хотела расстраивать Констанцу и с трудом верила, что сестра изменится за одну ночь. Вот только девочку ждал маленький сюрприз!

Особняк величественно стоял на берегу, окруженный густым слегка заросшим садом. Терраса с деревянной беседкой находилась почти у самой кромки воды. От реки ее отделяла тонкая полоса серой гальки, да невысокая осока, в которой гнездилась болотная курочка. Дом не выглядел заброшенным, но производил впечатление, что хозяева приезжают сюда достаточно редко. Здесь витал аромат одиночества. Место было живописным, далеко от города, в самом сердце леса. Роскошная усадьба, принадлежала прокурору, который использовал ее лишь в теплое время года.

Ливиу стоял на противоположном берегу и внимательно осматривал дом. Среди густых ветвей кустарника крушины его не могли заметить владельцы особняка. Он не беспокоился, что кто-то обнаружит его присутствие. Парень ошибался!

Мирел осторожно наблюдал за ним. Подозрительный незнакомец уже несколько минут внимательно осматривал все вокруг. Адвокат изначально подумал, что возможно, это таинственный покупатель, который хочет разузнать все детали до того, как явиться с предложением к нему, но... Что-то вызывало недоверие в чужаке. Первая причина — он был не местный. Вторая — его одежда была слишком простой для состоятельного человека, решившего приобрести загородный дом в горах.

В лесу было тихо и пустынно. Кроме двух мужчин, тут только птицы и мелкие животные сновали среди ветвей раскидистого бука, статных елей и зарослей можжевельника, да волчьей ягоды.

— Любуетесь домом?

Ливиу медленно повернул голову, изучающе осмотрев с головы до ног высокого блондина, облаченного в бежевый костюм. Казалось, красавец сошел с обложки глянцевого журнала. Его белоснежная улыбка добавляла ему сходство с моделью подиума.

— Он выглядит великолепно, — согласился доктор, после небольшой паузы.

— Пять спален, четыре ванные комнаты, кабинет, огромная кухня и не менее просторная столовая и гостиная. Гараж на две машины, терраса, великолепный сад и

естественно, чарующий вид из окна, — произнес гордо Мирел.

— Вы видимо тоже интересуетесь особняком, раз вам известны все нюансы?

Адвокат улыбнулся еще шире и протянул руку доктору.

— Мирел, владеец этого чудесного места, выставленного на продажу.

Врач улыбнулся ему в ответ и пожал руку.

— Приятно познакомится. Меня зовут Ливиу, я новый психиатр местной больницы.

Адвокат почувствовал, как внутри него похолодело, но ему удалось сохранить непроницаемое выражение лица, только в холодных голубых глазах промелькнуло беспокойство. Скверное предчувствие еще сильнее стало терзать блондина. Ему совершенно не нравился этот любопытный тип. Как он устал собирать об этих ничтожных людишках детальную информацию, выискивать грязный компромат, коллекционировать материалы для шантажа.

— Вы правы, дом выглядит чудесно. Не знаю, как вы догадались, но я действительно подумываю приобрести недвижимость неподалеку от города. Мои нынешние съемные апартаменты протянут лишь до первого землетрясения.

Ливиу беззаботно рассмеялся. Мерел поддержал его, но оправдание молодого врача, все равно не рассеяло сомнение. Адвокат не успокоится, пока не узнает всю подноготную этого, не внушающего доверия докторишки.

Ливиу взглянул на ручные часы и покачал головой.

— К сожалению, обеденный перерыв подходит к концу и мне пора вернуться в госпиталь. Я как-нибудь загляну к вам. Если вы не против? Мы обсудим цену.

— С огромным удовольствием, — произнес Мирел, — Я уверен, интерьер вам придется по вкусу. Еще никто не был разочарован.

Психиатр кивнул, торопливо пожал руку владельцу особняка и направился прочь из леса по тропинке, ведущей к автомагистрали. Блондин долго смотрел ему вслед, и с каждой секундой улыбка на его лице таяла, превращаясь в хищный оскал.

— Мозгоправ. Интересно... Что ты здесь искал? Надеюсь не пациента.

В дверь тихо постучали. Кристи знала — это Анна. Сестра не оставляла попыток сблизится с ней. В любой другой день девушка бы выпроводила сестрицу, нагрубив вслед, но не сегодня. Она нуждалась в ней, а точнее намеревалась использовать Анну в своих целях.

Кристи открыла дверь и с невозмутимым видом взглянула на сестру.

— Чего тебе, малявка?

— С днем рождения, — выпалила Анна, опасаясь, что Кристи захлопнет дверь перед ее носом.

— Ладно. Еще что-то?

Анна поняла, что высшие силы услышали ее, и она не намерена упускать шанс.

— Констанца приготовила торт. Может, ты съешь кусочек?

Кристи выдержала паузу, нельзя было сразу идти на уступки, иначе ее резкая смена поведения может вызвать подозрение.

— Я не голодна.

— Один кусок. Она так старалась, — в голосе Анны послышалась мольба.

— Тебе не надоело каждый раз, так унижаться? Я пытаюсь отгородиться от тебя, а ты липнешь ко мне, как слизняк! Где твое чувство собственного достоинства?

Кристи осознала, что рискует. Анна может обидеться, развернуться и уйти, но сестра не сделала этого. Девочка опустила глаза и тихо прошептала:

— Возможно, я веду себя так потому, что ты моя сестра.

Кристи вздохнула, схватила Анну за руку, и затащив ее в комнату, закрыла за ней дверь.

— Ладно, малявка! Раз ты, несмотря на все мои проделки, питаешь безграничные сестринские чувства к моей эксцентричной персоне, то ты непременно согласишься мне помочь.

Анна удивленно взглянула на Кристи. Никогда! Никогда она не просила помощи ни у кого, тем более у нее! Если сестра переступила через свою гордыню, чтобы обратиться к ней с просьбой, то это означало, что она действительно нуждалась в ее поддержке.

— Я согласна, — не раздумывая воскликнула девочка, и повисла на шею Кристи, пытаясь обнять. Та брезгливо убрала ее руки с себя.

— Не налей, малявка, — стараясь сохранить серьезное выражение лица, произнесла девушка. В душе она ликовала, теперь она была уверена, что достанет заветный дневник ее погибшей подруги. Анна сделает все, чтобы угодить сестре.

Стол был накрыт празднично. Констанца не поленилась и сервировала его так, словно ждала в гости особу королевских кровей. Посредине стоял небольшая хрустальная ваза с крупными бордовыми георгинами и нежными сиреневыми астрами. Фарфоровые тарелки цвета лазури, серебряные приборы, высокие бокалы из богемского стекла — идеальное сочетание, хоть и слегка вычурное.

Михай, Констанца и Анна сидели за столом, поглядывая на часы. В воздухе витал аппетитный аромат кролика, запеченного с прованскими травами. Было время ужина и каждому присутствующему за столом, не терпелось отведать нежного мяса, запах которого дразнил желудок и вызывал обильное выделение слюны и желудочного сока.

На лестнице послышались легкие шаги. Все замерли. Вошла Кристи. Она оглядела

домочадцев безразличным взглядом и невозмутимо села за стол.

На кухне повисло напряжение. Михай и Констанца старались не смотреть на девочку, переглядывались между собой. Анна, чувствуя, что неловкая ситуация может длиться вечно, решила нарушить тишину.

— Все в сборе. Может, приступим к ужину?

— Ой, простите, — взволнованно произнесла Констанца и, вскочив со стула, подбежал к духовке, вытаскивать кролика.

Михай откашлялся, словно собирался произнести тост, и, наконец, решил взглянуть на Кристи.

— Что будете пить? Сок, воду, шампанское?

Кристи иронично ухмыльнулась.

— Воды будет достаточно, — сухо произнесла она.

— А мне сока, пожалуйста, — Анна еле заметно улыбнулась. Сестра дала обещание и сдержала его: она спустилась к ужину.

Трапезничали все в полной тишине, только звон приборов о фарфоровую поверхность, нарушал ее. Когда с сочным мясом и гарниром из спаржи было покончено, Констанца вытащила из холодильника торт. Михай молча взял нож из рук супруги и сам нарезал десерт на кусочки. Положив ломтик торта на чистую тарелку, он протянул его Кристи.

— Спасибо, — коротко поблагодарила она, взяв тарелку и поставив ее перед собой. Рыхлые коржи с кремом и дольками фруктов выглядели аппетитно, но Кристи уже была сыта. Констанца действительно была талантливым кулинаром.

— Спасибо за ужин и за торт, — начала девушка разговор, — Несмотря на мое поведение, вы все равно стараетесь относиться ко мне по-человечески. Это странно. Но все же, я благодарю вас за это, — внезапно она замолчала и взглянула на Анну, затем перевела взгляд на опекунов. — Возможно, я временами, перехожу границу дозволенного. Но на то, у меня есть веские причины.

— Кристи, — попыталась вмешаться в монолог Констанца.

— Позвольте мне договорить.

Михай погладил жену по руке, предостерегая, что лучше действительно выждать удобное время для вопросов. Констанца молча кивнула.

— Чтобы вы не делали, я не раскрою вам мотивы моих поступков. Это мой выбор. Если вы не хотите скандалов, пререканий, негативной обстановки, оставьте меня в покое. Если я решу обратиться к вам, то сделаю это не под давлением и по принуждению, а только по собственной воле.

Кристи заметила, как глаза Констанцы заблестели, супруг крепко сжал ее руку в своей ладони.

— Сегодня мне исполнилось восемнадцать. И я могу смело покинуть ваш дом...

Констанца побледнела, и по щеке скатилась одинокая слеза.

— Не плачьте, я не уйду, пока вы меня не выгоните. Здесь моя сестра, а я не бездушное чудовище, чтобы оставить ее без моего присмотра.

Опекуны синхронно вздохнули с облегчением. Констанца быстро утерла слезы, шмыгнув носом. Кристи встала из-за стола.

— Благодарю еще раз за угощение. А сейчас, я хочу немного прогуляться перед сном, — с этими словами девушка торопливо покинула кухню, не дав возможности опомниться присутствующим и предпринять попытки задержать ее.

— Я вам говорила, что она спустится к ужину, — довольно произнесла Анна.

Констанца больше не в силах сдерживать эмоции, уткнулась лицом в грудь мужа и беззвучно зарыдала. Он успокаивающе стал гладить ее по голове, улыбнувшись Анне, которая удивленно смотрела на ревущую женщину.

— Я надеюсь — это слезы радости? Если нет, то тогда я ничего не понимаю, — прошептала она, разводя руками. Михай добродушно усмехнулся, он знал, супруга плакала от счастья. Это была маленькая победа. Кристи стала к ним ближе на один шаг.

Ливиу надел пиджак, взял портфель и собрался покинуть кабинет, когда на его пороге возник священник, облаченный в черную сутану. Визит преподобного стал для доктора неожиданностью.

— Добрый вечер, святой отец. Я надеюсь, вы не решили записаться ко мне на прием? Мой рабочий день окончен. А в свободное время, я предпочитаю заниматься личными делами, если только случай не требует моего экстренного вмешательства.

Виржилиу натянуто улыбнулся. Психиатр обладал чувством юмора, но не тактичностью. Ему повезло, что Ливиу его не выставил молча за порог, после вчерашнего.

— Здравствуйте, доктор. К счастью, я пока не нуждаюсь в ваших медицинских советах, хотя при нашей первой встрече могло сложиться впечатление, что я был не в себе.

Психиатр усмехнулся, священник и правда удивил его своим поведением, но без глубокого анализа трудно было определить диагноз. Да и у Ливиу была куча других забот, нежели копаться в голове священнослужителя.

— Так что же привело вас в мой кабинет, святой отец?

— Я бы хотел извиниться за свое неадекватное поведение.

Ливиу кивнул.

— Ладно. Я принимаю ваши извинения. Не знаю, как бы поступил я на вашем месте, поэтому не стану вас осуждать.

Священник снова сухо улыбнулся, но не торопился уходить. Ливиу прищурил глаза, потер лоб и, поставив портфель на стол, скрестил руки на груди.

— Видимо, вы все-таки пришли не только извиниться, — протянул он, — Я вас слушаю. Чем я еще могу быть полезен католическому духовенству?

Виржилиу вошел в кабинет, прикрыв за собой дверь. Доктор осознал, что разговор предназначен не для чужих ушей.

— Я хотел бы, поговорить с вами о Кристи, — голос его звучал глухо и как-то отчужденно, словно священнику тяжело было совать нос в чужие тайны, но непомерное любопытство не давало ему покоя.

Ливиу хмыкнул, удивленно взглянув на него. Психиатр не был религиозным человеком. Он доверял науке, а не божьим промыслам. Хотя со священником у него было много общего: они оба стремились помочь людям, желали исцелить душу и возвращали отчаявшихся бедолаг к нормальной жизни.

— Я готов с вами подискутировать о моей пациентке, но... Вы же понимаете, что я не стану делиться конфиденциальной информацией, касающейся ее состояния, и тем более, разглашать содержание наших с ней бесед. Вряд ли, вы узнаете, что-то новое от меня.

Священник кивнул, нервно закусив нижнюю губу. Доктор был прав, он не станет рисковать своей карьерой и репутацией. Впрочем, как и сам Виржилиу. Им двоим, предстояло хранить тайны посторонних людей. Им было известно о чужих скелетах в шкафу,

но они не могли поведать о них миру.

— Я хочу помочь ей. Вот только, не знаю как.

— Я тоже хочу ей помочь, — вздохнул психиатр, — И помогу. Там где бессилён Господь, возможно к месту доктор!

— Согласен, но врач способен излечить тело, а не душу, — парировал священник.

Ливиу засмеялся, прикрыв рот рукой.

— Мы играем с вами в одну игру, отец, но в разных командах. Мы живём не средневековье. Времена экзорцизма канули в лету. Медицина ушла далеко вперед. И на сегодняшний день, она куда эффективнее справляется с бесноватыми, нежели церковь.

Виржилиу с сожалением посмотрел на врача. Откуда ему знать о душевных муках? Он и представить не может, каково жить в кошмаре, когда ни одно снотворное не способно заглушить глубокую режущую боль в груди, ни одно лекарство не исцелит разум, который подвергся пыткам безжалостных воспоминаний. Лишь слепая вера, отчаянная надежда и искра любви горазды совершить чудо и спасти от безумия, пожирающего изнутри. Священник знал истину, хотя она отличалась от правды, которая была знакомо доктору.

— На все воля божья! Я не намерен спорить с вами о религии и науке. Мы жаждем одного: спасти девочку. Я не стану соревноваться, чтобы доказать вам, что мои доводы верны. Вы делайте свое дело, а я займусь своим. Доброго вечера, доктор, — Виржилиу открыл дверь и вышел из кабинета.

Ливиу снова потер лоб, взглянул на ручные часы, взял портфель и, сделав несколько шагов к порогу, застыл. Он предпочел подождать, пока священник покинет больницу, чтобы вновь не сталкиваться с ним в холле или у входа в клинику.

Черный мерседес припаркованный на противоположной стороне улицы, недалеко от госпиталя, не вызывал подозрения. Тонированные боковые стекла лишали возможности незаметно разглядеть водителя, для этого бы пришлось пройти перед машиной и заглянуть в лобовое стекло. Но горожан, прогуливающих по вечернему городу, не интересовали люди, сидящие в душных автомобилях рядом с больницей, они были загружены личными проблемами.

Привлекательный блондин сосредоточенно следил за входом медицинского учреждения. Его тело затекло от ожидания, но он не мог выйти из автомобиля и размять конечности. Его могли узнать, а он не желал привлекать к себе внимание. Он терпеливо ждал.

Незнакомец в лесу сказал, что он врач. Мирел должен был проверить: солгали ему или нет. Адвокат был обязан разузнать все о шпионе, наблюдавшем за его домом. Он не любил сюрпризы, особенно неприятные. Проинформирован — значит вооружен!

В госпиталь приехал священник. Блондин ухмыльнулся, было верным решением остаться в машине. Заметь его, Виржилиу точно расстроил бы план. Через полчаса преподобный покинул клинику, сел в свой старый пикап и укатил. Спустя пару минут, в дверях показался Ливиу.

— словно в анекдоте: священник приходит к врачу, — с сарказмом произнес Мирел.

Доктор, с портфелем в руке, быстрым шагом пошел прочь от госпиталя. Либо у него не было автомобиля, либо он предпочитал пешие прогулки. Мирел решил дать мозгоправу фору. Он намеревался проследить за ним до самого дома или места, куда тот направлялся.

Бедный район с обшарпанными домами и темными окнами, словно пустые глазницы

мертвецов, был ему знаком. Вчера он был здесь, осматривал лачугу Адриана. Несколько бутылок спиртного, и пьянчуги разболтали все, что им было известно о погибшем бедолаге, даже отвели адвоката в тесную каморку, пахнущую плесенью и перегаром. Коробка с маленькими видеокассетами пылилась на одной из полок трухлявого шкафа, с оторванными створками. Забрать улики, оказалось проще простого!

Адриан пытался его шантажировать, а сам толком не мог подстраховать себя и спрятать доказательства в более надежное место. Несчастный пьяница и слабак, так неразумно было с его стороны вставать на пути у монстра! Глупо, очень глупо!

Мирел самодовольно улыбнулся и облизал пересохшие губы. Он так увлекся воспоминаниями, что чуть не выдал себя. Ливиу внезапно остановился у подъезда многоквартирного дома, стены которого давно облупились. На лестнице, ведущей в дом, кто-то сидел. Адвокат остановил машину, предварительно свернув за мусорные баки, чтобы его дорогой автомобиль не бросался в глаза в этом нищем районе. Конспирация на скорую руку имела свои недостатки. Поле зрения блондина было ограничено. Он не мог рассмотреть, с кем беседует доктор, тот прикрывал спиной собеседника. А выходить из мерседеса Мирел не решался, это было рискованно. Наконец, закончив трепать языком, мозгоправ отошел в сторону и поднялся к дверям подъезда.

Адвокат почувствовал, как покалывает кожа на кончиках пальцев, словно тысячи игл впились одновременно в нервные окончания. Он судорожно потер руки, розовое масло уже давно впиталось, и кожа на руках стала сухой и неприятной на ощупь.

— Очень, очень плохая девочка, — процедил он сквозь зубы, следя, как Кристи заходит в дом вслед за Ливиу, — Плохая девочка не желает отправляться на свалку! Она обратилась к доктору, чтобы он починил ее. Нет, нет! Так нельзя... Сломанным вещам место на помойке!

Мирел нервно облизал губы, сильнее потирая руки. Еще никому не удавалось нарушить его замысел, а эта паскудная девчонка решила сменить правила игры! Почему она до сих пор жива, не спилась, не обезумела и не увлеклась наркотиками?! Она нашла мастера, которому удалось отремонтировать разум и душу! Лицо блондина побагровело от злости. Он никогда не терял самообладания, но сейчас его охватила ярость. Все в этом мире должно было существовать по его законам и никак иначе!

— Я лишил тебя веры, самоуважения, чести, а ты ведешь себя так, словно я никогда не существовал в твоей жизни?! Плохая девочка, плохая! Нужно все исправить! Ты все испортила!!!

Мирел гневно ударил по рулю рукой. Клаксон неистово запищал. Протяжный звук разнесся по всей округе. Жители домов, взбудоражено стали выглядывать из окон, пытаясь отыскать нарушителя тишины. Адвокат, пытаясь успокоиться, сделал глубокий вдох и похлопал себя несколько раз ладонями по лицу. Блондин повернул ключ зажигания, звук мотора придал ему уверенности, но не принес умиротворения. Он должен был убраться из этого злосчастного района, как можно скорее! Ему стоит хорошенько поразмыслить, как исправить ситуацию и вернуть ход вещей в привычное русло.

Ливиу и Кристи только переступили порог квартиры, когда за окном раздался оглушительный и протяжный автомобильный гудок. Девушка вздрогнула от звука, но обуздала желание подбежать к окну, чтобы выглянуть на улицу.

— Не волнуйся. Тут часто бывает шумно. Особенно по ночам, когда местные алкоголики начинают драться или кто-то решает выяснить семейные отношения в три часа

утра, — успокоил ее Ливиу, — Присаживайся. Я принесу тебе воды.

Кристи села в знакомое кресло, закинув ногу на ногу. Она чувствовала себя довольно комфортно в этой маленькой, убогой квартирке. Ее уже не раздражал беспорядок и отсутствие ремонта. Здесь жил ее защитник, с которым девушка ощущала себя в полной безопасности.

— Забыл поздравить тебя с днем рождения, прости — извиняющимся тоном произнес Ливиу, протягивая девочке стакан воды. Кристи взяла воду и снисходительно улыбнулась.

— Ничего. Я не особо люблю этот день, так что тебе не за что извиняться.

— Ладно, но подарок я все же тебе приготовил. Ты увидишь его после того, как расскажешь мне конец истории.

Девушка рассмеялась.

— Это будет уже не подарок, а обмен.

Ливиу присел с ней рядом в кресло и улыбнувшись, кивнул. Ему нравилось, когда это измученная судьбой девчушка, радуется, и ее худое личико приобретает счастливое выражение.

— Я совершенно не умею делать подарки. Опять прошу прощения. В прошлый раз ты закончила свой рассказ на том месте, когда потеряла сознание на мосту...

В комнате царил полумрак. Кристи очнулась. Руки и ноги были связаны, кляп во рту, и она лежала на постели. Парень с камерой, в бейсболке и очках, снимал каждый момент ее мучений. Он раздел ее, но не притронулся. Он лишь являлся свидетелем и пособником того, кто несколько часов подряд истязал ее плоть.

Она не видела монстра, надругавшегося над ней. Он предусмотрительно завязал ей глаза, но девочка осязала его дыхание, слышала гнусный голос, чувствовала насыщенный запах роз, словно кто-то разлил бочонок эфирного масла на пол.

Мучитель был жесток! Ему нравилось причинять боль: физическую и моральную. Он получал удовольствие, слыша, как девочка верещит, разрывая легкие. Он не беспокоился, что кто — то услышит ее. Монстр намерено вытащил кляп изо рта и принялся издеваться над ней с особым неистовством, после того, как два раз его отвлекли. Он радовался каждому воплю, каждому стону, каждому всхлипу. Когти чудовища впивались в ее плоть, оставляя глубокие борозды. Тварь жаждала, чтобы бедняжка истекла кровью, и на юном теле не осталось живого места. Монстр упивался каждым мгновением, ощущая, как обретает власть над ней.

Кристи молила бога лишить ее разума или дать умереть в одночасье. Но высшие силы словно насмехались над ней, сохраняя сознание. Она лишилась чувств только в тот момент, когда монстр вдоволь поглумился над ее телом, изтезав его до крови.

Ей не забыть, как изверг схватил напоследок ее за волосы, намотав пряди на кулак, и дернул назад с такой силой, что от боли у нее потемнело в глазах.

— Твой бог преподнес тебя мне, как лакомое угощение! Тебе стоит поблагодарить его за это! Я получил сегодня невероятное удовольствие. Теперь никто и никогда не сможет заменить меня в твоих воспоминаниях. Я сломал тебя изнутри и снаружи! Я бы повесился еще с тобой, но у меня вызывают омерзение использованные вещи! Ты продержалась дольше всех, увы, к несчастью, ты все равно стала никому не нужным мусором! А место отбросов на помойке!

Кристи пыталась сдержать крик отчаяния, чтобы не дать чудовищу восторжествовать

над ее поражением, но острая боль, заставила нечеловеческий вопль вырваться из ее гортани, и через несколько секунд лишить ее сознания.

Она очнулась от холода и сырости. Дождь, сплошной стеной, прорывался сквозь густые кроны деревьев, превращая земляной настил в болото. Кристи лежала в грязи совершенно обнаженная, если не считать лохмотьев, которые еще недавно были ее платьем. Нижняя часть тела дико болела, каждое движение вызывало режущие спазмы, ноги не желали слушаться ее.

Истерзанная монстром, девчушка была одна в лесу. Беспомощная, изувеченная, она лежала в огромной грязной луже и мечтала умереть. Но у Господа на ее счет, был другой план!

Ливиу тяжело дышал, пытаясь сдержать негодование. С каждым сказанным словом Кристи, он чувствовал, как внутри него закипает ярость. Тварь, что сотворила бесчинства над этим хрупким ребенком, разгуливала на свободе и вероятно продолжала свои извращенные деяния. Доктор понимал, что он не может позволить монстру и дальше совершать преступления, пополняя свою коллекцию новыми и новыми жертвами. Ливиу обязан остановить преступника любым способом. Но чтобы сделать это, ему нужно было разузнать кто он.

Кристи, не окончив рассказ, внезапно прикрыла рот рукой и вскочив с кресла помчалась в уборную. Доктор слышал, как ее рвало за дверью ванной комнаты. Его самого начало подташнивать от деталей, которыми пестрил рассказ девочки. Ливиу отправился на кухню и, открыв банку с пивом, сделал несколько больших глотков. Сейчас, он был не прочь, выпить чего-нибудь покрепче!

Кристи вернулась в комнату, она умыла лицо. Капельки воды стекали по щекам и волосам. Ливиу, с банкой в руке, подошел к ней, но не сел рядом. Он смотрел на нее с состраданием. Она была такой худой и маленькой, словно подросток, но в Кристи была сила и самоотверженность. Ее внутренний стержень, помог девушке не сойти с ума.

Кристи взглянула на пиво в его руках.

— Помнишь, ты говорил мне о наркотиках и алкоголе? Да, любой другой человек на моем месте попытался бы утопить кошмарные воспоминания в альтернативном обезболивающем. Ты можешь подумать, что я мазохистка, которой нравится переживать события той ночи снова и снова, но это не так. Я хочу помнить, что причинил мне тот мерзавец, когда найду его. Я хочу испытывать то чувство ненависти, дабы сохранить силы для мести.

— Я понимаю тебя. Я поступил бы точно так же. — Ливиу поставил пустую банку на старую тумбу, затем взял свой портфель, и сев в кресло, раскрыл его.

— А твоя ненависть к богу, с чем связана? Ведь не потому, что какой-то психопат, возомнивший себя божественным существом, уничтожил твой мир?

Кристи покачала головой.

— Мои родители, они были религиозными людьми. Они воспитали во мне любовь к Всевышнему. Я была богобоязненным ребенком, получавшим побои от матери. Возможно по этому, я так долго продержалась в отвратительных объятиях монстра. Я привыкла, что меня все время бьют и наказывают зазря, — голос Кристи задрожал, она была готова разреветься.

— Все хватит! Ты достаточно навелась в своей короткой жизни, — Ливиу притянул девочку к себе и крепко обнял. Он нежно гладил ее по волосам, чувствуя, как тело Кристи

вздрагивает от беззвучного всхлипывания и рубашка на его плече становится мокрой от слез.

Вскоре она успокоилась, уткнувшись носом в его плечо. Ливиу осторожно отстранил ее от себя. Вытер рукой остатки соленых капель с ее щек, и тихо произнес:

— Теперь время подарка.

Доктор достал из портфеля кипу папок, нацепил очки и открыл одну из медицинских карт.

— Я предполагаю, что смогу тебе помочь отыскать насильника, — задумчиво проговорил он, — Но без твоего вмешательства, поиски займут много времени. А если ты просветишь меня в некоторых нюансах, мы разыщем мерзавца достаточно быстро.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — шмыгнув носом, прошептала растерянно Кристи.

— Ты не единственная жертва этого извращенца!

Глаза девочки наполнились ужасом, она испугано прикрыла рот рукой.

— Я всегда проявлял интерес к деталям. И разбирая архивы, наткнулся на весьма подозрительные случаи в практике предыдущего коллеги. Я копнул глубже, обратился в полицию. За десять лет, в этом городке не произошло ни одного преступления связанного с изнасилованием. Как такое возможно?! Ты, и еще одна девчонка, были подвергнуты жестокому насилию, об этом говорят медицинские карты! Но никто не заявил об этом! Несколько девочек-подростков были помещены в психиатрическую лечебницу, причины их помешательства завуалированы. Еще были пациентки, которые пристрастились к алкоголю в четырнадцатилетнем, пятнадцатилетнем возрасте. Примерные дочери в одно мгновение превращались в отбросы общества. Хорошо, это провинциальный городок и всем плевать друг на друга. Но это маленький городок, как можно было не заметить происходящие?

Кристи потеряла лоб, удивленно глядя на врача.

— Как тебе удалось все это разузнать, за столь короткое время. И как ты можешь быть уверен, что не ошибаешься в своих подозрениях?

— Я давал клятву помогать людям. И для меня эта клятва священна! Я не пройду мимо нуждающихся в моей помощи, даже когда они не желают ее принимать.

Девочка улыбнулась. Психиатр действительно был хорошим человеком, которому не безразличны окружающие люди. Кристи была уверена, что он поможет, но едкий страх прокрался в душу. Она боялась за Ливиу, он не знал — насколько опасен монстр!

— Я бы хотел поговорить с одной бывшей пациенткой госпиталя, которая, по моему мнению, также подверглась изнасилованию. Но я не знаю, как ее найти. Может ты с ней была знакома? Ее звали Феличия. Феличия Каин.

Кристи почувствовала, как по спине пробежали мерзкие холодные мурашки. Она вцепилась пальцами в подлокотники кресла так, что костяшки побелели. Девочка почувствовала, что ей не хватает воздуха.

— Твое лицо мне говорит: тебе что-то известно о ней? — прошептал Ливиу, растерянно глядя на Кристи, которая стала похожа на бледный труп.

— Мы были знакомы, но оказывается, я совсем не знала ее.

— Что ты имеешь в виду?

— Теперь я поняла, почему она была такой безнравственной, легкомысленной и безразличной. Она не была исчадием ада, как считала моя мать, она была опустошенным и разбитым сосудом, каким стала я, три года назад.

— Значит, мои догадки оказались верны. В городе прячется долбаный извращенец, и мы обязаны его отыскать!

Комнату заливал солнечный свет, струящийся сквозь прозрачный голубой занавес. Окна выходили в сад, и шум автомобилей с проезжей части, почти не был слышен. На стенах висели плакаты поп-звезд и постеры к фильмам. Кровать аккуратно застелена, а на письменном столе лежали учебники, тетради и старый ноутбук, словно хозяйка вышла на минутку.

Анна, с интересом, осматривала все вокруг. Констанца стояла рядом, пытаясь держать эмоции под контролем. Раз в год она открывала эту спальню, чтобы протереть пыль, пропылесосить, выстирать шторы, сменить постель. Убираясь, она возвращала предметы на свои места, словно надеялась, что ее старания способны воскресить дочь. Она бы все отдала, дабы увидеть, как ее малышка танцует под звуки громкой музыки, готовится к театральной постановке, рисует акварелью, корпит над домашним заданием. Но все это Констанца могла лицезреть лишь во снах и смутных воспоминаниях. Никогда больше дочь не войдет сюда, не разбрасывает вещи, ни оставит чашку на письменном столе, не забудет застелить постель. Ее больше нет! И только комната напоминает о том, что когда-то маленькая девочка была здесь счастлива. Или несчастна...

Анна заметила, что глаза Констанцы покраснели. Женщине трудно было находиться в спальне дочери. Она подошла к ней и взяла за руку.

— Спасибо, что показали мне ее обитель.

Констанца, сдерживая себя, чтобы не заплакать, выдавила улыбку.

— Думаю, нам лучше уйти отсюда. Если останемся здесь еще на пару минут, то затопим первый этаж слезами и придется выкинуть ковер и делать ремонт, — Анна потянула Констанцу к выходу.

Женщина рассмеялась, на ее глазах выступили слезы. Она кивнула и последовала за девочкой. Выйдя в коридор, Констанца закрыла дверь спальни на ключ.

— Вашей дочери повезло. Вы любящая и заботливая мать, которая делает все возможное, чтобы сохранить память о ребенке. Простите меня, что я вас тогда обидела. Я понимаю, почему нет фотографий в доме, вы не забыли об Анне. Вы не хотите, ежесекундно расстраиваться, глядя на ее снимки.

Констанца кивнула. Младшая дочь Марии была смышленным ребенком и очень упрямым. При первой встрече, девчушка ей показалась застенчивой и пугливой, но оказывается, у нее был характер, который помогал ей трезво оценивать происходящие вещи и добиваться правды.

Анна смотрела на подавленное состояние женщины и ненавидела себя. Она хотела помочь сестре узнать, где ключ от закрытой комнаты, но не желала расстраивать Констанцу. Но что сделано, то сделано. Она сдержала обещание, а дальше, пусть Кристи сама разбирается с секретами своей подруги.

Адвокат сидел на террасе, смотрел на реку и пил большими глотками виски из круглого бокала. Его короткие волосы были взъерошены. Пиджак и галстук валялись на соседнем плетеном кресле. Белая рубашка была расстегнута на две верхние пуговицы, словно блондину не хватало воздуха, и он решил ослабить хватку льняного полотна, стягивающего шею.

Время играло против Мирела. Трое покупателей заинтересовались усадьбой, а он тянул с ответом. Ему пора было продать особняк, и вернуться домой, но он не мог заставить себя уехать. Второго шанса у него не будет. Если он снова посетит этот городишко без весомых причин, то вызовет подозрение. Адвокат любил рисковать, но не своей свободой.

Над рекой пронеслась стая стрижей, громко пища. Мирел посмотрел в сторону улетающих птиц и отхлебнул виски. Он не часто пил алкоголь, только в стрессовых ситуациях. А они крайне редко происходили в его жизни. Спиртное расслабляло его и помогало осмыслить положения дел, не упуская важных деталей.

Издевательства над священником ушли на второй план, сейчас в приоритете была девчонка. Ситуацию усугублял тот факт, что Мирел оказался совершенно один, не Феличии, не Адриана рядом не было. Он должен был все сделать сам!

Блондин облизал губы и вновь отпил из бокала. Ему нужен был идеальный план! Никаких свидетелей, никаких улик, все должно пройти безукоризненно. Она попадет в ловушку, и на этот раз, он не будет с ней так мягок. Он уничтожит ее, заставит просить пощады, сломает хрупкую плоть, раз и навсегда!

Адвокат почувствовал, как возбуждающая волна прошлась по телу. Он довольно улыбнулся, предвкушая, что сотворит с дерзкой девчонкой. Он истязает ее до смерти, пока душа не покинет тело, а после выбросит, как сломанную вещь!

Улыбка Мирела стала еще шире. Он был готов продать душу дьяволу, чтобы желаемое стало осуществляться прямо сейчас, прямо здесь! Жажда крови затмевала разум, но он старался контролировать себя. Адвокат не желал оказаться на скамье подсудимых, как те идиоты, которых ему приходилось защищать. Мирел знал, что даже незначительная ошибка может стать для него роковой, и перечеркнуть всю жизнь. А в мире оставалось еще столько свежего мяса, которое он намеревался попробовать!

Часовня была пустынна. Огоньки свечей нервно вздрагивали от легкого сквозняка, заставляя пламя плясать в удивительном танце. До вечерней службы было еще время, и горожане, увязшие в бытовых хлопотах, не спешили посетить божью обитель.

На первой скамье, вблизи алтаря, сидели Михай и Виржилию, тихо разговаривая и стараясь не нарушать умиротворяющее безмолвие храма.

— Не волнуйся, все будет хорошо. Вас не будет всего несколько дней. Или ты беспокоишься, что я не в силах позаботиться о девочках?

Михай добродушно улыбнулся и похлопал сына по плечу.

— В вас я уверен, святой отец. Я опасаюсь по поводу Кристи.

— Я справлюсь. И прослежу, чтобы она не натворила ничего из ряда вон выходящего! Как мама любит говорить: привяжу и никуда не отпущу!

Михай тихо рассмеялся, глядя с уверенностью на сына. Виржилию тоже улыбнулся в ответ. Он осознавал беспокойство отца, ведь от Кристи можно было ожидать чего угодно. В тоже время священник был уверен, что сможет приструнить девушку, если она переступит черту.

— Будь готов, Констанца станет названивать каждые полчаса. Ты знаешь мать.

Виржилию кивнул, продолжая улыбаться. Да, мама своей заботой достанет любого. После смерти Анны, ее опека переросла в манию. Стоило приложить массу усилий, чтобы заставить ее жить своей жизнью, а не оберегать близких людей ежеминутно.

— Ладно, я предоставлю ей отчет. Только пусть она помнит, что я не нянька, а

священник, и у меня предостаточно других дел.

— Она это прекрасно помнит, но ей не всегда удается контролировать свой всеобъемлющий материнский инстинкт. Ладно, я пойду, нам нужно собрать вещи в дорогу и пообщаться с девочками, — Михай поднялся со скамьи, священник последовал его примеру.

— Веди аккуратно машину, не отвлекаясь на болтовню мамы и возвращайтесь, скорее, домой, — произнес Виржилиу и крепко обнял отца. Михай похлопал сына по спине.

— Будет сделано, святой отец.

Михай освободился из объятий сына и, махнув на прощание рукой, пошел к выходу.

— Пусть Господь хранит вас в пути, — прошептал священник, глядя вслед отцу.

Кристи стояла у окна и смотрела, как автомобиль Михая отъезжает от дома. Она сгорала от нетерпения выбежать из комнаты и начать поиски, но сдерживала порывы. Опекуны могли что-то забыть и вернуться. Девушка должна была немного подождать. Священник явиться нескоро, только после вечерней литургии. У нее было предостаточно времени, чтобы перевернуть дом вверх дном и отыскать злосчастный дневник.

Минуты тянулись медленно, словно издевалось над девушкой, стрелки часов лениво двигались по кругу, отсчитывая вяло секунды.

Раздался стук, не дожидаясь приглашения, в комнату вошла Анна. Кристи перестала пялиться в окно и взглянула на сестру, та протянула руку вперед и раскрыла ладонь, на которой лежал заветный ключ. Кристи попыталась взять его, но девочка сжала ладонь в кулак и спрятала руку за спину.

— Я тебе отдам его, при одном условии, — невозмутимо произнесла она, хотя понимала, что если Кристи захочет, то с легкостью заберет нужную ей вещь.

— Ты шутишь, малявка, — в голосе сестры звучала ирония.

Анна категорически замотала головой. Если Кристи не станет ее слушать, то она выбросит ключ в унитаз, через окно, да куда угодно, лишь бы не дать возможность сестре пробраться в спальню подруги. Кристи не станет взламывать замок, в этом девочка была уверена.

— Ладно, маленькая шантажистка, чего ты хочешь?

— У меня есть одно условие...

— Бла-бла-бла, это я уже слышала. Что тебе надо взамен на ключ?

— Я хочу, чтобы ты аккуратно действовала в спальне Анны. Все вещи должны оставаться на своих местах.

— Да кто помнит, где что лежало шесть лет назад! Какая разница, сдвину я лампу на сантиметр или нет, никто и не заметит, — Кристи презрительно фыркнула.

— Констанца заметит. Прояви хоть каплю уважения к ней. И к своей подруге, которая не была тебе безразлична.

Кристи сглотнула слюну. Анна была права, она не должна быть такой бесцеремонной и жестокой.

— Ладно, пойдешь со мной. Если я, что-то попытаюсь сделать не так, ты меня остановишь. Тебя устроит такое развитие событий?

Анна кивнула, вышла в коридор и направилась к закрытой спальне. Кристи последовала за ней. Девочка вставила ключ в замок и открыла дверь, пропуская сестру вперед.

— Что мы ищем? — поинтересовалась она, заметив, что Кристи прямиком направилась к письменному столу, и стала рыться в выдвижных ящиках.

— Не твое дело, малявка, — отмахнулась Кристи.

— Как скажешь. Вот только я думаю, что вряд ли предмет твоего поиска лежит на видном месте, иначе бы его давно отыскали. А я понимаю, раз ты его ищешь, значит, никто его еще не обнаружил.

Кристи перестала копаться в столе и посмотрела недовольно на сестру.

— Ты много болтаешь. Есть идеи, где можно спрятать что-то очень личное — говори! Не знаешь — молчи, ты отвлекаешь, — Кристи открыла шкаф и начала копаться в нем.

Анна внимательно осмотрела комнату, затем медленно прошла по ней, прислушиваясь к звуку скрипящих половиц.

Мария не разрешала дочерям смотреть и читать художественные произведения, если они не были основаны на Библии. Но Анна, временами, задерживалась в библиотеке, под предлогом найти информацию к школьным докладам, а сама читала детективные истории.

Одна половица под ковром была сильно расшатана. В романах и рассказах, герои или преступники, часто прятали под деревянным напольным покрытием свои сокровища или оружие. Вероятно, что подруга Кристи, тоже знала об этом секрете и решила обустроить под полом тайник.

Анна взяла за край тяжелый ковер и стала скатывать его в рулон. Кристи удивленно уставилась на сестру.

— Ты что делаешь? Кажется, ты была против того, чтобы передвигать вещи или сдвигать пыль с предметов.

Анна, не обращая внимания на возгласы сестры, в одиночку убрала ковер и вновь начала вышагивать по полу, внимательно всматриваясь в паркетные доски. Она нашла ее! Одна деревянная планка, слегка отходила от своих товарок, приподнимаясь при надавливании ногой. Анна опустилась на колени и попыталась поддеть доску пальцами, но ее старания не увенчались успехом.

— Найди что-то тонкое и острое, нужно ее подцепить чем-то, — произнесла она, взглянув на сестру.

Кристи, наконец, догадалась, что затеяла Анна. Девушка выскочила из комнаты и вскоре вернулась, держа в руках кухонный нож. Она протянула его сестре. Та взяла его, и, просунув лезвие через щель, с легкостью подцепила древесную планку. Доска, с глухим стуком, отлетела в сторону, открыв небольшую нишу в полу. В отверстии лежала обувная коробка, покрытая толстым слоем пыли. Анна поднялась на ноги и вернула нож Кристи.

— Забирай свой клад и приберись здесь. Я позже проверю, — произнесла беспристрастно девочка и вышла из комнаты, стараясь изо всех сил сдерживать улыбку. Ошарашенное лицо Кристи могло вызвать только смех, а тонко проделанная детективная работа, невероятную гордость.

Доктор потерял сон и аппетит. Он уже несколько часов сидел на полу и записывал в блокнот все детали, то и дело, заглядывая в медицинские карты, лежащие рядом. Ливиу должен был увидеть всю картину целиком, чтобы понять мотивы преступника и отыскать зацепки, указывающие на его личность.

Маньяк был умен и хитер. Ему удавалось до такой степени истязать своих жертв, что они теряли разум и хранили молчание о случившемся. Насильник не оставлял улики, и наверняка, имел связи в полиции, только так можно было объяснить отсутствие заявлений. Правда существовала и другая вероятность — это был маленький город и новости

разлетались здесь со скоростью стрелы, никто не хотел ходить с клеймом. Ни родственники девочек, ни сами подростки. Еще был страх! Страх рассказать о насилии.

Доктор снял очки и потер переносицу. От долгих раздумий у него начала раскалываться голова, но психиатр не мог остановиться. Ливиу чувствовал, что он близок к разгадке.

Ему посчастливилось узнать домашний номер телефона Феличии. К сожалению, девушка уже второй год находилась в психиатрической лечебнице, об этом сообщила экономка, которая ответила на звонок. С родителями бедняжки, ему тоже не удалось побеседовать, они проводили отпуск в Италии. Остался один шанс разузнать о случившемся — это поговорить с братом. Мирел Каин, как раз находился в городе, врач с ним столкнулся в лесу, когда наблюдал за домом у реки. Ливиу не нравился этот тип. Его модельная внешность и наряды с иголки, словно служили камуфляжем, скрывая под собой какую-то тайну. Юристы всегда хранят чужие секреты, как и священники, и доктора. И у этого напыщенного адвоката, их был целый ворох.

Ливиу вновь нацепил очки и сделал запись в блокнот. Ему придется встретиться с Мирелом на днях. Психиатр должен быть весьма осторожен в речах, разговоры с юристами могут иметь непоправимые последствия.

Кристи, судорожно вздрагивала от рыданий, сидя на постели в своей комнате. Перед ней лежала старая тетрадь в кожаном переплете с пожелтевшими страницами, где неровным почерком были оставлены последние записи ее подруги. Стягивающая боль сдавила сердце девочки, ее всхлипывания стали прерывистыми, словно тело отказывалось дышать.

На улице темнело. Густые сумерки вальяжно покрывали окрестности серой рваной простыней. Вместе с ночью в город надвигалась гроза. Резкий порыв ветра ворвался в окно и принес запах мокрой земли и свежести.

Кристи утерла слезы и посмотрела на часы. Было время ужина. Констанца приготовила еды на несколько дней вперед, чтобы девочки могли самостоятельно разогреть ее в микроволновке. Анна, наверняка, уже накрывала на стол. Кристи не приступала к чтению дневника, пока не убралась в комнату и не отдала сестре ключ. Девушка сделала глубокий вдох, пытаясь выровнять дыхание. Анна не должна ее видеть такой. Ей не следует знать ни о дневнике, ни об изнасилованье, ни о чем, что могло расстроить и изменить ее оптимистический взгляд на жизнь. Пусть сестра до последнего момента, будет носиться в обнимку с Библией или плюшевым медведем и никогда не познает горя!

Кристи спрятала дневник под подушку и, встав с постели, подошла к двери. Отворив ее, она осторожно выглянула из комнаты. В коридоре было пусто. Девушка быстрым шагом направилась к ванной комнате. Она должна была умыться, привести себя в порядок и спустится вниз к ужину.

Священник вернулся домой поздно ночью, когда вспышки молний всю окрашивали темное небо в розовые цвета, а звуки грома заглушали шум мотора. Первые капли дождя забарабанили по крыше, когда Виржилию включил душ, подставив лицо под ледяную струю.

В доме было тихо. Отсутствие родителей давало знать о себе: ни гула телевизора, ни запахов выпечки, доносящихся с кухни. Священник вышел из ванной и, протирая голову полотенцем, медленно направился к своей спальне, прислушиваясь к ночной тишине. Из комнат девочек не доносилось ни звука, возможно, они уже спали. Вымытая посуда на кухне, говорила о том, что они поужинали.

Виржилиу вошел в спальню, плотно закрыв за собой дверь. Он не сразу заметил Ее. Убрав остатки воды с лица полотенцем, преподобный присел на кровать и тут же испуганно вскочил.

Кристи молча сидела у окна в кресле. В свете ночника, она казалась призраком, гостем из другого мира. Темные распущенные волосы падали на ее грудь, сливаясь с черным длинным платьем до пола. Лицо было бледным, словно мифический вампир выпил до капли кровь в ее организме. В руках девушка держала какую-то книгу или тетрадь в кожаном переплете. Если бы священник жил в средневековье, он наверняка бы решил, что его посетила ведьма, жаждущая совершить над ним дьявольский ритуал.

— Ты что здесь делаешь? — Растерянно произнес Виржилиу.

Кристи медленно поднялась с кресла, и, подойдя к священнику, бросила дневник Анны на постель.

— Читай! — приказным тоном произнесла она, скрестив руки на груди.

Виржилиу присел на кровать и взял тетрадь в руки. Открыв первую страницу, он почувствовал, как его охватил озноб — это был почерк сестры! Он недоуменно взглянул на Кристи.

— Где ты его нашла?

— Читай! — повторила девочка.

Он послушно последовал ее приказу. Каждая страница, пробуждала в нем множество воспоминаний. Здесь было написано и про него, и про родителей, и про Кристи, и про загадочного принца, в которого была влюблена сестра. Он бегло пролистал дневник и остановился на последних страницах. Здесь, красивый ровный почерк, превращался в каракули, словно сестра писала в спешке и руки не слушались ее.

Вена на виске священника вздулась от напряжения, а на лбу появилась испарина, несмотря на то, что в комнате было прохладно. Кристи заметила, как изменился в лице Виржилиу, самообладание покидало его с каждой прочитанной строкой. Преподобный закончил чтение, захлопнул тетрадь и молча уставился в пол.

— Занимательное чтиво, не правда ли? Может сейчас, после того, что ты узнал, ты засунешь свои церковные правила себе в зад и скажешь мне их имена?

Священник молчал, он чувствовал, что монстр почти выбрался из своей клетки. И если он, Виржилиу, сейчас проявит слабость, чудовище вырвется на свободу и начнет крушить все на своем пути.

— Эй, чертов святоша! Ты так и будешь молчать? — Кристи толкнула священника в плечо рукой.

Нет, он не станет реагировать на агрессию. Он должен успокоиться, все взвесить и принять мудрое решение. Он в первую очередь священник, а потом человек.

— Ты будешь покрывать этих тварей! Ты же дал обед?! Твоя сестра стала невинной жертвой, которую убили эти монстры, а ты продолжаешь защищать их, прикрываясь религией! — голос Кристи дрожал.

Священник молча поднял на нее глаза. Девушка в ответ, одарила его презрительным взглядом.

— Те, кого ты покрываешь — унизили Анну! Она не смогла жить с этим стыдом и предпочла разбиться о камни! Я тоже хотела умереть, но, увы, мне не повезло так, как твоей сестре!

Кристи засучила длинные рукава и сунула под нос священнику свои тонкие запястья,

изборужденные багровыми шрамами.

— Смотри!!! Вот, что мне осталось на память о той ночи!!!

Преподобный виновато отвел взгляд, словно он сам лично провел лезвием по рукам девушки, пытаясь лишить ее жизни. Кристи истерично рассмеялась и покачала головой.

— Неприятно смотреть? Но это всего лишь царапины. Может, когда ты увидишь это, то, наконец, откроешь свой рот и скажешь что-нибудь!

Священник услышал, как ткань падает на пол. Он испуганно поднял глаза. Кристи стояла перед ним совершенно обнаженная, худая, с бледной, почти прозрачной кожей, с выпирающими тазовыми костями, с впалым животом. Глядя на нее, у Виржилию все похолодело внутри. Несмотря на слабое освещение, он видел каждую деталь. Все тело девочки было покрыто рубцами. Внизу живота находился тонкий шрам. Кристи развела руки и медленно стала поворачиваться, чтобы святоша мог разглядеть ее со всех сторон.

— Нравится?! Тело, которое я не могу обнажить нигде, ни на пляже, ни в первую брачную ночь! Да и кто женится на мне, благодаря пыткам, которые я пережила! Я лишилась не только души, но и детородных органов! И смогу ли я, позволить прикоснуться ко мне мужчине? Я мертва, а сердце мое бьется, мой разум пытается не поддаться безумию, только ради мести! А ты... Ты просто молчишь?!

Виржилию потерянно встал с постели, сорвал покрывало, и подойдя к Кристи, прикрыл ее наготу. Глаза девочки наполнились слезами, она попыталась оттолкнуть Виржилию.

— Отвали от меня!!! Чем ты лучше тех монстров? Почему твой Бог закрывает глаза, когда нужна его защита!!!

Священник еще сильнее укутал девушку в покрывало и крепко прижал к себе, чтобы она не смогла вырваться. Он стиснул зубы, стараясь не поддаваться эмоциям, но глаза предательски пытались выдавить слезу. Ситуацию не исправить, если он сейчас сядет рядом с Кристи и начнет реветь. Он должен что-то сделать, чтобы искупить свою вину перед сестрой, перед этой девчонкой, перед другими жертвами монстра!

— Я не могу сказать тебе их имена, — наконец нарушил он молчание, прижимая Кристи к себе и нежно гладя по голове, — но я обещаю, что остановлю чудовищ сделавших это с тобой, — тон священника был спокойным и уверенным, словно он уже знал, что ему предстоит сделать и каким способом.

Часть пятая. Паршивая овца Предисловие

«Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» От Матфея 7:15

Люди наивны и глупы! Они безоговорочно доверяют окружающим, не ожидая удара в спину, безрассудно верят в сказочные мечты, которые разлетаются на тысячи осколков, невольно лелеют надежду, что высшие силы уберегут от несчастий и лиха! Но нет на свете такой Силы, способной выстроить неприступную стену перед пронырливым вором, решившим украсть корону, остановить руку кровожадного убийцы, направившего острое лезвие на жертву, заставить отъявленного лжеца глаголить истину. Невежды и нечестивцы, достойны разоблачения и гнева людского! Коварный плут, что разум сохранил, мгновенно одурочит мудреца. Сдержав эмоции и трезвый взгляд, головорез толпу сразит одним клинком. Прозорливый грабитель унесет с казны полтонны серебра. Увидеть монстра на балу, где сотни масок прячут лица — не каждому дано!

Люди жестоки и холодны! Они стремятся обрести образ праведников, не замечая свои грехопадения! Они закрывают двери перед просящими, глухи к чужим мольбам, незрячи перед бесчинствами! Нет такой Мощи на земле, способной сокрушить горы заблуждений, низвергнуть в морские пучины человеческое безразличие, вырвать с корнем жажду крови! Слепец останется слепцом и при наличии тысячи глаз! А равнодушному плевать, где ночь и день, где тьма и свет! И хищник не отдаст добычу, отслеживаемую сотни лет! Мир зверя примет, как ягненка, накормит досыта его!

Люди видят то, что сами возжелают: прекрасный лик, изящные манеры, блеск роскоши и хруст банкнот. Искать изъяны в изумруде, который слепит глаз сияньем, не станет ни один чужак. А ювелир и скол заметит, и фальшь стекла, и тусклый свет. Он выбросит подделку в мусор, возьмет в ладонь другой бриллиант!

Проклятые чистоплюи, сующие свой длинный нос, куда не следует! Могут же наслаждаться прекрасным видом, нет же, должны копаться во внутренностях, как патологоанатомы в трупах! Им нужно все знать! Они думают, знания им принесут пользу? Фальшивый бриллиант может расколоться и больно ранить, а возможно и смертельно!

Я — воплощение света и тьмы! Я — само совершенство, которому дано вкушать плоды вспаханных полей и девственных садов! Я безупречен! Я получаю то, чего желаю! Я — единственный хозяин, приобретенных мной вещей! Лишь я решаю, когда предмет пришел в негодность и будет выброшен на свалку, где суждено ему сгореть в печи!

Я страшный волк в овечьей шкуре, что жаждет гибели овец! Я не приемлю поражений и получаю что хочу!

Глава 1

Рассвет раскрасил утреннее небо багровыми оттенками. Редкие, рваные облака плыли неторопливо на запад, подгоняемые ленивым ветром, который не выпался так же, как и доктор, корпящий всю ночь над бумагами.

Ливиу потер глаза, покрасневшие от усталости. Деталей, указывающих на существование преступника, было много, но не одной зацепки, говорящей о его личности. Тайнственный насильник был весьма умен и осторожен. В находчивости ему не было равных! Но психиатр знал, что у каждого человека есть свои слабости. Порой даже самый осмотрительный и расчетливый злодей способен совершить ошибку и выдать себя. Один промах! И негодяй попал бы в ловушку!

Врач пытался поговорить с двумя молодыми женщинами в районе; он предполагал, что они также являются жертвами маньяка. Но вытянуть что-то дельное из пьяниц, не удалось. Разум, иссушенный алкоголем, не мог сформулировать адекватные мысли и поведать о случившемся.

Кое-что Ливиу все же удалось установить, несмотря на скудные данные. Жертвы приходили в сознание в лесу, за чертой города, и все преступления совершались в период с весны до осени. Незначительные детали натолкнули врача на мысль: насильник жил на окраине городка, рядом с лесом, и терпеть не мог холодное время года, либо приезжал на летний сезон. В округе находилось несколько десятков лесных домиков, которые сдавались в аренду туристам, что расширяло круг подозреваемых.

Доктор не обладал полномочиями полицейских и не мог беспрепятственно получить сведения о жильцах, ему оставалось лишь наблюдать и собирать сплетни, не привлекая лишнего внимания.

Существовала еще одна мелочь, которая не давала покоя врачу. Своеобразное клише, активно использованное кинематографистами в криминальных фильмах: серийные убийцы обожали коллекционировать трофеи, напоминающие им о жертвах. Возможно, это была ерунда, но Кристи упомянула о том, что у нее пропал рюкзак в тот вечер, а у подруги плюшевый медведь. О медведе, Ливиу сам прочел в дневнике Анны. Его длинный список пополнился еще одним именем, а сколько еще оставалось? Многие девочки, даже не обращались в больницу, скрывая свой стыд и страх.

Доктор взглянул в окно. Багровое солнце поднялось достаточно высоко над горизонтом. Яркие лучи проникали в комнату, слепя глаза. Ливиу устало поднялся с постели и отправился в ванную.

Он взглянул на свое отражение в мутном зеркале. Лицо, изможденное бессонницей, и покрасневшие глаза выглядели пугающе. Он должен выспаться и привести себя в порядок. Нельзя в таком виде вести беседы с людьми.

Ливиу включил кран. Холодная вода фыркающая, полилась в металлическую раковину. Доктор набрал воды в ладони и умыл лицо. Увы, процедура не оказала должного эффекта, он не почувствовал себя бодрее.

Священник не мог дождаться окончания службы. Его сжигало желание бросить все и помчаться к дому у реки, но долг перед Господом и прихожанами был важнее. Он не мог поддаться соблазну монстра, ликующего внутри него. Это было испытание! Испытание,

ниспосланное Всевышним. Он проверял его!

Наконец церковные дела подошли к завершению и Виржилиу был свободен. Он намеревался сменить литургическое облачение и покинуть пределы часовни.

— Вам звонят, святой отец, — диакон произнес фразу испуганным голосом, словно священнику звонил сам дьявол.

— Передайте, что я перезвоню, когда вернусь.

Диакон замялся, но не сдвинулся с места.

— Вам стоит ответить прямо сейчас. Звонит епископ.

Священник нахмурился.

— Его Преосвященство не сказал, о чем пойдет речь?

Диакон покачал головой.

— Нет. Он изъявил желание переговорить лично с вами, святой отец.

— Хорошо. Я сию же минуту побеседую с ним.

Виржилиу направился к выходу из часовни. Что за срочность? У епископа достаточно дел. Обычно, он передает послание через третьи лица. Серьезные обсуждения ведутся при личной встрече во время аудиенций. Что могло произойти, вынудив Его Преосвященство, собственноручно набрать номер провинциального прихода и потребовать разговора со священником?

Виржилиу вошел в кабинет и взял трубку, лежащую на столе. Он поздоровался с епископом, поинтересовался его здоровьем и приготовился к выслушиванию очередной проповеди. С каждой фразой произнесенный Его Преосвященством, лицо преподобного становилось мрачнее. Он чувствовал, как внутренний монстр злобно хихикает, наслаждаясь поражением своего хозяина.

— Да, Ваше Преосвященство, я последую Вашим указанием. Я Вас уверяю, что все это — лжесвидетельство! И клеветники будут разоблачены. Я клянусь именем Господа нашего Иисуса Христа, что все это — бесстыжая ложь. Я покорно склоняюсь перед Вашим решением.

Окончив разговор, священник поднял глаза от письменного стола. В дверях стоял диакон.

— Ты здесь, прекрасно. Отмени все литургии и прочие церковные мероприятия. Часовня останется открытой для прихожан, жаждущих вознести молитву, зажечь свечу, но некоторое время службы, исповеди, венчания, отпевания мы проводить не будем.

— Что произошло?

— Меня временно отстранили. Не волнуйся — это ненадолго! Какой-то шутник, решил подпортить мне репутацию. Но, Его Преосвященство, разберется с этим. Или я отыщу этого злопыхателя и заставлю признаться в ереси!

Священник натянуто улыбнулся диакону и вышел прочь из кабинета. Его планы изменились. Он был взбешен. Виржилиу казалось, что они с Кристи пришли к перемирию! Но, нет! Девчонка продолжала его донимать! Она готова разрушить его жизнь, лишь бы узнать имя!

Адвокат вышел из душа. Капли воды на его спортивном теле неторопливо стекали, щекоча гладкую кожу. Он обтер себя махровым полотенцем и посмотрел в зеркало. Его лицо выглядело свежим, лишь губы слегка шелушились. Он взял с туалетного столика гигиеническую помаду и нанес ее на губы. Через несколько минут сухой корочки не будет.

Накинув рубашку и натянув серые брюки, Мирел взял флакон с розовым маслом. Тело адвоката было совершенно, если не считать двух незначительных изъянов: сухость губ и кожи на руках. Первый недостаток легко устранялся при помощи косметического вазелина, без вкуса и запаха. Со второй проблемой, дела обстояли сложнее. Сухость и шелушение рук, можно было избежать, лишь используя масло роз. Эффект был недолгий, но ощутимый. В общественных местах или на встречах, адвокат старался не применять чудодейственное средство: цветочный запах, исходящий от брутального мужчины, мог вызвать насмешки, а адвокат терпеть не мог, когда кто-то подшучивает над ним.

Он открыл флакон и вдохнул аромат эфиров. В дверь позвонили. Адвокат закрыл сосуд, положив обратно на тумбу, и направился к парадному входу. Кого принесло в такую рань? Он не ждал гостей и на дух не переносил, когда его тревожили по утрам!

На пороге стоял мозгоправ. Вид у него был весьма помятый, словно бедолага всю ночь пил и теперь страдал от дикого похмелья.

— Доктор? Какая неожиданность? Что вас подняло с постели в такое раннее субботнее утро? Вы решили все же приобрести особняк и опередить конкурентов? — Мирел одарил врача своей фирменной улыбкой.

— Здравствуйте. Прошу прощения, за столь ранний визит. Мое дело не терпит отлагательств. Про дом мы тоже поговорим.

— Проходите. Я заварю чудесный кофе. Вы явно нуждаетесь в нем, — адвокат отошел в сторону, пропуская Ливию внутрь. Доктор кивнул и зашел в дом.

Анна и Кристи заканчивали завтракать. Сегодня они встали поздно. Шум автомобильного мотора за окном вызвал удивление. Констанца и Михай должны вернуться только завтра. Кристи подошла к окну и осторожно выглянула на улицу. Во дворе припарковался пикап Виржилию. Это было странно. Священнику полагалось до самого вечера заниматься церковными делами, никогда ранее он не заезжал домой днем. Что-то случилось! Сердце Кристи испуганно сжалось. Девочка быстро отошла от окна и села за стол.

Входная дверь хлопнула. Через несколько секунд на пороге кухни появился Виржилию.

— Доброе утро, святой отец! Позавтракаете с нами? — непринужденно поинтересовалась Анна. Она почувствовала напряжение в воздухе. Опять Кристи что-то натворила!

— И вам доброе утро. Спасибо Анна, но я уже поел. Ты не могла бы оставить меня наедине с твоей сестрой, всего лишь на пару минут.

Кристи, нахмутив брови, с подозрением взглянула на священника. Начало разговора ей уже не нравилось. Анна, демонстративно вздохнув, поднялась из-за стола.

— Как скажете, святой отец. Опять будете обсуждать свои взрослые секреты? Не надоело вам плести интриги? Не дом, а королевский двор какой-то! Тайны, заговоры!

Серьезное выражение лица священника смягчилось. Он даже улыбнулся. Анна покачала головой, опять вздохнув. Она покинула кухню, напоследок подмигнув сестре. Виржилию сел на ее место и, сложив руки на коленях, выжидающе посмотрел на Кристи.

— Что? Я ничего не делала? Я даже не выходила из дому?

Виржилию вытащил из кармана сутаны смятый лист бумаги и положил на стол перед девушкой. Это была фотография, распечатанная на принтере, где были изображены Кристи и Вирджилиу, стоящие у машины ночью, когда священник сцепился с Ливию. Девушка

недоуменно взглянула на него.

— И что я должна ответить?

— Твоих рук дело?

— Только в том случае, если я могла находиться в двух местах одновременно! С тобой, и в тоже время тайно снимать нашу совместную фотографию для семейного альбома!

— Тебе кажется забавной ситуация?

— Ты уже слышишь мой внутренний смех?

Кристи чувствовала, как священник начинает ее раздражать.

— Хорошо, ты не делала этого. Тогда, кто мог снять нашу ссору, прислать епископу вместе с письмом, в котором говорится, что я состою в сексуальной связи с прихожанкой?

Виржилиу был на грани, вены у виска вздулись, первый признак, что он, не просто расстроен, а взбешен. Кристи презрительно скривилась.

— Это звучит мерзко! У меня связь с тобой? Серьезно? Я, конечно, не ангел, но заниматься такими гадостями, не стану! Предположим меня, обуяла внезапная страсть к тебе, ты думаешь, я бы стала распространяться об этом? Меня сейчас стошнит.

Священник готов был поверить ей, но что-то здесь не сходилось.

— Ты могла попросить кого-нибудь! Например, твоего друга, врача, сделать снимки. Это прекрасная возможность манипулировать мной. Меня отстранили от церковных дел на время разбирательства. Возможно, тебе неизвестно, что, даже не участвуя в делах церкви, я остаюсь священником и не стану нарушать обеты.

Кристи резко встала со стула и гневно хлопнула ладонями по столу.

— Достаточно!!! Не строй из себя кретина! Я не делала этого!!! Тот, кто совершил этот подлый поступок, куда больше ненавидит тебя, чем я! И не смей сюда приписывать доктора! В отличие от тебя, он не ноет, не жалуется на жизнь, на чертовы условности и правила. Он пытается мне помочь! Он хочет, чтобы мы нашли негодяя, сотворившего со мной и Анной весь этот ужас!

— Чудесно, психиатр решил поиграть в детектива! Он хоть понимает, что тот, кого он ищет, может быть опасен?

Кристи иронично рассмеялась, глядя, как священник спокойно рассуждает о преступнике, чью личность он скрывает.

— Ну, если что-то со мной или с ним случится — это будет твоя вина! На твоей совести будут не только сломанные судьбы десятка девчонок, но возможно и смерть невинных! Но тебе же наплевать?! Ты же хранишь тайну исповеди!

Виржилиу поднялся из-за стола. Его лицо стало каменным.

— Умоляю, хватит изображать из себя великомученика и сними непроницаемую маску безразличия! И знаешь что? Так тебе и надо, что кто-то решил тебя подставить! Ты это заслужил!

Кристи схватила лист бумаги со стола, смяла его и швырнула в священника. Затем выбежала из кухни.

Виржилиу молча взял скомканный лист в руки, развернул его. В чем истина его веры и стремлений? Каждый шаг приближает его к пропасти, вместо того, чтобы отдалить от манящей бездны. Каждый раз, следуя догмам, он нарушает их. Господь дал ему выбор. Но какой из вариантов верный?

В гостиной особняка, интерьер напоминал убранство дворца, словно хозяева, давали

понять, что здесь проживают особы благородных кровей, не простолюдины, занятые грязной работой.

Ливиу чувствовал себя неуютно. От дома веяло холодом и фальшью. Он бы никогда не поселился в таком месте! Доктор предпочитал скромность — кричащей роскоши.

Адвокат, как и обещал, приготовил кофе, аромат которого был невероятно пьянящим. Он предложил доктору расположиться на диване, а сам сел в кресло.

— Я вас внимательно слушаю, — произнес он и сделал глоток. На его лице появилось блаженство. Блондин получал истинное наслаждение от напитка.

— Хочу еще раз попросить прощения за то, что побеспокоил вас, — начал Ливиу. Мирел пропустил извинения врача мимо ушей, — Я бы хотел кое — что узнать о вашей сестре?

Лицо адвоката оставалось невозмутимым.

— О Феличии? Хорошо, спрашивайте. Меня не удивляет ваша заинтересованность. Вы психиатр, а моя сестра постоянная пациентка клиник для умалишенных. Вы наверняка пишете диссертацию. Я прав?

Ливиу улыбнулся адвокату и взглянул на чашку с кофе. Доктор не любил пить горячие напитки, чтобы не обжечься, и предпочитал подождать, пока они остынут.

— Да, я провожу кое-какие исследования. Ваша сестра не единственная, которой удалось вызвать мой интерес.

— Спрашивайте. Расскажу все, что мне известно. Всегда рад оказать услугу научной деятельности.

— Я вам благодарен за содействие. Приступим.

Адвокат кивнул. Доктор не заметил, как в его глазах промелькнула ехидная усмешка.

— Изменения в психике вашей сестры начали происходить после одного инцидента. Простите, я случайно наткнулся в архивах на ее карту и не смог побороть любопытство. В записях говорилось о множественных травмах и сексуальном насилии.

Мирел вновь отпил кофе и поставил чашку на стеклянный стол. Он широко улыбнулся врачу и кивнул.

— Да, такой неприятный случай имел место быть. Но ваши домыслы преждевременны. Вы не были знакомы с моей сестрой, так ведь?

— Нет, только с ее медицинской картой.

Адвокат поднялся на ноги и медленно начал ходить по гостиной взад-вперед, заложив руки за спину.

— Позвольте мне немного рассказать о Феличии. Возможно, это поможет вашим исследованиям.

— Любая информация может быть полезной, — согласился Ливиу, не спуская глаз с блондина, который вышагивал по ворсистому ковру, словно цапля по болоту.

— Моя сестра — позор нашей семьи! И дело не в ее нестабильной психике. Мы не осуждаем психические недуги, с пониманием относимся к людям, которых постигла злосчастная участь.

Ливиу потрогал чашку. Кофе остыл. Он взял чашку в руки, сделал небольшой глоток. Улыбка адвоката стала шире.

— Моя сестра всегда славилась безнравственным поведением. Спросите у любого жителя этого милого городка, они с удовольствием поведают вам о шумных вечеринках, о скопище мужчин в этом доме. Наверняка, среди горожан найдутся те, кто не раз побывал в

постели Феличии!

Доктор поперхнулся. Он поставил чашку на стол и вытер рот рукавом.

— Ваша сестра с подросткового возраста занималась сексом с взрослыми мужчинами? И никто из этих ловеласов не подумал, что им может грозить тюремный срок за половую связь с несовершеннолетней?

Адвокат остановился, покачал головой и развел руками.

— Моя сестра грязная шлюха, которой было все дозволено! Она бы не стала ни на кого заявлять, тогда бы пришел конец ее оргиям!

— Звучит довольно грубо.

— Но это правда. Я юрист и не стану приукрашивать факты!

— Значит все записи в ее карте...

— Это не было изнасилованием, уверяю вас. Ее грязно оттрахал, какой-то очередной ухажер!

Ливиу ощутил, как у него пересохло в горле. Он залпом выпил оставшийся кофе, почувствовав еле заметные горькие нотки в самом конце.

— Ясно. Опять тупик.

Адвокат подошел к тумбочке и взял флакон с розовым маслом. Кожа на его руках подсохла, стала шелушиться. Она требовала увлажнения.

— Мне жаль, что моя сестра не оправдала ни ваших ожиданий, ни моих. Расскажите мне подробности вашего исследования. Возможно, мой опыт и знания в юриспруденции окажутся полезными.

Ливиу покачал головой. Он почувствовал легкое головокружение. Недостаток сна заметно сказывался на самочувствии.

— Вы сможете мне помочь, если у вас есть опыт работы с серийными преступниками, но в этом я сомневаюсь.

Блондин открыл флакон и плеснул масло в ладонь.

— На вашем месте, я бы отбросил сомнение доктор. Ведь не знаешь, где потеряешь, где найдешь.

Ливиу ощутил приторный аромат роз, который мгновенно распространился по гостиной. Запах цветов, который был так ненавистен Кристи. Психиатр обернулся, вновь почувствовав дурноту. Адвокат стоял рядом с тумбой и протирал неторопливо руки.

— Вы чувствуете этот запах? — произнес он, ощущая, что сухость во рту усилилась и говорить становится трудно.

— Эфирное розовое масло. Вам известно, сколько тонн розовых лепестков уходит, чтобы получился один литр этого чудодейственного средства?

Ливиу расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Головокружение усилилось и стало трудно дышать. Он попытался встать с дивана, но ноги не слушались его.

— Не интересовался производством эфирных масел, но могу одно точно сказать, сейчас мне дурно от этого запаха.

— Вы уверены, что в этом причина вашего плохого самочувствия? Не думаю, — голос адвоката звучал как-то зловеще.

Ливиу попытался сфокусировать зрение, но картинка перед его глазами расплывалась, превращая все вокруг в безумный калейдоскоп.

— Мое профессиональное чутье, доктор, подсказывает мне, что ваше ужасное состояние вызвано весьма распространенным фактором — любопытством.

— Ты, ты что-то подсыпал мне в кофе... — с трудом выдавил из себя психиатр, чувствуя, как сознание покидает его и он проваливается в темную бездну.

— При первой нашей встрече ты мне не понравился, мозгоправ. А я всегда доверяю интуиции и в работе, и в личной жизни. Плохая привычка совать нос в чужие дела. Гадкое пристрастие забирать со свалки чужие игрушки и чинить их. Если их выбросили, значит им там место! Ты же не выкапываешь трупы, чтобы воскресить их, доктор?

Мирел брезгливо пнул ногу, развалившегося на диване Ливиу. Тот даже не шевельнулся. Адвокат довольно ухмыльнулся и, взяв чашки от кофе, понес их на кухню.

— Плохой доктор, починил плохую девчонку! — пробубнил он себе под нос. — Доктор нам не помешает, ну, а девочку ломаем.

Кристи долго стучала в двери, но никто не открывал. Ливиу мог выйти в магазин, отправиться на прогулку, сидеть в пабе. Сегодня у него выходной, вряд ли он решил посетить госпиталь. У девушки не было мобильного телефона, и она не могла позвонить ему. Придется вернуться домой, а Кристи не хотела сталкиваться со священником.

— Вот черт! — гневно выругалась она и огляделась по сторонам, в надежде обнаружить хоть одного приличного человека. Просить воспользоваться телефоном у местных алкашей — идиотская затея. Нет, все же придется вернуться.

Кристи ускорила шаг. Может быть через пару часов, когда она доберется до дому, доктор что-то отыщет и порадует хорошими новостями. Она заслужила услышать благую весть! Девушка пыталась настроить себя на позитивный лад, но в душе ее царило смятение. Сомнения, отвратительной гнилью, расползались в разные стороны, образуя комки дурных предчувствий. День начался паршиво и мог закончиться также.

Паника делу не поможет. Кристи успокоится, вернется домой и позвонит доктору. Если же он не ответит, она прижмет священника к стенке и выбьет эти проклятые имена! Вот только, вряд ли этот упрямый осел признается! Не пытаться же его?

Кристи остановилась и хлопнула себя по лбу. Идиотка! Решение было так близко. Она не станет его подвергать пыткам, но может получить информацию с помощью шантажа! Ей достаточно пригрозить, что она расскажет всю историю его родителям! Этот святоша будет глупцом, если продолжит хранить обет молчания, зная, что его возненавидят отец и мать!

Кристи вышла из сомнительного района и направилась по шоссе в сторону дома. Черный мерседес промчался мимо нее на бешеной скорости. Девочка испуганно отскочила на обочину. За рулем сидел явно псих или пьяный.

Внезапно автомобиль затормозил и дал задний ход. Кристи приготовилась услышать кучи брани в свой адрес и намеревалась ответить лихачу, сидящему за рулем. Машина остановилась рядом с ней. Стекло окна опустилось.

— Привет, Кристи.

Девушка наклонилась. Она помнила этого парня. Возлюбленный Анны, брат Фелиции, друг священника.

— Совсем ополоумел? Ты чуть меня не размазал по асфальту! Думаешь, если адвокат, то избежишь наказания за наезд? — возмущенно воскликнула она, пнув ногой колесо машины.

Мирел широко улыбнулся и, потянувшись в ее сторону, открыл дверь автомобиля.

— Извини. Я спешил и задумался. И то, что я юрист, не дает мне право совершать преступления. Садись, у меня к тебе разговор.

Кристи подозрительно прищурила глаза. Этот тип всегда раздражал ее. Да, он был хорош собой, но высокомерный и холодный, как мертвая рыба на льду в витрине магазина.

— С чего ты решил, что я хочу с тобой говорить? Мы с тобой не друзья! Нужен собеседник — иди к своему приятелю священнику, он всех готов выслушать!

Мирел рассмеялся.

— Вижу, его не особо жалуют в этом городе. Но не о нем сейчас речь, а о докторе.

Кристи почувствовала, как заledenели кончики пальцев, еле заметный холодок змейкой, неприятно, прошелся по позвоночнику.

— О каком докторе? — осторожно поинтересовалась она.

Мирел, не переставая улыбаться, покачал головой.

— Странная ты! Твой психиатр — Ливиу. Он попросил отыскать тебя срочно.

— Да неужели, и где же он сам?

Адвокат вздохнул, взирая смеющимся взглядом на недоверчивую Кристи.

— В багажнике, мертвый лежит, — серьезно произнес он, затем вновь улыбнулся, когда заметил, как девушка побледнела — Шучу, в особняке он, с кипой медицинских карт. Он просил помощи у меня с одним деликатным делом. Знаешь, о чем я говорю?

Кристи кивнула, но не спешила прыгать в машину к пижону.

— Откуда мне знать, что ты не врешь?

— Для чего мне это делать? Я не Феличия и не люблю, когда в доме толпится уйма чужих людей. Если ты не хочешь, что же это твое дело. Я не стану тебя упрашивать, просто скажу Ливиу, что ты не пожелала ехать.

Мирел потянулся к двери, надеясь захлопнуть ее. Кристи не позволила это сделать. Она молча села в машину и сама закрыла дверь.

— Ладно, поехали. Но если ты солгал мне и это одна из твоих идиотских шуток, я убью тебя! — процедила она сквозь зубы.

— Я не вру. Доктор действительно находится в моем особняке. Приедешь, сама убедишься. Пристегнись. Скоро будем на месте.

Кристи молча пристегнула ремень безопасности. И украдкой взглянула на Мирела. Адвокат довольно улыбался, как рыбак, поймавший на крючок крупную рыбу. Мотор взревел, словно дикий зверь. Мерседес тронулся, сделал разворот и покати́л обратно к дому у реки.

За окном начинало смеркаться. Анна с беспокойством взглянула на часы. Кристи ушла, ни сказав ей ни слова. Виржилию закрылся в своей комнате и даже не спустился к обеду. Девочке пришлось отобедать в полном одиночестве. Мария была противницей гаджетов. У сестер никогда не было мобильных телефонов, которые в некоторых жизненных ситуациях, например, как эта, могли бы пригодиться.

Анна вздохнув, поднялась с дивана и выключила телевизор. Тревога в ее душе росла с каждой секундой. Если бы Констанца и Михай сейчас были рядом, она могла бы им рассказать о своих переживаниях. Но, увы, опекуны приедут только завтра. Оставался один вариант, нужно поговорить со священником.

Девочка вышла из гостиной, и быстро минув лестницу, оказалась в коридоре. Остановившись перед дверью спальни Виржилию, она на секунду замаялась, сомневаясь в своем решении. Из комнаты не доносилось ни звука, возможно преподобный отдыхал и не желал, чтобы его беспокоили, но выбора не было.

Анна постучала в дверь и стала терпеливо ждать. К ее удивлению, Виржилию сразу же открыл.

— Святой отец, нам нужно поговорить, — голос ее звучал серьезно. И не менее серьезным было выражение лица девочки.

Священник еле заметно нахмурился и кивнул головой, приглашая Анну войти. Она, очередной раз, вздохнув, прошла в спальню.

— Присаживайся, — Виржилию указал ей на кресло в углу комнаты.

Анна категорически замотала головой в знак отрицания.

— Я лучше постою.

— Как пожелаешь. Я тебя слушаю, — священник присел на край кровати и внимательно посмотрел на нее.

— Возможно, вам покажется глупым мое беспокойство и абсолютно напрасным, но я должна с кем-то поговорить. А единственный, кто может в данную минуту меня выслушать — это вы, святой отец.

— Я всегда готов выслушать тебя и любого другого человека, нуждающегося в моей поддержке. Но если ты намерена исповедаться, а не беседовать, то тебе придется немного потерпеть. Меня временно отстранили от церковных дел.

— Нет, я пришла с вами просто поговорить.

— Хорошо, я весь во внимании.

— Дело касается Кристи.

Виржилию усмехнулся. Он догадывался, что речь пойдет об этой несносной девчонке. Она наверняка, что-то вновь вытворила, иначе бы Анна не пришла к нему.

— Она до сих пор не вернулась.

— Я бы не стал беспокоиться. Она уже не впервые уходит и возвращается поздно ночью.

— Нет! — воскликнула негодуя Анна.

Священник от неожиданности вздрогнул, реакция девочки его напугала.

— В этот раз, все иначе! Я чувствую это, с ней что-то произошло. Она должна была вернуться! Кристи разругалась с вами и убежала из дому. Хорошо, она отправилась прогуляться, успокоить нервы, но до вашей ссоры, она мне обещала, что поужинает со мной.

Время настало, а ее все нет.

Виржилиу покачал головой.

— Ты прекрасно знаешь свою сестру, она могла изменить свое решение.

— Вы не слышите меня! — Анна повысила голос. — Я вам говорю, с ней что-то случилось! Нужно отправиться в город, и найти ее!

Виржилиу поднялся с постели и подошел к Анне. Взяв ее за плечи, он взглянул в глаза, наполненные слезами.

— Анна, твоя сестра вряд ли хочет, чтобы ее искали, поверь мне!

Анна гневно сбросила с себя руки священника, она полыхала от ярости. Впервые священник видел девочку такой. Она всегда была мила, набожна и тактична, а сейчас Анна напоминала ему Кристи. То же выражение лица, тот же ненавидящий взгляд!

— Не хотите помочь мне? Ладно. Я сама отправлюсь в город и отыщу сестру. А вы и дальше сидите в своей комнате и жалейте себя. Неужели вы думаете, если вас отстранили от прихода, вы перестали быть священником? Вы обязаны и дальше служить Господу! Вы должны помогать людям! Но видимо вас интересуется лишь церковная карьера, а не служение Всевышнему и его пастве!

Анна одарила преподобного презрительным взглядом и уверенным шагом покинула комнату.

Виржилиу взглянул на распятие, висящее на стене. И, закрыв лицо руками, тихо прошептал:

— Твои испытания, Господи, сведут меня с ума! Эти девчонки сведут меня с ума! Дай мне сил справиться с ними, не позволяй мне оступиться и впустить в сердце гнев.

Священник убрал руки с лица, и еще раз взглянув на распятие, выбежал из комнаты, надеясь, что Анна еще не покинула дом и не отправилась в одиночку на поиски сестры.

Голова раскалывалась от боли, словно тысячи маленьких зловредных гномов, стучали по ней молотками. К горлу подступала тошнота. Кристи открыла глаза. Веки были тяжелыми. Во рту пересохло. А все тело, словно сковало стальной цепью. Девочка тихо застонала. Ей снился дурной сон. Очередной кошмар, который она переживала вновь и вновь.

Кристи попыталась подняться, но ее тело полностью онемело. Она не могла пошевелить ни руками, ни ногами. Ее окружала тьма. Девушка пыталась сфокусировать взгляд, но безуспешно, мрак не рассеивался. Она обессиленно закрыла глаза и стала вслушиваться в тишину. Через несколько минут, до слуха Кристи, стали доноситься негромкие звуки. Рядом кто-то находился. Кто-то ровно дышал в темноте. Дыхание спящего человека.

Кристи с трудом повернула голову, в сторону доносящихся звуков, и вновь открыла глаза. Ничего не было видно. Она стала ждать. Глаза привыкнув к темноте, и ей обязательно удастся разглядеть, хотя бы очертания незнакомца. Время шло, и мрак начал с неохотой обретать формы, раскрашивая все вокруг черными и темно-серыми тонами.

Она находилась в каком-то помещении. Комнате или кладовой. Девочка мучительно старалась вспомнить, как она сюда попала, но память не желала давать ответов. Последние воспоминание Кристи было о том, как она садилась в машину адвоката.

Может они попали в аварию, и она сейчас в больнице? В коме? Или же смерть забрала ее в свои холодные объятия?

Кристи попыталась позвать на помощь, но сухость во рту, не позволила ей произнести

ни слова. Состояние беспомощности сводило ее с ума.

Глаза привыкли к темноте, и Кристи увидела человека, сидящего на полу. Он спал, прислонившись к стене, его голова была безвольно опущена, а руки, странным образом, заложены за спину. Кристи напрягла зрение, чтобы лучше рассмотреть незнакомца. Это был мужчина. Спящий был связан.

Девочка почувствовала, как у нее все похолодело внутри. Она знала его! Она направлялась на встречу с ним! Это был доктор!

Кристи услышала биение своего сердца, которое испуганно заколотилось, готовое в любую секунду выпрыгнуть из груди. Девочка попробовала вновь пошевелиться, но опять попытка обернулась крахом.

Нет, нет, нет! Этого не может быть! Она, как идиотка, попала в ловушку, второй раз! Монстру удалось ее обмануть и затащить в свое убежище!!! Кристи должна выбраться! Если она не сбежит, то на этот раз, он ее не оставит в живых! Чудовище растерзает на куски, выпотрошит не только душу, но и тело!

Кристи почувствовала, как горячей струйкой скатилась по лицу слеза. Девочка попыталась закричать от бессилия, но из ее горла раздался лишь тихий хриплый стон.

Кошмар повторялся вновь. Монстр снова победил, с легкостью заманив ее в капкан! Она была так глупа, гналась за возмездием, и забыла об осторожности! А теперь из-за безрассудства Кристи, пострадает и Ливиу, который жаждал ей помочь и сам стал жертвой безжалостной твари.

Девушка напряглась всем телом, пытаясь пошевелить хотя бы пальцем. Нет, ничего не вышло! Этот гад, накачал ее чем-то! Кристи закрыла глаза. Она должна успокоиться и хорошенько все обдумать. Нельзя, чтобы извращенец снова победил! Нельзя допустить монстра до ее тела. Он не посмеет притронуться к ней! Он не сможет больше насиловать и истязать ее плоть! Нужно прекратить жалеть себя и поразмыслить, как выбраться из ловушки и спасти доктора!

Темное шоссе, среди холмистой местности, было почти пустым. Редкие автомобили неслись навстречу, ослепляя дальним светом. Ночь наступила внезапно, принеся с собой порывистый ветер, который неистово качал лесные деревья, грозя их вырвать с корнем. Несколько сухих веток валялось на магистрали, становясь неприятной, но преодолимой преградой для водителей.

Констанца гнала машину с бешеной скоростью. Она должна была успеть добраться до дому не позже полуночи. Женщина давно не садилась за руль, но сейчас ситуация требовала отсутствия страха и экстренного вмешательства.

Михай приедет завтра первым автобусом. У нее достаточно времени, чтобы уладить все до его приезда. В любой другой раз, Констанца бы все рассказала мужу и попросила его о помощи. Но не сейчас. Это была ее битва. Она должна со всеми делами разобраться сама!

Объезжая поваленные ветки, и не сбавляя скорость, Констанца, дважды чуть не съехала в кювет и не стала причиной аварии. В данную минуту она не боялась смерти. Женщина чувствовала, что высшие силы уберегут ее от несчастий. Она доберется до дому целой и невредимой. Она окажется в городе и сделает то, что велит ее сердце и разум!

Виржилиу неторопливо вел автомобиль, вглядываясь в лица мимо идущих прохожих. Анна сидела рядом, тоже внимательно смотрела в окно, в надежде на одной из улиц

заметить сестру. Священник пытался уговорить ее остаться дома, но девочка уперлась, ни в какую не соглашаясь, безропотно ждать в особняке возвращения Кристи. Виржилиу пришлось ее взять с собой. Они молча ехали по вечернему городу, в надежде отыскать беглянку.

Преподобный свернул в район трущоб. Анна никогда не бывала здесь раньше, но знала об этой части города. Мария частенько называла жителей этой местности, порочными нечестивцами, которым уготовано место в аду. В основном, в старых потрепанных зданиях обитали пьянчуги и проходимы, промышляющие мелким воровством. Кристи вряд ли решилась бы посетить это место в одиночку.

— Святой отец, вы уверены, что моя сестра может оказаться здесь? — прервала молчание Анна, с недоверием посмотрев на священника, который остановил пикап у ветхого строения.

Виржилиу усмехнулся и поставил автомобиль на ручной тормоз.

— Ты слишком плохо знаешь свою сестру. Она часто бывала в этом месте. Но не беспокойся, Кристи не связалась с алкоголиками или темными личностями. В этом доме живет психиатр, который к ней приходил.

Анна с сомнением оглядела округу. У одного из подъездов шумная компания распивала спиртные напитки. У мусорных баков кто-то лежал, укрывшись старым рваным одеялом. Девочка надеялась, что бедолага не мертв, а просто бездомный, спящий после тяжелого дня. Мимо машины прошли две дамочки в ярких вызывающих одеяниях. Они были навеселе и явно куда-то спешили. Анна сразу догадалась куда. Это были блудницы. Мария пугала дочерей ими. Она говорила, если девочки отступят от законов Господа и поддадутся соблазну, то их ожидает судьба дамочек с улицы, которые продают плоть ради пропитания и развратных желаний. Бог отворачивается от предателей и бросает в объятия Сатаны.

— Сиди в машине. Я скоро вернусь. Никому не открывай, даже окно. Не вступай в разговор. Сейчас поздно, и большинство из местных, уже изрядно выпили. Они только и ждут с кем бы повздорить. Ты меня поняла?

Анна, закатив глаза, покачала головой.

— Я что, похожа на глупых героев фильмов ужасов, которые вечно делают все наоборот? Я останусь здесь и буду вас ждать.

Священник улыбнулся.

— Хорошо, — он потянулся к ручке двери, намереваясь выйти из машины, но внезапно передумал и обернулся к девочке. — Фильмы ужасов? Где ты их смотрела? — в голосе прозвучало беспокойство.

Анна вздохнула и улыбнулась.

— С вашими родителями я смотрела фильмы. Там не было ничего ужасного. Только кучка глупцов и хитрый злодей. Вы думаете, что Констанца и Михай разрешили бы мне смотреть кино, которое бы негативно отразилось на моей психике?

— Ладно. Мама и папа точно бы, этого не сделали.

Священник покинул автомобиль и запер дверь. Анна помахала ему вслед. Эти взрослые такие наивные, верят во все, как дети.

Мария ограничивала свободу девочек. Литература, кинематограф, игры, журналы, мультфильмы — все было под запретом! Пока Кристи выводила из себя мать, Анна читала в библиотеке книги. Ей пришлось записаться в другой филиал, чтобы Мария не догадалась о ее страсти. Она всегда проверяла, что берет дочь. Анна не носила домой запрещенные

материалы, она несколько часов в неделю уделяла чтению в зале библиотеки.

Переехав к Констанце и Михаю, девочка приобрела неограниченный доступ к информации. Она с удовольствием стала осваивать книжную коллекцию опекунов. Так же, вечерами, составляла им компанию при просмотре вечерних кинокартин. Если ей фильм не нравился или пугал, она просила прощения за то, что покидает их, и отправлялась спать. Но если лента вызвала интерес, то девочка сидела до самого конца трансляции. И на вопросы опекунов, не страшны ли ей сцены в картине, уверяла, что ночью кошмары не будут сниться.

Священник вернулся. У него был весьма обеспокоенный вид. Он завел машину.

— Ее нет там, — твердо произнесла Анна за него. Преподобный кивнул.

— Ни ее, ни доктора. Это странно. Съездим в госпиталь. Возможно они там.

— Хорошо, едем.

Пикап тронулся. Виржилиу повернул в сторону больницы. Его терзали сомнения. Он знал, что вряд ли найдет там Кристи и Ливиу, но должен был убедиться, что там их тоже нет, и не было. Если священник окажется прав, то останется одно место, куда парочка могла отправиться. И ему совсем не нравилась перспектива ехать в дом у реки поздно ночью, да еще с двенадцатилетней девочкой в автомобиле.

Кристи тяжело дышала. Она продумала в голове множество ситуаций, которые могли бы оказаться спасительными, обрети она возможность двигаться. Но тело, все также, было парализовано и не желало слушаться ее.

— Ливиу... Очнись... Прощу тебя... — прошептала она сиплым голосом. Слова ей давались с трудом, каждый звук сопровождался мучениями, словно острые когти скребли по гортани.

Доктор был без сознания. Он не слышал ее и неизвестно, сколько еще пробудет в таком состоянии. Монстр позаботился о том, чтобы вырубить психиатра надолго. Он должен очнуться! Если этого не произойдет — они обречены! Никто не знает, что они здесь! Даже если их начнут искать, пройдет достаточно времени, и чудовище избавится от тел, уничтожив все улики!

Внезапно в комнате немного посветлело. Кристи ощутила, как все внутри сжалось. Тонкая полоса света проникла во мрак. По помещению разлился приторный запах роз. Девочка испуганно зажмурила глаза. Монстр был здесь! План побега не удастся осуществить!

Кристи почувствовала тяжелое дыхание рядом с лицом, но глаза не открыла. Нет, она не позволит ему питаться своим страхом.

— Ну, здравствуй, Кристи, — шепот звучал мерзко. От этого голоса девушку вновь начало мутить. — Скучала по мне?

Кристи хотелось сейчас плюнуть в лицо этому мерзавцу, но во рту было сухо и единственное, что ей оставалось, стиснуть зубы и молчать.

Она услышала его победоносный смех. И через секунду почувствовала, как его рука легла на грудь. Кристи собрала волю в кулак, чтобы не разреветься. Он не получит такого удовольствия, как в прошлый раз, когда она вопила от боли и истязаний.

Монстр схватил за ворот тонкого свитера и приподнял девушку, приблизив ее лицо к своему.

— Стараешься быть сильной? Думаешь, я не сломаю тебя, как той ночью? Ошибаешься, дорогуша! Я получу двойное удовольствие от твоих стонов. Я буду кончать каждый раз, когда

ты будешь извиваться от боли и молить меня о пощаде!

Кристи продолжала стискивать зубы, стараясь держаться изо всех сил, чтобы чудовище не обрело власть над ней. Девушка не желала представлять, что он собирается с ней сотворить.

— Я тебя сломаю, мерзкая дрянь, — голос монстра изменился, в нем послышались нотки негодования. — Я навел о тебе справки. Тебя хорошо подлатали, после наших невинных любовных утех. Тебе удалось сохранить свой куриный рассудок. Не утопить горе в вине, как моя сестренка. Эту пропитую шлюху, даже трахать противно стало в последнее время, пришлось отправить ее на принудительное лечение. А я, так соскучился по разнообразию!

Кристи не хотела слушать рассказы о похождениях мерзавца, она попыталась уйти в себя. И единственное, что могло ее отвлечь, была молитва. Глупая молитва, от которой не было никакого проку и в тоже время — являлась единственным спасением, чтобы не впасть в безумие. Стихи Святого писания безудержно понеслись у нее в голове, превращаясь в нескончаемый хоровод.

Монстр отпустил ворот свитера, и голова Кристи упала на постель. Рука чудовища заскользила по одежде. Он просунул свою шершавую ладонь под кофту и стал расстегивать девушке брюки, продолжая говорить:

— Ты думала, что все закончилось? Нет, ты так не думала! Ты меня искала! И впутала в свое расследование несчастного мозгоправа. Ну что же поздравляю, вы меня нашли! Надеюсь, вы останетесь довольны результатом поисков.

Кристи почувствовала, как монстр начал стаскивать с нее штаны вместе с нижним бельем. Чем он ее накачал? Почему она не может пошевелиться, а чувствительность кожи сохранилась? Кошмар повторялся вновь! Только на этот раз не было парня с камерой. Монстр действовал один. Девочка, еще настойчивее стала взывать к Господу.

— Мне даже не нужен свет, чтобы я узрел каждый шрам, оставленный на твоём теле мной, — дыхание монстра участилось, когда он начал медленно водить рукой по телу девушки. Сначала по ногам, затем направил руку к животу, схватил свитер и задрал его к шее, обнажая грудь.

Кристи была на пределе. Она не станет молчать. Хватить уповать на милость Всевышнего!

— Я надеюсь, что трахая меня, ты сдохнешь от инфаркта, ублюдок... — не выдержала девушка и прохрипела, словно раненая лошадь. Кристи открыла глаза и увидела перед собой идеальное лицо адвоката, носившее маску постоянного высокомерия. Даже во мраке, его улыбка сияла белизной, превращаясь в жуткий оскал.

— Заговорила, — довольно произнес он, — Прекрасно. Жаль, что мне придется наказать тебя за такие гадкие слова, вылетающие из маленького бесстыжего ротика.

— Чокнутый ублюдок...

Кристи почувствовала, как Мирел, схватил ее резко за волосы и притянул к себе. Она ощущала, как его сухие губы прикасаются к краю уха.

— Ты маленькая, строптивая тварь! Я разорву тебя в клочья, и не один хирург не сможет собрать! Но перед тем, как выбросить тебя на свалку, я хорошенько повеселюсь! И мы посмотрим, через пару часов, как ты меня будешь называть. В твоих глазах я стану богом, когда ты начнешь меня молить о сохранении никчемной, пустой жизни!

— Лучше сразу, убей меня! Тебе не сломать меня снова!

Кристи почувствовала, как зубы монстра впились в ее щеку. Кожа с треском лопнула, и адская боль парализовала лицо. Девочка стиснула зубы, чтобы не закричать и вновь зажмурила глаза, не давая слезам выдать себя.

Мерел отпустил Кристи и расхохотался, как безумный.

— Ах ты, хитрюга! Тебе не удастся сбежать и пропустить все веселье! Смерть это прекрасно, но слишком легко для тебя! Вначале, мы развлечемся. Вот только придется немного подождать, пока очнется доктор. Не могу устраивать грандиозное шоу без зрителей! Адриан, к сожалению, был не осмотрителен и раньше времени отправился к праотцам. Не без моей помощи конечно! Так что, плохая девчонка, как только мозгоправ придет в себя, а это случится очень скоро, мы начнем нашу незабываемую вечеринку, где ты — будешь звездой!

Кристи услышала, как монстр покинул комнату. Как только его шаги стихли, она разрыдалась. Слезы попадали на укушенную Мирелом щеку, вызывая жжение. Кровь тонкой струйкой текла по лицу и шее, расплываясь багровым пятном на постели. По обнаженному телу прошла дрожь.

Все кончено! Монстр победил! Шансов спастись не осталось. Единственное, что способно избавить ее от мучений — это смерть или чудо. Но в чудеса, Кристи не верила! Они обходили девушку стороной.

Священник чувствовал, что теряет самообладание. Монстр внутри него, крушил преграды, как картонные перегородки. Еще немного, и он окажется на свободе! Самое страшное в данный момент — потерять контроль, если чудовище одолеет его, то Виржилиу, в порыве безумия, не сможет трезво оценить ситуацию и спасти Кристи.

— Анна, я отвезу тебя домой. Обещаю, я верну твою сестру целой и невредимой, но ты должна остаться в особняке. Там безопасно.

— Нет уж, я поеду с тобой.

— Анна! Послушай меня!

Священник перешел на крик. Его лицо исказилось гневом, но девочку это не испугало. Она не раз видела такое выражения у Марии, когда та впадала в ярость, если кто-то нарушал правила и перечил ей.

— Святой отец, не кипятитесь. Успокойтесь, вы ведете автомобиль. Я надеюсь, вы не жаждете попасть в аварию? — невозмутимо произнесла она.

Виржилиу свернул на обочину и резко затормозил пикап. Он, тяжело дыша, повернулся к Анне. Священник явно нервничал.

— Милая, послушай меня! Ты представления не имеешь, что происходит! Я дурак и слепец, который прикрывался сутаной и божьими законами, чтобы не лезть в то дер... — он осекся, — Не лезть в болото, в котором можно не только измазаться, но и утонуть. Я прошу тебя, дай мне вытащить твою сестру из этой топи. Я виноват перед Кристи, и не желаю подвергать риску тебя!

Анна нахмурила брови. Сделала очередной глубокий вздох, частые вздохи у нее вошли в привычку.

— Да, возможно вы слепец и глупец, — согласилась она, к удивлению Виржилиу. — Но я — не вы. Возможно, я маленькая девочка, воспитанная в строгих религиозных традициях, но не дура. Я научилась видеть и слышать то, что другие предпочитают не замечать. Я приспособилась читать между строк. Возможно — это плохое влияние детективных историй

Агаты Кристи, Джеймса Чейза и Конан Дойля, но только благодаря им, я смогла увидеть картину происходящего целиком.

Священник покачал головой. Эта девочка, была куда своенравней, чем ее старшая сестра. Анна предпочла не обращать внимание на реакцию Виржилию и продолжила монолог.

— Я собрала все факты, разложила их по полкам и получила ответы на интересующие меня вопросы. И что же мне удалось узнать, благодаря скудным крохам, что удалось раздобыть? Первое: ваша сестра и моя сестра, стали жертвами какого-то сексуально-озабоченного психа...

— Анна, откуда ты набралась таких слов... — священник не узнавал спокойную и скромную девчущку, которую приютили родители.

— Хватит меня расспрашивать, мне не пять лет! Я много читаю. Позвольте продолжить. Далее. Этот маньяк имеет какую-то связь с вами. Простите, я подслушала ваш разговор с моей сестрой, который произошел недавно в вашей спальне. Стены тонкие, все слышно. Да, и я еще прочла дневник Анны, за это тоже прошу прощение.

Священник потер лоб, с ужасом глядя, на сообразительную и пронырливую девчонку, которая вместо того, чтобы играть в куклы, читать Библию и мечтать о поездке в Диснейленд, занималась полицейской работой.

— У меня появились три подозреваемых: вы, ваш друг и психиатр. Доктора я исключила сразу: он недавно в городе и не мог причинить вред ни Кристи, ни Анне. Но его интерес к моей сестре весьма подозрителен. Я предполагаю, что он влюблен в нее и пытается искренне ей помочь.

Виржилию сглотнул слюну. Девочка была чересчур умна для своих лет.

— Вы шли следующим в списке. И все улики указывали на вас. Вы находились в городе в тоже время, когда над Кристи и Анной было совершено насилие. Вы что-то скрываете. И вы не ладите с моей сестрой. Идеальный злодей, прикрывающейся маской священнослужителя. Но потом, я поняла, что вы святой отец — не психопат. Вы выгораживаете преступника. Возник вопрос: почему? На вашем месте, я бы кинулась мстить за смерть сестры или выдала злодея полиции. Нет, вы не сделали ни то, ни другое. А это значит, вы хороший священник, не желающий нарушать законов божиих и церковных. Ну и вторая причина, у вас нет улик, доказывающих вину насильника.

— Ты настоящая Вероника Марс! Откопала всю подноготную.

— Спасибо. Позвольте закончить. Времени у нас мало.

Виржилию кивнул.

— Я знаю, вы хотите помочь моей сестре и наказать злодея, но вы связаны. И я предполагаю, что вы тоже влюблены в Кристи.

Священник рассмеялся, но в тоже время смутился на мгновение.

— Давай ты прекратишь развивать любовную линию в своем рассказе.

— Это мое мнение. И если вы заметили, святой отец, я редко ошибаюсь. Ну, перейдем к главному предполагаемому преступнику. Третий подозреваемый это ваш друг — адвокат. Противный тип, мы его с Констанцией однажды встретили в булочной. Он идеально подходит под мой профиль. Юрист ежегодно приезжал в этот город. Он богат и у него связи. Он, наверняка, чертовски умен и подчищает за собой. Отыскать улики будет сложно, но они есть. Такие люди всегда хранит сувениры, забирая их у жертв. Это я видела в одном сериале.

Священник зааплодировал. Да, Анна справилась на отлично. Ее ждало великое будущее

в криминалистике, если она решит и дальше заниматься расследованиями.

— Закончила? Теперь я отвезу тебя домой, а сам, поеду нарушать законы церкви и людей, дабы спасти твою сестру. Пока не поздно...

— Мы потратили целый век на болтовню. И если вы повезете меня домой, то еще больше времени будет утеряно. Предлагаю, отправиться прямо сейчас к дому у реки. Обещаю, я буду сидеть в машине, и извращенец — блондин с фальшивой улыбкой, до меня не доберется.

Виржилию развел руками и завел мотор. С Анной было бесполезно спорить. И она в очередной раз оказалась права. Он мог бы не слушать ее доводы, и насильно отвезти девочку домой. Но они теряли время, каждая минута могла стать последней для Кристи.

Особняк, окруженный садом, казался пустым и забытым всеми. Уличные фонари освещали двор, но в самом доме свет был потушен. Домочадцы либо спали, либо отправились всей компанией на ночную прогулку, что было маловероятно.

Констанца осторожно въехала во двор, предварительно потушив фары. Она не хотела, чтобы кто-нибудь знал, что она вернулась раньше времени. Не сейчас. Лишние расспросы ни к чему.

Покинув бесшумно автомобиль, она подошла к входной двери и прислушалась. В доме стояла тишина. Ни звука телевизора, ни голосов девочек. Тихо, как в могильном склепе. Отворив дверь, Констанца вошла в дом. На мгновение ее охватило желание подняться наверх и взглянуть на спящую Кристи и Анну, но женщина остановила себя. Не сейчас.

Бесшумно ступая по деревянному полу, она направилась к двери, ведущей в подвал. Старые петли тихо скрипнули. Констанца замерла. В доме царил безмолвие. Звук не потревожил сон жильцов.

Женщина осторожно спустилась вниз. Она передвигалась буквально на ощупь, крепко держась за перила. Во тьме отыскав выключатель, она зажгла свет. Неоновая лампа, моргнув несколько раз, наконец, зажглась, рассеяв мрак подвала.

Множество коробок, старые предметы интерьера, инструменты Михая заполняли помещение, превращая его в настоящий склад с барахлом. Но здесь было и множество полезных предметов, которые редко использовала семья Ливиану.

Констанца уверенно направилась к темному углу, где на старой тумбе, завешенный пыльной простыней, лежал большой продолговатый ящик.

Кристи почувствовала легкое покалывание в ногах и руках. Паралич, медленно и неохотно, освобождал ее тело от сковывающих цепей. Она могла немного шевелить пальцами, но конечности все еще не слушались ее. Но это был шанс. Маленький, возможно пустой, но все же шанс одолеть монстра или избежать смерти.

У стены послышались стоны. Доктор тоже начал приходить в сознание. Кристи повернула к нему голову. Ливиу открыл глаза и, растерянно, словно в пьяном бреду, пытался понять, где он находится и что с ним произошло. Его взгляд остановился на лежащем теле. Он несколько секунд всматривался в лицо, словно пытался узнать. Возможно окровавленная щека, спутанные волосы мокрые от слез, вызывали у него сомнения, она ли это?

— Что он с тобой сделал? — еле слышно прохрипел парень, пытаясь подняться с пола и пошевелить руками и ногами. Он не сразу осознал, что его конечности связаны и ему вряд ли удастся избавиться так легко от пут.

Кристи шмыгнула носом, стараясь держать себя в руках и не раскисать на глазах у доктора.

— Пока еще ничего.

— Тогда почему у тебя лицо в крови и ты полуголая?

— Это он разминался перед тем, как начать пытки.

Ливиу задержался, пытаясь, избавиться от веревок, синтетические волокна больно впивались ему в щиколотки запястья, но не ослабевали.

— Мы должны выбраться отсюда. Развяжи меня.

Кристи всхлипнула, и попыталась вновь пошевелить пальцами, которые все еще не желали функционировать нормально.

— Боже, что он с тобой сделал? — Ливиу почувствовал волну гнева, нахлынувшую на него.

— Я не могу пошевелиться, он меня парализовал чем-то. Я не знаю, как это произошло.

— Мне он подсыпал какое-то снотворное в кофе. Я идиот, совсем потерял бдительность. Знал же, что не стоит доверять никому, когда расследуешь такой случай. Прости меня.

Кристи, больше не в силах сдерживать эмоции, заплакала навзрыд. Ее хрупкое тело еле заметно вздрагивало на постели, словно девчушка билась в конвульсиях. Ливиу отвернулся и вновь предпринял попытку освободиться от веревок. Он встал на колени и согнувшись назад, старался дотянуться до узлов на ногах. Если он освободит ноги, у него будет преимущество, он сможет передвигаться. Но, к сожалению, осуществить задуманное психиатр не успел.

Бесшумно открылась дверь, и в полосе света показалась тень. Монстр вернулся, чтобы закончить свое грязное дело.

— Так, так. Смотрю все пришли в себя и готовы принять участие в самом фееричном и незабываемом шоу этого года! Но я окрестил бы происходящее событие иначе: судебным процессом. И наказание за ваши преступления, будет приведено в исполнение прямо в зале суда. Я, с превеликим удовольствием, выступлю в роли палача, — голос Мирела звучал иначе, словно он пародировал кого-то.

Кристи помнила это противный голос, именно так монстр разговаривал с ней, когда впервые насильовал ее и подвергал пыткам. Вот почему она не могла раньше узнать его. Он умело скрывал свою личность.

Адвокат медленно подошел к девушке. Он был облачен в длинный махровый халат, который обнажал его гладковыбритую грудь. Кристи почувствовала, как сознание покидает ее. Она поняла, что ей не удастся сбежать. Монстр готов приступить к своим извращениям прямо сейчас! Если ему удастся осуществить задуманное, Кристи предпочла бы упасть в обморок, чем переживать все истязательства заново.

— Отойди от нее, психопат!!! — воскликнул Ливиу. Он весь напрягся, пытаясь разорвать веревки, не обращая внимания на боль и кровоточащие запястья. От напряжения у него вздулась вена на лбу.

Мирел широко улыбаясь, повернулся к психиатру. Его несколько не заботили пустые попытки врача освободиться. Адвокат не впервые связывал своих жертв, хрупких девочек. Он всегда использовал пластиковые наручники и прочную синтетическую бечевку, которые не только было сложно разорвать, но они навсегда оставляли глубокие шрамы на коже заложниц, что приводило Мирела в неопиcуемый восторг.

— На твоём месте мозгоправ, я бы наслаждался зрелищем. Вряд ли ты в своей практике,

когда-либо сталкивался с таким удивительным событием, которое сейчас происходит на твоих глазах, — тон адвоката был торжествующим и надменным.

— Тронешь ее, я убью тебя! Клянусь, убью! Я лично прослежу, чтобы ты умирал долго и мучительно, — процедил Ливиу сквозь зубы. Его глаза налились кровью, и адвокат понял, этот докторишка явно не шутит. Но к счастью, козыри были в руках Мирела.

— Ты тратишь мое и свое время, доктор. Наслаждайся, — с этими словами, монстр небрежно перевернул Кристи на живот, словно тряпичную куклу. Повернув голову девочки в сторону врача, чтобы он мог смотреть ей в глаза, пока адвокат будет насиловать бедняжку в своей излюбленной позе.

Ливиу прислонившись спиной к стене, стал медленно подниматься. Он знал, что попытка остановить ублюдка, не увенчается успехом, но он мог потянуть время. Встав на ноги, и пытаясь сохранить равновесие, доктор сделал несколько прыжков и оказавшись позади блондина, со всей силы ударил его лбом в затылок. Психиатра отбросило назад, он не смог сохранить равновесие и упал на спину. Он осознал, что сломались кости в правой кисти, так как неимоверная боль сковала его руку.

Адвокат от неожиданности удара, повалился на Кристи. Девочка почувствовала, как его нос впечатался в ее выступающий позвоночник. Ее спина не пострадала, возможно, появится синяк, чуть выше крестца. А вот нос монстра хрустнул, как спелый арбуз. Кристи почувствовала и боль от удара, и горячую кровь блондина на коже.

Мирел, схватившись одной рукой за край кровати, а другой держась за сломанный нос, попытался подняться на ноги, но ему не удалось осуществить задуманное с первой попытки. Второй раз оказался более удачным. Он поднялся, но голова кружилась.

Внезапно, он услышал тихий смех, с каждой секундой превращающийся в безумный хохот. Казалось, демоны из ада прорвались через тонкую завесу в людскую реальность, и теперь, всюду насмеялись над ним.

Адвокат злобно взглянул на доктора, свернувшегося на полу от боли, но пытающегося сохранить достоинство перед ликом смерти. Лицо Ливиу было искажено муками, а в глазах появились победоносные искры. Его рот был стиснут. Ему было не до смеха.

Мирел, задыхаясь от гнева, обернулся к Кристи. Девчонка безудержно смеялась, прерывисто вздрагивая на постели в луже багровой жидкости, которая расплескалась по ее телу и простыне, когда он сломал нос. Девочка хохотала, словно ополоумела.

— Вот... Ахахахаха... Вот и тебя, Ахахаха... Тебя сломали... Ахахах, — пыталась донести что-то до монстра Кристи, но смех мешал ей произнести фразу целиком.

Адвокат тяжело задыхался. Стиснул в кулак свободную руку, и твердым шагом направился к лежащему на полу доктору. Оказавшись рядом с ним, он начал со всей злости бить его ногами: в живот, по лицу, по коленям, по спине.

— А такой поворот событий вызывает у тебя смех? Дрянная девчонка!!! — злобно воскликнул он, продолжая наносить удары.

И тут рассмеялся психиатр. Нет, ему было больно! Адвокату даже удалось разок врезать ему по челюсти и разбить губу. Но колотить босой ногой человека, не самая лучшая идея, и тем более, не безопасная. Ливиу изловчился и со всей и силы впился зубами в ступню психопата, пытаясь максимально нанести ему ущерб.

Мирел неожиданно взвизгнул тонким голоском, как девица, и отдернул ногу. Кусок кожи, оторванный зубами доктора, повис, словно тряпица на ступне адвоката.

— Ах, тварь... — прошипел он, тяжело дыша, — Ты посмел дважды, осквернить мое

идеальное тело! Кусок дерьма!

Внезапно за дверью раздался звон стекла, и какой-то грохот. Кто-то пробрался в дом. Грабителей только не хватало, для полной картины! Адвокат злобно взглянул на доктора, затем на девочку, чертыхнулся и вышел за дверь.

Кристи перестала смеяться. И сделала глубокий вдох. Она посмотрела на Ливию, который сейчас был почти ее братом-близнецом: лицо в крови, и невозможность двигаться.

— Теперь я не только знаю, но и могу представить, каково тебе было, когда этот кровожадный псих издевался над тобой, — прошептал он, пытаясь улыбнуться.

— Малоприятный опыт. Но ты молодец, несмотря на беспомощность, в твоём нынешнем состоянии, тебе удалось его хорошенько отделать. Даже если ублюдку удастся избавиться от нас, то эту ночь он будет помнить до конца своих дней.

— Мы выберемся, обещаю тебе, — произнес Ливию, и тихо застонал, пытаясь подняться.

Кристи улыбнулась ему в ответ. Психиатр оказался хорошим человеком, который не оставил в беде, и даже не задумываясь рискнул своим здоровьем, чтобы спасти ее. Она будет благодарить его до конца жизни, если они выберутся из этого проклятого места. Если останутся в живых...

Адвокат, вытирая нос рукавом халата, прихрамывая и оставляя за собой кровавый след, вошел в гостиную. Стеклопанная дверь, ведущая на террасу, была разбита. Осколки валялись на паркетном полу и дорогом ковре. В помещение горели лишь бра у камина, отбрасывая тусклый свет. Некто специально потушил главное освещение, видимо, чтобы создать интимную обстановку.

Мирел огляделся. В гостиной кто-то был. Незванный гость, ворвавшийся без приглашения в дом и нагло испортивший чужое имущество, беспечно восседал в кресле. Он был похож на Ангела Смерти. Облаченный в черную длинную сутану, он ровно сидел, положив руки на подлокотники. Его лицо было белым, как писчая бумага — резкий контраст с короткими черными волосами. Рядом с креслом стояла кочерга. Мирел усмехнулся, неужто, этот чертов священник, решил с ним разобраться. У него хватило наглости, не только вломиться в особняк, но он так же намеревался воспользоваться его личными вещами!

— Сегодня что, день открытых дверей в моем доме? — злобно процедил адвокат, остановившись на безопасном расстоянии от гостя.

Преимущество было на стороне Виржилию. Его не усыпить хлороформом и фенотарбиталом. Да и священник в отличной боевой форме, не то, что Мирел, получивший за короткий срок сразу два ранения, от якобы беспомощных врагов.

— Я стучал. Но мне не открыли, — холодно произнес священник, не двинувшись с места.

Адвокат рассмеялся, и злобно взглянул на наглеца, который никогда не мог похвалиться храбростью, а тут словно выпил чудотворного зелья и вмиг осмелел.

— Если не открыли, значит, не желают тебя видеть, святоша! Убирайся в свою гнилую церквушку и молись, исповедуй, пой псалмы и займись прочим дерьмом, которое мило твоей безгрешной душонке!

Легкая усмешка промелькнула на губах священника.

— Я бы с удовольствием этим занялся, если бы кое-кто не лишил меня такой

возможности.

— Да, извини, забыл. Я рассчитывал, что епископ вызовет тебя в свою резиденцию, и ты уберешься к чертям из этого города, хоть на короткое время. Но, ты остался. Мой промах, согласен. Хватит разглагольствовать! Поднимай свой тощий зад с моего антикварного кресла и вали прочь отсюда, пока я не вызвал полицию!

Священник спокойно поднялся и взял кочергу в правую руку.

— Я смотрю, у тебя сегодня крайне неудачный день, Мирел, — в голосе звучало сострадание, словно священнику и вправду было жаль адвоката, вид которого в данную минуту был далек от совершенства.

— Да, немного не повезло, споткнулся и упал с лестницы. Но это не твое дело, святой отец, — блондин сделал несколько шагов назад, стараясь не наступать на больную ногу. Он суматошно искал глазами какой-нибудь предмет, который мог бы послужить оружием. И он вспомнил! У его отца был пистолет, но до него нужно было добраться раньше, чем преподобный огреет его железякой.

— Не хочешь ли ты покаяться в грехах, сын мой? Очистить душу? — Виржилию стал медленно приближаться к адвокату, кочерга противно скребла по полу, оставляя царапины на дорогом сосновом паркете.

— Спасибо за предложение, святой отец, но как-нибудь в другой раз, — оскалился в улыбке Мирел. Его распухший окровавленный нос, придавал лицу жуткое выражение. От напыщенности, лоска и идеальной красоты не осталось и следа.

Блондин, собравшись с духом, рванул в сторону секретера. Он дернул за ручку ящика. Ему повезло. Отец не запер его. Мирел успел выхватить пистолет, до того момента, как священник приблизился к нему.

Виржилию застыл в шаге от Мирела. Кочерга повисла в воздухе. Он не успел ударить, только замахнулся. Дуло пистолета уперлось ему в грудь.

Адвокат злорадно расхохотался. Кровь тонкой струйкой вновь начала сочиться из сломанного носа, попадая прямо на фарфоровые зубы Мирела.

— Превратности судьбы, святой отец! Промедление подобно смерти. Я опять победил! Впрочем, как и всегда. Ты просто ничтожный церковный червь, которому никогда не быть мной, — блондин, продолжал тыкать в грудь священника пистолетом. Но тот не отступил, ни на шаг. Выражение его лица было совершенно спокойным, словно он не боялся, что безумец, не задумываясь, прострелит ему грудь.

— Спасибо Всевышнему, что он уберег меня от такой участи. Ты суций дьявол и твое место в аду. А перспектива стать блеклой копией Сатаны меня не прельщает.

Адвокат покачал головой. Он чувствовал, как в нем нарастает раздражение. Он мог бы пристрелить преподобного сию же минуту, но это было бы слишком простым выходом, а Мирел любил трудности.

— Ты еще отвратительней, когда пытаешься строить из себя героя, — процедил он.

Внезапно священник нахмурился, взглянув за плечо Мирела, за тем сделал осторожно шаг назад.

— На что ты уставился? — удивленно произнес адвокат. Но ответа он не услышал так, как неожиданно рухнул на пол без чувств.

Пистолет вылетел из его руки и упал на ковер. Виржилию наклонился над блондином, и приложив пальцы к шее проверил пульс. Мирел был жив, только потерял сознание. Священник поднял оружие и посмотрел, на довольно улыбающуюся Анну, с огромной

доской в руках.

— Не благодари. Эффект неожиданности. Он же не знал, что у тебя есть подкрепление. Я спасла тебе жизнь, — произнесла в свое оправдание Анна, продолжая широко улыбаться.

— Спасибо. Но ты должна была сидеть в машине и не высовываться, — негодуяще прошептал Виржилиу.

— Если бы я послушала тебя, то, скорее всего, ты был уже мертв, святой отец. Я предлагаю отыскать Кристи, пока этот тип не очнулся. Жаль, мы не можем вызвать полицию. Мы ведь вломились к нему в дом и нарушили закон.

— Отправляйся обратно в машину.

— Нет.

— Анна...

— Нет! Хватит меня уговаривать. Взгляни на него. Это ты его так разукрасил?

— Он сказал, что упал с лестницы.

— Ясно. Идем за мной.

Анна твердым шагом направилась в кабинет, куда вел кровавый след. Священник покачал головой и поспешил за ней, держа в одной руке пистолет, в другой кочергу. Если адвокат очнется раньше времени, у них будет защита.

Кровавый след привел преподобного и девочку к книжному шкафу. Здесь он обрывался, словно адвокат поранился в этом месте, либо умел ходить сквозь стены. Виржилиу предусмотрительно закрыл дверь кабинета, подперев ручку стулом.

— Ни Кристи, ни доктора здесь нет, — развел руками он, — Мирел, наверняка, их прячет в другом месте. Например, в подвале.

— Тихо!!! — воскликнула Анна, и приложив ухо к стеллажу с толстыми томами, прислушалась. Священник недоуменно взглянул на нее.

— Что ты пытаешься услышать?

— Они там, за шкафом! Вытаскивай все книги подряд! Поворачивай и двигай все предметы в этом кабинете. Это не просто книжный шкаф, это дверь, ведущая в тайную комнату!

Анна стала хаотично вытаскивать книги и бросать их на пол. Виржилиу кинулся помогать ей. Теперь, он понял, почему три года назад полиция, которую вызвал, ничего не обнаружила в доме. Мирел был дьявольски умным монстром! Он не только умело избегался от улик, но предпочитал творить бесчинства у всех под носом, не вызывая подозрения. Звуконепроницаемая, тайная комната! Как раньше Виржилиу не пришла эта догадка в голову?

Анна пыталась дотянуться до настенной лампы, но ее невысокий рост, не позволял осуществить задуманное. Священник схватил светильник и резко повернул его вниз. Прозвучал щелчок. Тяжелый стеллаж бесшумно открыл проход в темное помещение. Виржилиу заглянул первым.

— Держи, — он протянул Анне кочергу. — Если вломится эта сволочь, врежь ему! Я сейчас вернусь.

— Я тоже хочу с тобой, — запротестовала было девочка.

— Нет, если мы вдвоем войдем туда, а адвокат вернется, то мы все окажемся в ловушке.

— На это раз, ты прав, — согласилась Анна и взяла кочергу в руки. — Только возвращайся быстрее.

Священник кивнул и нырнул в темный проход.

— Анна, поищи в кабинете ножницы или перочинный нож! — раздалось из темноты.

Девочка кинулась к письменному столу. Стараясь найти нужный предмет. Она хаотично открывала ящики, выкидывая содержимое на пол. Наконец ей удалось отыскать ножницы, в одном из ящиков, где было полно маленьких коробочек с кассетами, на которых были записаны женские имена. Девочка, пробежалась глазами по надписям, заметив имя сестры, она нервно сглотнула слюну.

— Анна! — Виржилиу показался на пороге. На нем не было сутаны, лишь черная рубашка и брюки.

— Держи, — девочка протянула ножницы. — Я кое-что нашла.

— Еще несколько минут, подожди, — произнес священник и вновь скрылся в проходе.

Анна вновь взглянула на кассеты, за тем на дверь кабинета. В гостиной послышались приглушенные звуки, и возможно, голоса.

— Святой отец, поторопитесь, — произнесла она и взяла со стола кочергу, которую убрала в сторону перед поисками ножниц.

В проходе показался доктор, он опираясь одной рукой о стену медленно вышел из темноты, вторая рука безвольно повисла, словно на шарнирах, как у марионеток в кукольном театре. Анна испуганно взглянула на него. Лицо психиатра было в крови, левый глаз заплыл, превратившись в тонкую щель. Девочка успела подбежать к Ливиу и подставить свое плечо.

— Спасибо, — прошептал он, опершись на нее и пытаясь улыбнуться.

Анна кивнула, с жалостью смотря на него. Она провела его к стулу и помогла сесть. Через несколько секунд в проеме показался Виржилиу, с Кристи на руках. Сестра была обернута в его сутану и не двигалась. Ее лицо тоже было в крови. Анна хотела подбежать к ним, но преподобный остановил ее.

— С ней все в порядке. У нее временный паралич.

— Я живая, — произнесла Кристи, уткнувшись в грудь священника.

— Давайте уберемся отсюда поскорее, вызовем полицию и поедem в больницу, — прошептал Ливиу.

— Подождите, — Анна подбежала, к открытому ящику и стала вытаскивать кассеты, складывая их на стол, — Вот улики! Мы должны их забрать с собой!

— Ладно. Возьми пару кассет, этого будет достаточно, чтобы засадить его, если там записано то, что я думаю, — согласился Виржилиу.

Анна улыбнулась и начала распихивать коробочки по карманам брюк, а также взяла несколько в свободную руку.

— Ливиу, возьми пистолет здоровой рукой. Ты не сможешь нести Кристи, а я не смогу держать оружие, пока она у меня на руках.

Доктор кивнул, поднялся с трудом со стула и взял пистолет. Анна подошла к двери и прислушалась, в гостиной было тихо. Или адвокат все еще был без сознания, или притаился в засаде, дожидаясь своих жертв, чтобы напасть неожиданно. Девочка убрала стул и осторожно открыла дверь.

— Я пойду первым, — Ливиу пытаясь преодолеть боль, покинул кабинет. Следом вышла Анна с кочергой и кассетами в руках. И лишь потом, священник с Кристи.

— Второй раз мне приходится прятать твою наготу, — прошептал Виржилиу так тихо, что только Кристи могла его слышать. — Мне уже начинает казаться, что ты пытаешься меня соблазнить.

— Сегодня вы везунчик, святой отец. Если бы я могла двигаться, то врезала бы сейчас

вам по лицу, — так же тихо произнесла девушка.

— Ты никогда не изменишься, — улыбнулся священник и вошел в гостиную.

Анна и Ливиу молча стояли в центре гостиной. Виржилиу, крепче прижал Кристи к себе, и подошел к ним. Мирела нигде не было. Кровавый след вел к разбитой двери террасы.

— Он сбежал! — испуганно произнесла Анна.

— Быстро, все в машину! — приказал Виржилиу. — Когда будем в безопасности, вызовем полицию, и пусть они его ищут! Нам достаточно приключений на сегодня.

Священник отвез Ливиу и Кристи в больницу. Оттуда он вызвал полицию. Прибывшим служителям закона, он вручил кассеты и рассказал все подробности случившегося. Единственное, о чем ему пришлось солгать, причины, по которым святой отец вломился в дом к уважаемому адвокату. Он договорился с Ливиу и Кристи, чтобы они подыграли ему, дабы история звучала правдоподобно и не вызвала лишних вопросов. Никто не хотел вдаваться в детали незаконного расследования, которые затеяли Ливиу и Кристи, Анна и Виржилиу.

Полицейские изъяли улики, записали показания, пообещали вызывать всех свидетелей на допрос и отыскать адвоката, пустившегося в бега.

Когда полиция уехала, священник забрал Кристи, которой наложили двенадцать швов на щеке, Анну, и повез их домой. Ливиу остался в госпитале. Его травмы были куда серьезней: сотрясение мозга, вывих ключицы, сломанное запястье, несколько трещин в ребрах, кровавые рубцы на ногах и руках, где он был связан веревкой. Сестры обещали навестить психиатра завтра утром.

Подъезжая к дому, Виржилиу остановил автомобиль у ворот. В особняке горел свет. Кристи обняла крепко Анну и испуганно взглянула на преподобного, сидящего за рулем.

— Надо вызвать полицию, — произнесла Анна, — Если он пробрался в наш дом, мы с ним не справимся. У нас нет ни пистолета, ни кочерги! И мы не знаем, что он задумал!

Виржилиу, молча постукивал пальцами по рулю, напряженно думая. Мирел — психопат, который может в порыве безумия потерять контроль. Но станет ли он рисковать, в своем нынешнем состоянии? А может, в доме никого нет? Возможно, Виржилиу и Анна в спешке забыли выключить свет? Вариант вызвать полицию, был не так уж плох. Но если они ошиблись, и зря беспокоят стражей закона?

— Сидите здесь и никому не открывайте.

— Виржилиу, не глупи! Он опасен! Давай вызовем полицию, — попыталась остановить священника Кристи, схватив его за плечо. Он повернулся к ней лицом, взял ее руку в свои ладони и крепко сжав, улыбнулся.

— Я его не боюсь. Ты однажды назвала меня трусом. Я докажу, что это не так.

— Не надо мне ничего доказывать...

— Анна, если я через десять минут не вернусь, то звони в полицию. Мобильный в бардачке, — обратился священник к младшей девочке.

— Святой отец, вы понимаете, что вы ведете себя, как глупый герой фильмов ужасов, — произнесла Анна.

Виржилиу, продолжая улыбаться, кивнул.

— Позволь мне, хоть немного, почувствовать себя героем. Или ты жаждешь единолично получить все лавры, маленькая мисс Марпл?

Анна покачала головой.

— Идите, герой. У вас есть пять минут. Если вы не вернетесь, я вызову полицию.

— Десять.

— Нет.

— Ладно, упрямая девчонка, пять минут.

Виржилиу отпустил руку Кристи и вышел из машины. Он направился к дому, осторожн

оглядываясь по сторонам.

— Достань телефон. Я позвоню в полицию, — обратилась Кристи к сестре.

— Нет. Через пять минут, если он не вернется.

— Малявка, не выводи меня из себя. Если ты его мне не дашь, я сама возьму.

Анна покачала головой. Кристи никогда не изменится, несмотря на все, что ей пришлось сегодня пережить, она все еще строила из себя высокомерную и сильную личность. Скала, а не человек!

— Ты хочешь подраться? Я готова.

Кристи удивленно уставилась на сестру.

— Ты упала и ударила голову? Куда делась скромная, набожная и вечно ноющая соплячка?

— Люди меняются. Кто-то в лучшую сторону, кто-то в худшую.

— Дай телефон или подвинься, чтобы я пробралась на переднее сидение.

— Прекрати истерику! Глянь вперед, твой священник возвращается живой и здоровый. Я надеюсь на это.

Виржилию подошел к машине и, открыв дверь, сел за руль.

— Что там? — нетерпеливо прошептала Анна.

Священник улыбнулся. Закрыл дверь и повернул ключ зажигания.

— Ничего опасного. Почти. Если не считать, что моя мать вернулась раньше времени и решила приготовить кучу вкусных вещей, дабы сделать утром сюрприз. Нам это грозит перееданием, возможно ожирением, и упаси Господи, сахарным диабетом.

— Ура, Констанца вернулась! — довольно воскликнула Анна и захлопала в ладоши.

— Ага, прекрасно, — Кристи, эта новость совершенно не обрадовала, — И как мы ей объясним то, что ты, нас неизвестно куда возил в два часа ночи. И у меня повязка на пол лица.

— Не знаю. Наверно, придется рассказать правду. Она должна знать. Маму это тоже касается. Из-за этого психа погибла ее дочь. И даже, если мы сохрем, что например, ты Кристи — упала лицом на садовые грабли, и мне пришлось вести тебя в больницу. То, что скажем, когда завтра придется ехать в полицию и давать показания?

Девочки молча переглянулись.

— Ладно, расскажем правду. Но приготовь своей матери графин валерьянки и нашатырный спирт. После услышанного, ее, наверняка, придется приводить в чувство и успокаивать. Иначе она затопит слезами весь квартал, — согласилась Кристи и осторожно дотронулась до щеки. Рана не болела, еще действовала анестезия, но неприятное чувство осталось, словно монстру удалось оторвать, вместе с плотью, кусок души.

Адвоката нашли утром. Далеко ему не удалось уйти. Его тело лежало на серых холодных камнях, в неестественной позе у подножья моста. Он был в одном халате, пропитанном собственной кровью. Ступни содраны до мяса, словно он долго плутал по лесу босиком. Обувь рядом с ним не нашли. Видимо, он бежал впопыхах с места преступления.

Может, муки совести или страх перед тюрьмой, заставили его спрыгнуть с моста. Полиции предстояло в этом разобраться. Второе самоубийство в тихом городке, который вскоре превратится в настоящий осиный рой, где соберутся журналисты.

Известный всеми уважаемый юрист оказался не только суицидником, но и насильником. Правоохранительным органам предстояла огромная куча работы: отыскать

всех жертв маньяка, расспросить свидетелей, собрать улики, составить отчеты.

Местные сплетники не могли нарадоваться. Еще много лет они будут перебирать факты, слухи и прочую дребедень, обсуждая каждую деталь, по вечерам, за кружкой пива или играя в карты.

Полиция провела обыск в доме у реки и обнаружила, помимо кассет, множество других доказательств. Маньяк хранил трофеи. Среди них был плюшевый медвежонок Анны и рюкзак Кристи. Ко всему прочему, местный психиатр, пострадавший от рук преступника, предоставил служителям закона медицинские карты пострадавших. Он попросил разрешения участвовать в закрытие дела, чтобы выяснить мотивы преступника и охарактеризовать его поведение. Доктор хотел знать — почему Мирел стал таким? Что вынудило его совершать грязные и отвратительные поступки, сопровождаемые ярко выраженным садизмом? Как ребенок, выросший в благополучной и обеспеченной семье, предпочел добропорядочному образу жизни, причинять боль и страдание невинным девочкам, доводя их до безумия?

Оставалось много вопросов, которые требовали ответа. И на этот раз, время играло за команду победителей.

Кристи стояла у окна и молча наблюдала, как первые пожелтевшие листья, нехотя, отрываются от ветвей, и медленно кружа, опускаются на землю, образуя дивный осенний ковер.

Девушка услышала, как в комнату кто-то вошел. Шорох плотной ткани, дал ей понять, что это — священник. Его сутана выдавала его не только в шуме толпы, но и в тишине. Виржилиу подошел к окну и встал рядом с девушкой. Он взглянул на осенний сад и улыбнулся.

— Природа умирает, чтобы вновь возродиться и с новой силой вступить в борьбу с холодами, с засухой, с человеком...

Кристи повернулась к нему. На ее щеке, неровными полосами, виднелся багровый шрам.

— Вечно вы пытаетесь философствовать, святой отец. Я не Анна, я не так начитана. Объясняйте простыми словами, доступными моему маленькому куриному мозгу. Вот когда, получу диплом психиатра, тогда может быть пойму ваши умные мысли.

Священник осторожно взял руку Кристи в свои ладони и серьезно взглянул на нее:

— Однажды боль пройдет, и ты не успеешь оглянуться, как в твоей жизни все зацветет и покроется яркими красками. Но это произойдет лишь в том случае, если ты перестанешь возвращаться в прошлое, повторять Его слова и начнешь жить с чистого листа.

Кристи горько усмехнулась и отвернулась от священника, стараясь скрыть слезы, но руку не вырвала из его ладоней.

— Вы думаете, я не пытаюсь? То, что его тело мертво, еще не означает, что он отпустил меня. Я чувствую этот запах! Констанца и Михай выкопали все розы в саду, а вы даже убрали их с церковной ограды, но ваши действия напрасны. Вам не уничтожить все цветы в мире, чтобы они не напоминали мне о Нем, о том, что монстр сделал со мной.

Виржилиу кивнул и еще крепче сжал руку девушки.

— Трудности в этом мире даются нам не просто так. Они помогают нам преодолеть страхи, сомнения, отчаяние. Они укрепляют нас. Благодаря испытаниям, мы обретаем веру, мы не теряем надежду и мы ценим любовь!

— Да, и если вера моя будет крепка, мне не страшны будут ущелья, бурные реки,

безграничные океаны. Благодаря вере, я миную их невредимой! Ибо, вера моя, словно мост из цельного камня, которому не страшны ни лютые ветра, ни земные войны, ни губительные наводнения!

Священник рассмеялся и отпустил руку девушки.

— Не один я, оказывается, попал под влияние отца Илии.

— До той страшной ночи, он был единственным, кто мог оправдать поступки Всевышнего. Он всегда знал ответы на все вопросы. Святой отец, даже защищал Марию, которая, мне кажется, свихнулась на религиозной почве. Но он во всем умел находить добро и божий промысел.

— Не хочешь прийти на службу?

Кристи улыбнулась и вновь повернулась к священнику.

— Не бойтесь, что подожгу часовню?

— Я запасся огнетушителями на этот случай.

— Предусмотрительно. В другой раз, пожалуй, сегодня у меня есть дела.

Во двор въехал довольно потрепанный автомобиль. Священник приветливо помахал водителю. За рулем сидел Ливиу.

— Я забыл, что сегодня тот самый день. Что же могу лишь пожелать тебе удачи в твоих начинаниях.

— Спасибо, — Кристи внезапно кинулась на шею священнику и крепко обняла, оносторожно похлопал ее по хрупкой спине, боясь обнять в ответ.

— Учись прилично, и не забывай о нас, — прошептал он на ухо.

Кристи отстранилась и улыбнулась. Виржилиу почувствовал, как слезы, предательски жаждут брызнуть из глаз.

— Эй, святоша, я надеюсь, ты не разреवेशься сейчас? Я буду приезжать на каникулы. Вы не успеете по мне соскучиться!

— Я не плачу, вредная девчонка. Тебе пора в путь. Давай, я помогу тебе с багажом.

Кристи кивнула. Ей было тоскливо уезжать отсюда и в тоже время, хотелось сбежать подальше от этого города. Ливиу подкинул замечательную идею, поступить в медицинский университет. Кристи недолго думала, учеба ей поможет не только избавиться от дурных мыслей, но предоставит возможность копаться в головах других людей, устранять недостатки и выявлять отклонения, до того, пока человек не превратится в монстра. Кристи выбрала психиатрию, чтобы получить ответы на вопросы, которые день и ночь скреблись в ее голове.

Анна вернулась со школы раньше обычного. Последние два урока отменили из-за осенней ярмарки. Она удивилась, когда увидела машину Михая во дворе. Время обеда прошло. Он должен был вернуться в офис. Сердце девочки беспокойно заколотилось. Она надеялась, что не случилось ничего дурного.

Тихо зайдя в дом, она услышала, как опекуны о чем-то спорят. Опять взрослые секреты! Анна пошла к лестнице, чтобы подняться в свою комнату и, лишь потом, сообщить домочадцам, что вернулась. Но любопытство заставило подойти к двери кухни и подслушать разговор.

Михай был явно рассержен. Он редко повышал голос. Почти никогда.

— Ты, понимаешь, что ты наделала! Если, кто-нибудь узнает....

— Не узнают, я к нему не прикасалась, — пыталась оправдаться Констанца, — Никто

не знал, что я там была.

— Боже мой, милая, ты же понимаешь, что все тайны когда-нибудь да всплывают наружу?!

— Возможно. Но если ты узнал первым? Я думаю, ты поступил бы так же!

— Неважно, как бы я поступил...

— Важно! Я когда увидела кассету, которую мне прислал неизвестный. Я все поняла. Я видела все своими глазами, что он с ней сотворил! Ты думаешь, что наша девочка заслужила такого? Да, она была влюблена в этого отморозка! А он? Он ее изнасиловал! Он уничтожил ее! Я хотела, чтобы он почувствовал, то, что чувствовала она!

Анна затаила дыхание, прикрыв рот рукой. Она была растеряна, девочке хотелось убежать в комнату, но она не могла сдвинуться с места. Внутренний демон-подстрекатель, заставил ее остаться, и дослушать разговор до конца.

— Послушай меня, Констанца! Ты должна уничтожить кассету! И забыть навсегда, о том, что ты заставила человека, пройти полуголым, босым через лес! Загнала его на парапет моста и вынудила спрыгнуть на камни, угрожая пристрелить! Уму непостижимо, как тебе пришло это в голову! Он же психопат, если бы все вышло из-под контроля? Ты бы могла погибнуть! Ты...

— Я сделало то, что должна была сделать! Ты можешь меня ненавидеть, осуждать, даже развестись со мной или сдать полиции, но я все равно буду считать, что поступила верно! Он мусор, а место отбросов на свалке!

Анна заставила себя отойти от кухонной двери. Она бесшумно вышла из дому и сделала глубокий вдох. Девочка должна была кому-нибудь рассказать об услышанном. Кристи была далеко, а по телефону такие вещи не говорят. Оставался один вариант Она пойдет в часовню, и на исповеди, все расскажет Виржилию. Так Анна, по крайней мере, облегчит душу.

Монстров порождают люди! Талантливого художника, которому дано восхищать взоры любителей искусства, отвергают своим высокомерием и безразличием, превращая его в жестокого палача! Он будет годами копить злобу и ненависть, работая над собой, продвигая идеологию, собирая под своим знаменем толпу безвольных последователей! И однажды — мир рухнет! И народы всей планеты захлебнутся в крови, предавая земле прах солдат, засыпая под крики мучеников, вымаливая прощения у стариков и детей, погибших в газовых камерах.

Монстры среди нас! Они ходят незаметно в толпе. Их белое ангельское оперение, еще не обагрилось кровью невинных жертв! Их разум не замутнен отравой! Но они готовы в любую секунду вырваться на свободу. Достаточно дурного слова в адрес! Одного слова! И чудовище, жаждущее внимания, любви и понимания, в одну секунду трансформируется из терпеливого херувима в беспощадного демона! Насмешки над внешностью, ростом и происхождением, способны совершить невероятное. Обида — укрепляет дух. И темная сущность — обретает власть. Поднявшись из грязи, чудовище потратит все силы, но достигнет престола! И корону ему на чело возложат те, кто унижал его! Но монстр ненасытен, он требует крови. И вновь война будет ему лекарством. Демон не видит разницы между своими братьями и вражеским народом. Он поведет войска и будет упиваться болью! Пусть сотни тысяч соотечественников дойдут до Москвы и превратят ее в пепел, а на обратном пути умрут в снегах и от голода. Монстр не остановится!

Монстры живут внутри нас! Они спят, как младенцы, но достаточно одного шума, и, пробудившись, они издадут истошный вопль, лопающий барабанные перепонки, разрывающий аорты, рушащий тонкие стены сознания! Их крик способен свести с ума! Каждый человек ведет борьбу с внутренними демонами! Кому-то удастся получить власть над ними, а кого-то поглощает тьма. Завеса слишком тонка, а воля человека слаба. И лишь братьям, по силам оказать помощь. Рука друга способна остановить от неверного шага на краю пропасти! Ласковое слово любимых — от непоправимых ошибок, которые способны сломать судьбу! Вера обычных людей, может подарить крылья и вытащить из мерзкой топи, тянущей на дно!

Монстры смертны и бессильны, когда миром правит добро и понимание, сострадание и честность, самоотверженность и отвага! Монстров можно победить... Достаточно, перестать подкармливать их алчную сущность, тогда они поблекнут, станут призраками и растворятся в небытие...

Больше книг на сайте — Knigoed.net